

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
THE INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES, RAS

АССОЦИАЦИЯ ЯПОНОВЕДОВ
THE ASSOCIATION OF JAPANESE STUDIES

ЯПОНСКИЙ ФОНД
THE JAPAN FOUNDATION

ЯПОНИЯ ПОСЛЕ СМЕНЫ ВЛАСТИ

JAPAN AFTER THE CHANGE OF POWER

Москва
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
2011

УДК 94 (520)
ББК 63.3 (5Япо)
Я70

Руководитель и ответственный редактор проекта
Д.В. Стрельцов

Япония после смены власти = Japan after the Change of Power / Ин-т
востоковедения РАН ; Ассоциация японоведов. — М. : Вост. лит., 2011. —
199 с. — ISBN 978-5-02-036448-6

ISBN 978-5-02-036448-6

© Ассоциация японоведов, 2011
© Редакционно-издательское
оформление Издательская фирма
«Восточная литература» РАН, 2011

В книге, подготовленной российскими японоведами, рассматриваются те изменения, которые произошли в Японии в экономической, политической и социально-культурной областях после прихода в сентябре 2009 г. к власти Демократической партии. Авторы пытались дать ответ на вопрос о причинах смены парадигмы общественно-политического и экономического развития Японии на рубеже двух первых десятилетий XXI в., отражением которой стала смена власти.

Много места в книге уделяется анализу конкретных проблем, с которыми столкнулась Япония в 2009–2010 гг., рассмотрению противоречивых и неоднозначных результатов деятельности администрации ДПЯ, оценка которой была дана японскими избирателями в ходе выборов в палату советников летом 2010 г.

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся проблемами современной Японии.

This project book by Russian scholars studying Japan addresses the changes that have occurred in the economic, political, social, and cultural fields of Japan after the advent to power in September 2009 of the Democratic Party of Japan. The authors have sought to elucidate reasons underlying the change in the paradigm of the country's development at the turn of the first decade of the 21st century, as it was reflected in the change of government.

The collection is concerned with analysis of specific problems faced by Japan in 2009–2010, and of controversial and ambiguous results of the DPJ administration's rule, as they were evaluated by Japanese voters in the elections to the House of Councilors in the summer of 2010.

The book is written for the general public interested in the problems of contemporary Japan.

СОДЕРЖАНИЕ

Авторский коллектив	6
<i>D. Streltsov</i> Summary	8
<i>Э.В. Молодякова</i> Демократическая партия Японии: путь во власть	30
<i>И.А. Цветова</i> Власть Демократической партии времен кабинета Хатояма — новая политика?	46
<i>Д.В. Стрельцов</i> О реформе системы принятия политических решений	65
<i>В.Э. Молодяков</i> Наото Кан — «премьер из народа»: вехи политической биографии	81
<i>С.В. Чугров</i> Изменения в национальном сознании в зеркале опросов общественного мнения	96
<i>К.О. Саркисов</i> США или Китай? Дилемма стратегического выбора ДПЯ	115
<i>И.А. Носова</i> «Азиатский разворот» во внешнеполитическом курсе Японии (2009–2010)	129
<i>В.А. Гринюк</i> Политика правительств Демократической партии Японии в отношении государств Корейского полуострова	144
<i>А.В. Шлындов, Н.П. Тебин</i> Преимственность политики новой администрации в сфере безопасности	156
<i>И.П. Лебедева</i> Экономическая политика нового правительства	167
<i>Е.Л. Леонтьева</i> Японская экономика: после кризиса, после смены власти	186

CONTENTS

Authors' Team	7
<i>D. Streltsov</i>	
Summary	8
<i>E. Molodyakova</i>	
The Democratic Party of Japan: The Way to Power	30
<i>I. Tsvetova</i>	
The Democratic Party Administration in the Period of Hatoyama Cabinet — A New Policy?	46
<i>D. Streltsov</i>	
On the Reform of the System of Political Decision-Making	65
<i>V. Molodyakov</i>	
Naoto Kan — “People’s Prime Minister”: Landmarks of the Political Biography	81
<i>S. Chugrov</i>	
Changes in National Consciousness in the Mirror of Public Opinion Polls	96
<i>K. Sarkisov</i>	
The United States or China? The Dilemma of the Strategic Choice of the DPJ	115
<i>I. Nosova</i>	
“The Asian Turnover” in the Japanese Foreign Policy (2009–2010)	129
<i>V. Grinyuk</i>	
The Policy of the Democratic Party Cabinets towards the States of the Korean Peninsula	144
<i>A. Shlyndov, A. Tebin</i>	
The Succession of the Security Policy in the Course of the New Administration	156
<i>I. Lebedeva</i>	
The Economic Policy of the New Government.....	167
<i>E. Leontyeva</i>	
The Japanese Economy: After the Crisis, after the Change of Power	186

Авторский коллектив

Гринюк Владимир Александрович, кандидат исторических наук, Институт Дальнего Востока РАН

Лебедева Ирина Павловна, доктор экономических наук, Институт востоковедения РАН

Леонтьева Елена Львовна, кандидат экономических наук, Институт мировой экономики и международных отношений РАН

Молодяков Василий Элистархович, доктор политических наук, университет Такусёку (Япония)

Молодякова Эльгена Васильевна, доктор исторических наук, Институт востоковедения РАН

Носова Ирина Александровна, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Саркисов Константин Оганесович, кандидат исторических наук, Дипломатическая академия МИД России

Стрельцов Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ; Институт востоковедения РАН

Тебин Николай Петрович, Институт Дальнего Востока РАН

Цветова Ирина Алексеевна, кандидат исторических наук, Институт Дальнего Востока РАН

Чугров Сергей Владиславович, доктор социологических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, журнал «Полис» («Политические исследования»)

Шлындов Александр Васильевич, кандидат исторических наук, Институт Дальнего Востока РАН.

Authors' Team

Chugrov, Sergei V., Prof. (Sociology), Moscow State Institute of International Relations (University), magazine "Polis" (Political Research)

Grinyuk, Vladimir A., Ph.D (History), Institute of the Far East, Russian Academy of Sciences

Lebedeva, Irina P., Prof. (Economics), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Leontyeva Elena L., Ph.D (Economics), Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

Molodyakov, Vasily E., Prof. (Political Science), Takushoku University (Japan)

Molodyakova, Elgena V., Prof. (History), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Nosova, Irina A., Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation

Sarkisov, Konstantin O., Ph.D. (History), Prof., Diplomatic Academy, Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation

Shlyndov Alexander V., Ph.D. (History), Institute of the Far East, Russian Academy of Sciences

Streltsov, Dmitry V., Prof. (History), Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation; Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Tebin, Nikolai P., Institute of the Far East, Russian Academy of Sciences

Tsvetova, Irina A., Ph.D. (History), Institute of the Far East, Russian Academy of Sciences

D. Streltsov

SUMMARY

The project book starts with the article by Elgena Molodyakova concerned with the historical and socio-political background of the victory of the Democratic Party of Japan in the 30 August 2009 elections. The results of the elections to the House of Representatives were stunning indeed. Firstly, it was for the first time that an opposition party came to power having won a majority of seats in the key lower house. Secondly, it was for the first time that any single party obtained so many seats there. Thirdly, the defeat of the LDP, which has kept a little more than one third of its previous mandates (119 out of 300), was a real downfall for liberal-democrats. Several party heavyweights, ex-ministers and even a former Prime Minister found themselves “overboard.” Even more disturbing for the LDP was the fact that its experienced and mature politicians, who seemed to have “taken root” on the ground, gave way to newcomers, the Democrats, including women.

The results of the 2009 elections showed the validity of the 1994 electoral system, under which elections are held in single-member constituencies and by party lists. The reform of the electoral system helped to create an effective opposition, which ended the LDP’s long-term monopoly on power. As the newspaper Asahi put it, the elections created “a powerful wave of popular expectations that has opened a new chapter in the political history of the nation, heralding the change of power.”

Testifying to the serious change is, above all, the scale of the victory of the Democrats and the defeat of their main opponents. When the Liberal Democrats did not receive a majority in the House of Representatives for the first time in 1993, they remained the largest party in the country and soon returned to power. The current position of the LDP can be viewed as the culmination of profound shifts in political life, which had been in the making for decades. At the moment, “the voters have gone for the DPJ.”

The DPJ has a short history for a political party. Established in 1996, it acquired its present form after some realignment and consolidation in 2003. One can regard the DPJ as an analogue of the Democratic Party in the United States, and its strengthening promotes creation of a two-party system, similar to that in the U.S. The opposition between the Liberal Democrats and the Democrats lacks such fundamental importance as their leaders, who exchange harsh statements now and again, would have us believe. In short, there are more things that unite the two parties than things that divide them. Almost all

senior DPJ leaders, with the exception of Naoto Kan, come from the LDP. All have the same political and social background, a similar outlook and views.

Despite the fact that the DPJ had many strengths—such as a large number of young, energetic members, telegenic on the screens and in the stands, a relatively “clean” image, and a not so obvious connection with the lobbying groups—its status in the political spectrum remained rather uncertain for a long time. Until the last elections to the House of Representatives, most of its deputies looked like “younger brothers” of the Liberal Democrats despite the asseverations by the DP leadership that the party represented the interests of “urban dwellers, taxpayers, and consumers.” In many ways, the DPJ is still a conglomerate of disparate groups, and it has yet to clearly define its political face.

The Democrats did not hope to obtain the necessary majority in the House of Representatives all by themselves; therefore, they focused on the consolidation of opposition forces. Its partners in the pre-election alliance included the Social Democratic Party of Japan (SDPJ) and a small New People’s Party (NPP), created by “dissidents” from the LDP. The elections’ returns allowed the Democrats to form a one-party cabinet. But the new government became a coalition, as this gave the DPJ a majority also in the Chamber of Councilors. The Democrats needed the support of junior partners, whose leaders were given ministerial positions in Y. Hatoyama’s cabinet, to ensure a smooth passage of bills in both houses of Parliament.

Longevity and stability of a party largely depends on the political will of its leading nucleus, its ability to maintain the unity of ranks and on the aspiration for implementing the planned program of action, of course. In the beginning, it seemed that the Democrats succeeded in this.

By voting for the Democrats in the House of Representatives’ elections, the electorate allowed them to come to power and granted them a lot of credibility. The Democrats promised that they would be able to improve radically the policymaking process and change the relationship between politicians and bureaucrats. A big and complicated job of work was in the offing. The Democrats proposed to the nation a promising and very specific political and economic program, many elements of which were assessed by their opponents as populist and even demagogic. To implement the promised economic and social measures required multi-trillion sources of budgetary funds. In these circumstances, the question arose: Can the Democratic Party realize its potential to rule the country in the broad sense of the word. According to an Yomiuri analyst, in the context of high hopes of the population for a change of the political style of the Liberal Democrats, “the new cabinet had to be sufficiently prudent to preserve the fundamental policy that was quite successful in the past and could serve as a pattern for the future.”

Eight months later, however, the DPJ had to replace its top management in response to the falling voter confidence rating below the psychologically acceptable level of 20%. Many promises have failed: the U.S. military base Futenma remained in Okinawa; high-speed roads did not become free, the payments for children will be less than promised and will begin later, as well as the gradual introduction of free education in upper secondary schools even though the law to this effect has already been approved by both Houses of Parliament. The Democrats promise not to raise the consumption tax,

although not only representatives of the opposition and the business community but also a number of influential members of their own party are calling for this. Some progress, however, is expected from the campaign to cut “unnecessary spending” in the state budget.

The unprecedented election victory gave way to an unprecedented fall in popularity—both in terms of percentage and speed. Analysts noted that the government was working in a nervous shortage of time, augmented by the lack of leadership qualities in it, conflicts between ministers, and their tendency to make sharp and not always deliberate statements. Therefore, the resignation of Prime Minister Hatoyama did not come as a surprise. That the cabinet was doomed was predictably clear from early May. The way out of this situation was the simultaneous resignation of Yukio Hatoyama as chairman of the DPJ and the Prime Minister and of Ozawa Ichiro as the party’s general secretary. Both men had been found to be involved in scandals in which they were accused of violating the laws on political donations. Their personal guilt was never proved, but their former assistants and secretaries received prison sentences, although suspended ones.

The resignation of Prime Minister Hatoyama allowed the Democratic Party another opportunity to somewhat improve its rating. Indeed, the withdrawal of the Hatoyama-Ozawa duet from the political scene, was a good political move as both were largely responsible for the decline of the Democrats’ prestige. The cabinet formed by Naoto Kan received support of 60% of the population.

When the DPJ was still in the making, individual analysts expressed the opinion that such a union was unviable due to the heterogeneity of its composition, which might trigger some centrifugal mechanism in the future. These forecasts did not materialize, as the events of the first decade of the 21st century indicated. First, the DPJ has made a reputation as a real force in the present-day political process. Next, it became the ruling party and formed a government, with its chairman being elected Prime Minister, as the leader of the majority party in Parliament. Next, if it can lead the country as successfully and for as long as did its predecessor, the LDP, then one will have reasons to speak of the emergence of a stable, efficient, and real two-party system, a “2009 System,” by analogy with the “1955 System” based on the rule of the Liberal Democrats.

In the opinion of Irina Tsvetova, the transfer of power in Japan to the Democratic Party (DPJ) as a result of the defeat in the 30 August 2009 Parliamentary elections of the ruling Liberal Democratic Party (LDP), raises an obvious question: is one to expect much change in Japanese domestic and foreign policy?

Until recently, Japanese voters found it difficult to make a choice in favor of the DPJ. In the past few years, however, especially after it won a majority in the Chamber of Councilors of the Diet in 2007, the DPJ started strong criticism of governmental policy, of the LDP’s methods, and of the behavior of its politicians. This has made it possible to talk about a real opposition between the two largest parties in the Parliamentary arena that is comprehensible to voters.

The DPJ based its electoral promises, outlined in a formal manifesto, on addressing its program of action to a wide range of topical political issues, to the political course and practice of the LDP. The main purpose of the manifesto was to explain to voters the difference between the DPJ and the LDP.

On September 16, 2009, DPJ leader Yukio Hatoyama, who was elected Prime Minister by Parliamentary vote, formed a coalition government in which the allied parties were granted one ministerial post each.

While answering journalists' question on how DPJ policy would differ from that of the LDP, the future Prime Minister Y. Hatoyama said the following shortly before the elections to the House of Representatives: "We cannot say that the whole policy of the ruling and opposition parties must necessarily differ. I think that the most essential difference from the LDP consists in our proposal to reject the centralized bureaucratic management, and to build a state of 'municipal sovereignty'."

It is this interpretation of the new government's mission that was fixed in "The Fundamental Course" of the Hatoyama Cabinet, which expressed the determination "to build a new state," and to base its policy on the two main pillars of "realizing a genuine popular sovereignty, a sovereignty with strong municipal power," and of "abolishing the policy based on personal benefits and the political system contingent on bureaucracy."

Committed to manage the country in a new manner in order to implement its party's numerous promises, the Hatoyama Cabinet had to rush to demonstrate some successful results before the 2010 summer elections to the House of Councilors, so as to secure more Parliamentary support for its course. However, the presentation of the cabinet's program of action to Parliament was delayed.

It was not before late January, 2010, that Hatoyama informed the Parliament about his cabinet's first steps and plans for further action. The Government did begin to practically implement certain principles articulated in the manifesto and related to overcoming dependence on the bureaucracy and transition to political leadership. This work was hampered, however, by the lack of legal justification, as most of the necessary draft legislation was still being discussed and adjusted within the cabinet, and even the introduction of many of them to Parliament were put off till the following years.

While presenting the new government's economic policy to Parliament, Hatoyama stressed primarily the importance of "free-market economic activity." At the same time, he acknowledged that it was groundless to "authorize the market to deal with everything, to let survive only the fittest, and to rely upon economic rationalism at the expense of the people." The Prime Minister called for "a turn toward the economy for the people."

The government's budget for 2010 was the largest state budget ever. A large excess of expenditures over revenues called for new state borrowing which, the Prime Minister promised, would not go beyond 44 trillion yen. "We have turned the budget toward 'protecting the people'," Hatoyama said. "While reducing the budget for public works by 18.3%, we increased by 9.8% the spending on social security. We have succeeded in creating a budget that increases by 5.2% the outlays on education and science."

Social security is an important object of concern for the Hatoyama cabinet because the DPJ came to power having assumed serious commitments, especially related to the pension system. In this area, the government has opted for a policy of small but tangible steps for the people, putting the implementation of the larger promises off until a more distant time.

While essentially continuing the foreign policy of previous governments, the Hatoyama cabinet and personally the Prime Minister defined the main emphases in Japanese diplomacy more clearly, reaffirming Japan's commitment to the close alliance with the United States as the axis of Japanese diplomacy and, simultaneously, expressing the hope for independence and a more prominent role of Japan in this alliance. Furthermore, the government emphasized and recognized the importance of Japan's efforts in promoting the concept of an East Asian Community. Japan's commitment to increase its role in international politics, especially in building a world without nuclear weapons and in dealing with global humanitarian issues was declared with added assertiveness. By and large, the Hatoyama Cabinet's foreign policy appeared more realistic than its predecessor's. What was important for Russia was that the new government understood the importance of developing comprehensive Japanese-Russian relations, despite its unwillingness to show a realistic approach to the "territorial question."

Generally speaking, the initial period of the Hatoyama Cabinet's activities was characterized by his persistent desire to emphasize the novelty of its course, by setting it off against the policies of the Liberal-Democratic governments, and by demonstrating its resolve to implement its electoral promises. The period has also seen the implementation of some concrete steps in addressing some of the government's objectives. At the same time, the realization of most of them required further discussion within the DPJ and the government, and by society at large.

In spring and summer 2010, the Hatoyama Cabinet came under broad public criticism not only on the part of the ousted Liberal Democrats, who formed the opposition, but also on the part of the forces that had supported and welcomed the transfer of power to the DPJ. The media regularly accused the government of its indecisiveness and unwillingness to implement its electoral promises, of its departure from and even abandonment of the plans already approved. The most acute social criticism befell the cabinet and its leader personally for passivity in implementing its specific commitment to bring about the withdrawal of the Futenma U.S. military base from Okinawa. Addressing the nation on television on May 23, Mr. Hatoyama formally apologized to the people for failing to realize that promise. Then, on June 2, 2010, Y. Hatoyama announced his resignation from the post of Prime Minister.

These developments indicated that the Japanese public did not experience any "new wave" in the policies conducted by the Hatoyama Cabinet.

As noted by Dmitry Streltsov, among the many problems facing the Democratic Party after it came to power, a special significance could be given to the task of creating an adequate and effective mechanism of political decision-making. The DPJ's most important political slogan is the thesis of "political leadership" (Seiji shudo), implying the primacy of politics in strategic decision-making in public administration.

In a broad sense, the solution of this problem involves a revision of the basic principles of relations between the administrative and political authorities, the methods of interaction between politicians and bureaucrats.

The DPJ sees the main reason for deficiencies in decision-making in that the bureaucrats, not politicians, played traditionally the central part in the

preparation of decisions; in fact, the bureaucrats were involved in the coordination of decision-making even at the highest political level. The bureaucrats were assigned the role of intermediaries in the process of harmonizing political interests of Parliamentary factions and individual units within the party administration.

The main efforts to reform the decision-making mechanism, it was proposed, were to be directed to the strengthening of the institutional foundations of political power of the parties of the ruling bloc. According to I. Ozawa, H. Kan, K. Okada, and other ideologists of the reform, the Japanese model of political power architecture was to be based on the British (or Westminster) experience, where political units of government are not opposed to the bureaucracy but directly manage it through political organs of government. Characteristic of this model of government is the dominant role of the cabinet, which is to become a "political control tower" to be staffed with the leading members of the ruling party.

The DPJ's program documents laid down the following goals for reforming the public administration system:

- consolidation of the cabinet as an organ of political governance;
- strengthening the role of professional politicians in decision-making at the national level;
- institutional strengthening of the powers of the Prime Minister.

After winning the 2009 election, the DPJ disbanded its Council for Political Affairs, which was considered part of an obsolete system. Simultaneously, the government dissolved the Council of Administrative Deputy Ministers. Discussion of important government decisions "in essence" was to take place directly at cabinet meetings, which were "off limits" to professional bureaucrats. To enhance political control over bureaucracy, the so-called "political councils" consisting of ministers, deputy ministers, and political advisers were set up in the ministries and departments.

An important direction of work aimed at institutional strengthening of the cabinet and of the Prime Minister, as well as at enhancing the role of non-bureaucratic managers in public administration concerned measures taken by the DPJ to form new bodies of budget planning. Steps have been taken to create two such agencies: the National Policy Bureau (NPB; Kokka senryaku Keku) and the Government Revitalization Unit (GRU; Gyosei Sasshin Kaigi). The National Policy Bureau is supposed to assist the Government in conducting a comprehensive assessment of the overall concept of the state budget and in analyzing its macroeconomic proportions in terms of consistency with the strategic objectives of governmental policy. Furthermore, the NPB is supposed to be an instrument enabling the government to implement its strategy for economic development in the financial, industrial, agricultural, and environmental fields, and to coordinate agencies in accomplishing long-term public policy objectives to achieve a balanced budget, the sustainability of the national health system and pensions, etc. As for routine decisions related to the formation of the budget for the coming fiscal year, this function was to be assumed by the Government Revitalization Unit. The main objective of the GRU is to coordinate the process whereby state departments submit their budget requests to ensure they are consistent with long-term objectives of governmental policy.

After Hatoyama's resignation, the new leadership of the DPJ, headed by N. Kan, decided to restore the Policy Affairs Research Council. The new model is expected to become a kind of debating platform where DPJ deputies would be able to discuss public policy issues and put forward new ideas and initiatives.

Actually, by summer 2010, no political course was initiated by the Government in any area of public administration. Therefore, we can conclude that the effectiveness of new institutional mechanisms to enhance the role of the Prime Minister depends significantly on the personal qualities of the head of the cabinet, and especially on his ability to take advantage of the enormous prerogatives that the new architecture of political power confers upon him.

The paper by Vasily Molodyakov is dedicated to the political career of Naoto Kan, who assumed the post of Prime Minister of Japan on June 8, 2010. The history of the Democratic Party of Japan is inseparable from the life and career of Naoto Kan, one of the founders of the DPJ. The choice of N. Kan as the head of the party and government was natural because, since the inception of Yukio Hatoyama's Cabinet in September 2009, Kan was its "Number Two"—de jure, as the only deputy Prime Minister, and de facto, as the closest associate of Hatoyama since the foundation of the DPJ in 1998. However, Kan's political biography differs markedly from those of the absolute majority of his predecessors in the top government positions. He was born in a distant province (Yamaguchi Prefecture) in the family of a manager at some glass-making company, who later rose to the position of factory manager. Kan likes to point out that he is a "self-made man" who grew up in a family that lived on one salary, and that he inherited neither capital nor connections.

A graduate of the famous but not too prestigious Tokyo University of Technology, Kan worked for some time in the patent business, but soon went into politics. His path was typical because it began well at grass roots level (at first, he participated in election campaigns of other candidates, then began to form his own political base), but difficult because he did not belong to any of the rigidly structured political parties. After he had had his baptism of fire in 1974 at the campaign headquarters of Fusae Ishikawa, the elder of the Japanese feminist movement, Kan decided to try his own luck. He failed twice in elections for the lower house (1976 and 1978), and then once in his bid for the upper house (1977), but in 1980 he did make it to the lower chamber on the Social Democratic Federation's ticket, a party that existed until 1994. In 1987, at the age of 41, he was already a deputy secretary general of the SDF and chaired the key Political Committee and the Bureau of Youth Affairs.

On January 11, 1996, the 49-year-old Kan became minister of health and social welfare in the Hashimoto coalition cabinet. In this position, he gained national fame as a fighter against corruption and the dominance of bureaucrats, especially during the scandal over the import of donated blood infected with human immunodeficiency virus (HIV). Faced with an unprecedented wave of criticism against his department, Kan made it clear that he would not cover his offending subordinates. The minister made up for his lack of professional knowledge with the energy and intransigence vis-a-vis corruption, which won him popularity among fellow citizens and antipathy on the part of the bureaucrats. Although he was a member of the government less than one year, he did

establish himself as a national political figure and a politician capable of rapid and innovative solutions.

On September 17, 1996, Kan and Yukio Hatoyama announced the creation of a new—Democratic—party. After the October 20 elections, they took a risk, refusing a “bird in the hand”—the role of junior partner in the ruling coalition, for the sake of prospective “two in the bush”—a chance to create a competent “second party” that might eventually replace the LDP in power and determine the face of the country in the new century. Kan became the main motive force behind the opposition to the LDP, first as a member of the Minyuren Parliamentary bloc, then as a leader of the updated DPJ. In 1998, Kan not only emerged as the leader of the largest opposition party but also as “the face” of the opposition as a whole. Public opinion polls would consistently give him the first place as “an ideal Prime Minister of Japan.” In fact, on July 30, the upper house of Parliament elected him head of government, but that decision was not effective since the LDP had no control of the key lower house.

Between 1999 and 2008, Kan, although still one of the leaders of the opposition, was no longer a “newsmaker”. The stabilization achieved by the Liberal Democrats under Koizumi, accompanied by the defeat of the DPJ in the election to the lower house in 2005, seemed to deprive the Democrats of chances to come to power, relegating them to the unenviable position of “eternal opposition.” The press regularly quoted Kan on domestic and foreign policy issues, but these pronouncements left the impression of “rending the air.” He repeatedly advocated reduction of U.S. military presence in Japan and improved relations with Beijing, he would speak for a harsher line against North Korea and the participation of Japanese forces of self-defense in the Iraq campaign—in a word, against Koizumi’s policy. The Democrats officially named him “the next Prime Minister”—*nekusuto Sori daijin*, without specifying, however, when this position might become available.

During the election campaign of summer 2009, the role of Kan, who served as one of the vice-chairmen of the DPJ, seemed to be unobtrusive. When the Hatoyama Cabinet was formed, Kan received the portfolios of vice-premier, minister of state for financial and tax policy and head of the office for national strategy. It is noteworthy that Kan and Finance Minister Hirohisa Fujii were the only cabinet members with the ministerial experience. Moreover, Kan and Yoshito Sengoku were the only key figures in the DPJ who were not coming from the LDP. On January 6, 2010, Kan replaced Fujii as the minister of finance, a position that acquired a special significance during the crisis. Following the resignation of Hatoyama on June 4, Kan was elected chairman of the DPJ and head of government, and four days later he was approved in this post by the Emperor. Kan had a good debut on the international scene when he participated in the Big Eight summit in Toronto in late June, but he failed to bring about his party’s victory or maintain the status quo in the elections to the upper house on July 11.

His political fate was decided on September 14, when he received a clear majority of votes, became his party’s president, and began reshuffling his cabinet.

Sergei Chugrov’s paper, “Changes in the National Consciousness in the Mirror of Public Opinion Polls,” examines how members of Japan’s political

elite who came to power in August 2010 represent the interests of the population and how they take into account national interests in their representation of the masses. The author seeks to capture nuances of changing public opinion in Japan that have occurred after the Democratic Party of Japan came to power in 2009.

While introducing a new economic course on June 18, 2010, Prime Minister Naoto Kan confirmed his steadfast intention to carry out extensive reforms, stressing that his policy aims at “minimizing the misery of the population.” To what extent did the people believe the promises and what is the reaction of public opinion to them?

This study is based on a series of opinion polls, most of all, on the survey conducted between January 21 and February 7, 2010, by the information department of the Office of the Cabinet of Ministers. The poll carried out by the NHK Broadcasting Culture Research Institute in April 2010 highlights a fundamental contradiction of Japanese mass consciousness. On the one hand, 94% of respondents said they wanted—“very much” or “somewhat”—to change the current policy. On the other hand, the survey found that the majority was in favor of stability. The victory of the opposition meant that Japan had made a radical step toward “ordinary democracy,” i.e., a state in which two major competing political forces take turns being in power. The results of this revolution in the thinking of the Japanese reveal themselves to some extent in the analysis of public opinion. An organic, non-conflict combination of a strong desire for change and the dominance of conservatism—such is the calling card of Japanese consciousness in the era of change. That is why the changes in public opinion that have occurred during the first year of the Democrats’ rule are so contradictory and not as dramatic as might be expected.

That the Japanese are not indifferent to politics was revealed in the survey conducted in April 2010, in which 84% of respondents said they were interested in politics “very much” or “to some extent.” Closer examination shows, however, that the main areas in which the Japanese are mostly interested are “strengthening the welfare of the elderly and the old,” “guaranteed food safety,” and “job security.” About 40% of respondents watch these issues very closely.

The paper shows that the annual survey of the Information Department of the Cabinet Office provides the most impressive data on the change in orientation of mass consciousness of the Japanese (most interesting for the purposes of this study is the comparison of the results obtained in a similar survey in 2009, when the country was ruled by the LDP, with those of January–February 2010, conducted under the Democrats).

In 2009, only 4.1% of respondents aged 20–29 years confessed to having a great love for their country, while in 2010, the figure rose to 5.4%. Slight as this increase might seem, it is symptomatic when considered against the general background, namely: the patriotism of young people is not a vanishing phenomenon. In 2009, the 70-year-olds included 41.2% of real patriots, while in 2010 their number rose by almost 5%, making their amount ten times bigger than that of the 20-year-old patriots! The proportion of those who gave preference to public interests over personal ones, dropped during the period by 4.4%. This indicates a certain shift in Japanese mass consciousness toward

Western models. The biggest group of those confessing that they were thinking of being useful to society, included respondents who wished to actively contribute to environmental conservation.

Meanwhile, “peaceful situation” and “stability” are the most noteworthy values of the present times as today’s Japanese see them, according to the poll. Optimism as a characteristic of our time is referred to by 6.8% (2009) against 6.2% (2010); the gloomy mood is mentioned much more often—by 18.7% and 16.8% respectively. Despite the expectations of change due to the advent of the Democrats, optimism in society slightly diminished, but the number of pessimists dropped by almost 2% as well. In any case, surprising as it may seem, expectations for change did not evoke a wave of optimistic sentiment in Japanese society.

The elderly exhibited more concern about the difficulties of establishing contact with others. There is increased social discontent regarding difficulties in choosing the type of activity and regarding reduced opportunities for young people to become independent. More concern is being expressed about freedom of entrepreneurship and economic prospects, which is a natural reaction to the protracted recovery from the global economic crisis, a most serious challenge for the Japanese. In general, statistics show that no significant changes have occurred with regard to satisfaction with the state of society during the initial period of the DPJ’s rule. The share of those believing that the government policy reflects the views of the people is 3–5 times lower than the share of those who deny it. Nevertheless, it was after the DPJ’s coming to power that the number of the former increased from 16.8% to 22.8%, while the latter decreased from 80.7% to 73.1%.

If you add up the results of opinion polls, you will see that the state of national consciousness has not undergone any significant changes after the DPJ came to power. All major trends have remained the same.

The majority of the Japanese believe that society’s top priority should be not just economic prosperity but the desire to provide a decent life for the people, in other words, a psychologically comfortable existence in which frustrating factors and risks are minimized, there are no conditions for the emergence of social and cultural traumata, while world-power ambitions recede into the background. It is a society in which prosperity and social stability are provided by self-regulation and people treat each other with respect and attention, where environmental problems are minimized and core values are ethics, moderation (in the sense of condemning excessive luxury and greed), where personal security of each and every is guaranteed and commitment to spiritual values is welcome. The goals of building such a “Good Society” were formulated during the rule of the Liberal Democrats.

Judging by the polls, a “Good Society” is, first and foremost, a moral society. Western society, while generally meeting the immediate material needs of man, is often unable to ensure his safety, eliminate the fear of losing his job, and give him reliable social guarantees. Conversely, the Japanese version of a “Good Company” is primarily a society based on values shared by the majority of its members.

In the view of Konstantin Sarkisov, the landslide victory of the Democratic Party of Japan in the August 2009 general elections, and its defeat during the

Upper House elections in July 2010, proved that Japan's political system has finally accomplished a long-awaited shift from the mono-centric (the monopoly of the Liberal Democrats) to a polycentric model (where two or more parties compete for political power). For all that, the foreign policy of Japan remains mono-centric. The Democrats in power tried to change the policy of heavy dependence on the United States, and to shift the balance in the bilateral military alliance in favor of a more "independent" and "self-reliant" policy. Instead of the traditional concept of "strengthening the alliance," they adhered to the "deepening." Although it did look like the same idea at first glance, the Democrats hoped that the new wording would lay a new basic framework for the alliance.

These moves were partly defined by the emergence of the Obama administration. The Democrats anticipated that the aspirations for "change" in America might also apply to the Japan-U.S. alliance. But these dreams did not come true. Washington did not want any substantial "change" in the central problem—the presence of American bases in Japan, especially in Okinawa. Victorious in the 2009 general elections because of their promise to move the Marines' Futenma base outside Okinawa, the Democrats tried to persuade the Obama administration to be more flexible on the issue. In return, they promised several cooperative actions in Afghanistan and in other spheres. They seemed to stick by another previous agreement—to pay six billion dollars for transferring the Camp Schwab Marine base from Okinawa to Guam.

Strictly speaking, some of the State Department high-ranking officials did understand that more balanced relations could be helpful. "I actually think that for the alliance to maintain its relevance and its influence over the course of the first part of this century, a degree of independence and of confidence is absolutely essential on the part of Japan," said Kurt Campbell, the assistant secretary of state for East Asia. But Americans promised only to cooperate in reducing the "burden" of Okinawans and were adamant about keeping the Futenma Marines base on the island. "It's an agreement between nations; it's not an agreement between parties... For the United States to be operationally able to meet our commitments for the defense of Japan and the maintenance of peace and stability in the Far East, we need to maintain the capabilities of Futenma," said Kevin Maher, the head of the Japan desk at the State Department. Washington's unwillingness to change its position provoked the political crisis in Japan. Yukio Hatoyama, the Prime Minister of Japan, had to acknowledge his mismanagement of the issue and stepped down in early June 2010.

The mismatch in Obama-Hatoyama relations can be explained by the fact that Washington was very suspicious about the political discourse of the Democrats. The Obama administration was reading the political ideology of Hatoyama with a great deal of anxiety. In an article translated and published by the Christian Science Monitor on August 19, 2009, Hatoyama explained his political values using the idea of *yuai* (Jap. "fraternity": one of the tree slogans of the French Revolution). In the article, Hatoyama passionately blamed market fundamentalism deriving from American policy of globalism.

"In the post-cold war period, Japan has been continually buffeted by the winds of market fundamentalism in a US-led movement that is more usually called globalization. Freedom is supposed to be the highest of all values, but in

the fundamentalist pursuit of capitalism people are treated not as an end but as a means. Consequently, human dignity has been lost.

“The recent financial crisis and its aftermath have once again forced us to take note of this reality. How can we put an end to unrestrained market fundamentalism and financial capitalism that are void of morals or moderation in order to protect the finances and livelihoods of our citizens? That is the issue we are now facing.

“In these times, we must return to the idea of fraternity—as in the French slogan *liberté, égalité, fraternité*—as a force for moderating the danger inherent within freedom. It must be the compass that determines our political direction, a yardstick for deciding our policies. The idea of fraternity is also the spirit behind our idea of achieving ‘an era of independence and co-existence’ in today’s world.”

The attempts of the Democrats to pursue a more independent position in their strategic alliance with the U.S. did not succeed. The Japanese public didn’t agree to have good relations with China at the expense of the relations with the U.S. The rise of Chinese economy to become the world’s “number two” by ousting Japan from this position after 42 years, although anticipated, has had a shocking effect. It generated a feeling of a new kind of the “Chinese threat,” not only ideological or military. Alongside the huge Chinese economic penetration in Southeast Asia, it signaled the emergence of a mighty “China-centered world” as a reality, not a fantasy. For an “average” Japanese it was hardly acceptable to identify himself as “part” of that world. In this sense, to keep the close though unequal relations with the U.S. was the only alternative. To pursue an equidistant Japan–U.S.–China relationship or to become an independent center of power were not the real options. The latter required fundamental constitutional changes and an unbearable financial burden. Japanese public opinion would not have accepted it.

In “The Golden Triangle of the U.S.–China–Japan, 1972–1989,” a research undertaken at Harvard at the end of the last century, one of co-editors pointed out that “no other relationship can be more important to the Asia-Pacific region” assuming that this trilateral configuration may be a “golden” one. In his famous “The Choice: Global Domination or Global Leadership,” Zbigniew Brzezinski hoped, too, that American dominance would provide a constructive and instrumental relationship inside the Japan–U.S.–China triangle. “Global security will unavoidably be affected by how the international scene in the Far East actually evolves. That, in turn, will depend largely on the conduct of the two leading East Asian states, China and Japan, and on how America influences their behavior. A stable East Asia—ensured by a gradually institutionalized and carefully balanced U.S.-Chinese-Japanese strategic triangle—will provide a critical eastern anchor for dealing with wider Eurasian turmoil. In different ways, India, Russia, and the European Union may also contribute to the interplay of the above, but only peripherally.”

The prophetic notions of a “golden” triangle proved incorrect. The balance of powers inside the triangle changed, and China emerged as a self-sufficient economic giant with political and military ambitions challenging the interests of both America and Japan. The Japanese Democrats’ striving for an equilateral triangle also proved unsuccessful. It is impossible indeed to have the interests

of three parties matched in a single geopolitical space. There is no “win-win” scheme to emerge. The “zero-sum game” logic prevailed. Japan did not trust the shift of American interests toward China and was very suspicious of it. The public opinion polls by the Japanese Ministry of Foreign Affairs in the U.S. showed a clear-cut shift toward China. At the same time, the U.S. is regarding China as a principal challenger to America’s vital interests. Japan doesn’t trust China and is very anxious about its leadership in East Asia. China, in turn, warns Japan and the U.S. not to extend the power of their military treaty beyond the current legal borders, which would encroach upon Chinese interests in the area.

Under these circumstances, Japanese diplomacy is tempted to stabilize the unbalanced relations inside the triangle by strengthening relations with other countries in the region. Most promising are South Korea and Russia. Assuming that Koreans may also be uncomfortable with the rise of Chinese dominance, the Democrats are trying to be more persistent in their policy vis-a-vis Seoul. The reputation of “leftists” helps the Democrats to remove obstacles in Japan–ROK relations. The colonial past is one of the most painful problems for both the Japanese and Koreans. In his public statement on August 10, 2010, just 100 years after the day of annexation of Korea by Japan, Prime Minister Naoto Kan apologized to the Korean people using unprecedentedly strong words. As for their Russian policy, the Democrats’ “leftist” nature and populist stance appear to be rather counterproductive as regards the possibilities of reaching a compromise on the territorial issue through a dialog.

The paper by Irina Nosova analyzes the approaches and attitudes of the Democratic Party toward the national strategy in Asia. The issue at hand is what the Democrats called the task of “returning Japan to Asia,” which received a practical expression in Prime Minister Hatoyama’s initiative to build an “East Asian Community” in the region, while making a temporary departure from Tokyo’s traditional pro-American diplomatic practice.

In analyzing the main components of these Japanese proposals, the author comes to a conclusion that a whole complex of objective and subjective factors contributed to the development of Tokyo’s Asian diplomacy. One of these factors attracting special attention concerns the Japanese perception of the globally changing political and economic environment as a result of the global financial crisis. Namely, a consensus seems to have been attained in Japan, both among the ruling elites and the social, political, and business circles in general, over the irreversibility of the process spurred by the global financial crisis, whereby new international political and economic leaders have begun to emerge in the fast-growing Asian Pacific region, and whereby a substantial part of activities have begun to be transferred there as well. These expectations called for certain adjustments in Japanese political and economic priorities, which were, one way or another, traditionally West oriented.

In this context, the change of administrations in Japan provided a good opportunity for a radical “reformatting” of the Japanese foreign policy profile, primarily in the Asian sector. By postulating the most vague concept of the East Asian Community (EAC) which, moreover, eludes all political questions that the Asians may find “inconvenient,” Japan gained a foothold among the leaders of the debate about the modalities of regional integration in the Asian-

Pacific, which enabled it to intensify practical work on establishing a network of functional and flexible (in terms of their composition) partnerships “of interest”—in trade, investment, finance, environment, energy, development, education, combating the effects of emergencies and epidemics, etc. The structural plasticity of the community framework that Tokyo proposes is expected to facilitate the implementation of Japan’s comprehensive development strategy for medium and long terms—a strategy that, in the DPJ’s view, will transform the Asia-Pacific region to a new “extended home market” for Japanese products.

Corroborating the practical orientation of the EAC initiative and the DPJ’s “Asian reversal” as a whole is the start of what can be described as “fine-tuning” of the foreign policy aimed at restoring a reasonable balance vis-a-vis Japan’s relations with Asia and the United States; this fine-tuning had its start as Japan began to experience progress in achieving its primary objectives in the Asian sector and in consolidating the concept of EAC in the regional agenda. In fact, the new Prime Minister, N. Kan, has already announced the return of Japanese foreign policy to de-ideologized and laconic realism with the usual reliance on bloc mechanisms. At the same time, Tokyo’s Asian policy line is getting more and more complex due, among other things, to the formulation of specific approaches toward the PRC, on the one hand, and to the developing countries in South and South-East Asia, on the other. In particular, the emerging decline in the public excitement in Japan with regard to China as a promising economic partner, makes it possible to bring back to the bilateral agenda many “hot” topics, including military and political differences, the problems in the East China Sea, human rights and China’s industrial policy. In contrast, one can expect a further strengthening of Japan’s cooperation with South-East Asian countries, which may involve open competition with China (for example, projects in the Mekong River area, the dialogs to ensure safety in sea routes, the meetings on nuclear safety). Moreover, South-East Asian countries themselves are likely to intensify efforts to ensure that regional integration meets their own interests. Thus, the Japanese concept of EAC, forgotten as it seemed for a while, serves as a catalyst for the development of an ASEAN position with regard to regional integration.

A close relationship demonstrated in the course of our analysis between Tokyo’s 2009–2010 “Asian reversal” and the principal national objectives of economic recovery after the global financial crisis, and of determining a strategy for political and economic development for medium and long terms suggests, according to this author, that Japan will continue its attempts to fit into the Asian processes and to control them in one form or another. This line will become more obvious as the country’s structural political and socio-economic problems keep on aggravating.

It remains to be seen how potential consequences of such fluctuations in Japanese foreign policy will affect Japan’s traditional balancing between practical interests and the limitations imposed by the military-political alliance with the U.S. Nevertheless, the DPJ’s year-long promotion of the East Asian Community allows researchers to extend the range of possible scenarios for Japan’s behavior in Asia, including the degree of its loyalty to its allies.

Vladimir Grinyuk's article deals with the relations between Japan and the states of the Korea peninsula under the Hatoyama cabinet. Although the leadership of the Democratic Party of Japan asseverated its intention to pay special attention to cooperation with Asian countries, expectations that Y. Hatoyama's government would end the impasse with North Korea and solve problems in its relations with South Korea did not materialize. Japan has no diplomatic relations with North Korea because of the problem of the Japanese citizens abducted by the North Korean secret services.

After the victory of the Democratic Party in the Parliamentary elections of August 30, 2009, the DPRK leadership was willing to accelerate the normalization of relations with Japan. For their part, Hatoyama and other representatives of the DPJ made statements that might be interpreted as conciliatory regarding the North Korean partners. However, even under the DPJ-led cabinet, official Tokyo has not changed its approach to North Korea. A draft law that the government submitted to Parliament on October 30, 2009, allowed the Japanese Maritime Self-Defense Forces to inspect ships carrying goods to and from the DPRK (the law to this effect was adopted by Parliament on May 28, 2010). After the incident with the sinking of a South Korean corvette, the Cheonan, on March 26, 2010, Tokyo backed Seoul's accusations against North Korea. In early April 2010, the Japanese government extended for another year the economic sanctions imposed on Pyongyang earlier. This did not bring the prospect of establishing diplomatic relations between Japan and North Korea any closer.

The commitment of the Hatoyama government to South Korea is basically the same as the line of the LDP government offices. But the DPJ positions itself as a liberal party and this is evident in its approach to issues of Japan's historical responsibility. After forming his cabinet, Hatoyama announced that he would not visit the Yasukuni Shrine and he asked cabinet members to follow suit. Furthermore, the Prime Minister declared his readiness to assess historical facts honestly. When Minister of Foreign Affairs Katsuya Okada put forward a proposal in October 2009 to bring together scholars from Japan, South Korea and China to prepare a common history textbook, the idea met with positive response in Seoul.

The 100th anniversary of the annexation of Korea by Japan, which was observed at the end of August 2010, imparted a special relevance to Japan's relations with the DPRK and the ROK. Succeeding Hatoyama as Prime Minister of Japan in June 2010, H. Kan made a statement on August 10, 2010, regarding the annexation, acknowledging that the colonial rule that was imposed against the will of the Korean people deprived them of their own country and culture. He expressed sincere self-criticism and apology. But Prime Minister H. Kan's statement referred only to South Korea, not even mentioning North Korea. Moreover, the August 10 document contains no analysis of the causes underlying the establishment or the practices of the Japanese colonial rule in Korea.

Such analysis was previously carried out by prominent Japanese writers, scholars and publishers, together with colleagues from South Korea, and formulated in a statement signed by 214 representatives of Japanese and South

Korean intellectuals, which was issued on May 10, 2010, in Tokyo and Seoul. The main conclusion made by experts of the two countries boils down to the fact that the annexation of Korea was the result of prolonged aggression and repeated seizures of Korean territory by the Japanese military, as well as of the brutal suppression of resistance of the Korean people. Experts of both countries thoroughly studied the problem contained in Article 2 of the 1965 Treaty of Basic Relations between Japan and South Korea (which pronounces that the agreement on the annexation of Korea of 1910 “has already expired”). The authors of the statement deemed the interpretation given to the article by the Korean side to be accurate, namely that the agreement on the annexation of Korea was originally unlawful as it was imposed by force. Meanwhile, official Tokyo did not abandon the position it took at the normalization of Japanese–ROK relations in 1965, which said that “the agreement of 1910 on the annexation of Korea was reached by equal partners expressing their free will, and this act preserved its legitimacy till the moment the Republic of Korea was established.”

Nor has there been any convergence of views between Japan and the two Koreas with regard to the Tok-do (Takekushima). Koreans perceive the Japanese claims for the islands as a relapse of Tokyo’s earlier aggressive policy. The new guidelines on teaching in the secondary schools of the second (higher) level, issued by Japanese government on December 25, 2009, refer to the Takekushima Islands as Japanese territory.

On March 30, 2010, the Japanese Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology approved five history textbooks for primary schools. The books designate the Takekushima Islands as belonging to Japan, while their occupation by South Korea is declared “illegal.” This provoked sharp criticism on the part of the Prime Minister of the Republic of Korea, Chung Un Chan, directed at official Tokyo.

There remains the question of compensation for Japan’s damage to Korea during the colonial rule. To illustrate: in December 2009, in response to a formal request by seven Korean women, filed with the Japanese Social Insurance Agency, for the payment of severance benefits to which they were entitled after the completion of work at a Japanese military factory in the colonial period, the Japanese authorities paid a trifling amount of 99 yen (about 33 rubles) as a surcharge to their state pensions after converting. The decision of the Japanese authorities was met with indignation in South Korea.

There arose two problems associated with the colonial past of Korea. At the end of January 2010, the Japanese government submitted to Parliament a bill to abolish tuition fees in the country’s second level secondary schools. Later, it was announced that the law would not apply to students of ten schools belonging to Soren, the General League of Korean Residents in Japan. This organization unites citizens of the DPRK residing in Japan who are descendants of Koreans brought to Japan during the colonial period. The idea of excluding children of the DPRK citizens from the free tuition program at the Japanese secondary schools belongs to the conservative members of the government. They believe that the allocation of public subsidies to educate children of North Korean citizens amounts to economic aid to Pyongyang.

Such a discriminatory approach to Korean students caused protests in the DPRK as well as sharp criticism from lawyers and the academic community in Japan. Moreover, in March 2010, the UN Committee on the Elimination of Racial Discrimination inspected the situation with Korean schools in Japan and expressed concern because of the actions of Japanese politicians.

The government failed to improve the legal status of citizens of the DPRK and the ROK who are permanent residents of Japan. In January 2010, Prime Minister Hatoyama and DPJ Secretary-General Ozawa announced their intention to put forward a bill to extend the right to participate in elections of local authorities to Koreans living in Japan. However, the plan sparked objections even inside the ruling party: fears were expressed that these Koreans might vote against Japanese interests, for example, regarding the issue of Tok-do (Takeshima). As a result, in March 2010, the Prime Minister announced that he would wait with the bill. This caused resentment on the part of Seoul. The South Korean government announced the postponement of the official visit of President Lee Myung Bak to Japan from April 10 to a more distant time.

For all that, the interaction between the economies of Japan and South Korea is developing normally. The number of South Korean tourists visiting Japan is on the rise as is the number of Japanese visitors to South Korea. Japan shows a booming interest in the entertainment industry—music, cinema, etc.—of the neighboring country. The obvious inconsistency of the Hatoyama government line vis-a-vis the DPRK and the ROK is due to the absence of a clear ideological orientation of the party. Significant shifts in the DPJ governmental policy in respect of the DPRK and the ROK appear unlikely.

The main topic of the article by Alexander Shlyndov and Nikolai Tebin is the situation in the security sphere after the change of power. After the DPJ's victory in the August 2009 parliamentary elections in Japan and its coming to power, the situation regarding the implementation of all previously reached agreements between the U.S. and Japan on the redeployment of U.S. military bases in Japan has become rather uncertain due to differences in the approaches of the LDP and the DPJ to the nature of relations with the United States. Attempts by the DPJ to follow a course more independent from Washington caused tension in Japan–U.S. relations. Contributing to rising tension was the fact that, immediately after the formation of a new government, the elected Prime Minister Hatoyama initiated an investigation in connection with the relocation of the Futenma base. This step triggered a debate about a possible denunciation of all previous Japan–U.S. agreements signed by the LDP administrations and about developing new and equitable agreements from scratch.

The situation between Japan and the U.S. grew even more tense after Hatoyama's speech at the celebrations of the 50th anniversary of the 1960 security treaty. The Japanese Prime Minister shocked the American delegation with his statement about the decline of the era of a unipolar world led by the United States and the need for Japan to build an equitable relationship with the U.S.

The brief rule of this DPJ Prime Minister showed that, tied up by pre-election commitments and faced with real politics, Hatoyama could not break out from the vicious circle and was forced to resign, leaving unresolved socio-

economic, foreign policy and defense problems to his successor, N. Kan, another prominent figure in the DPJ.

In the emerging geo-economic, political and strategic environment and in the face of common tasks associated with finding and implementing adequate measures to neutralize the existing and emerging challenges and threats to their strategic interests in East Asia, Tokyo and Washington are doomed to mutual cooperation: without Japan, the U.S. cannot hold their positions in the world or in Asia-Pacific in the face of the rapid strengthening of China (which seeks to challenge American hegemony in the region and turn it into a zone of its exclusive interests). Protected by the American “nuclear umbrella” and relying on American military power, Japan can afford to keep its relatively moderate defense expenditures that way, using most resources for the development of its economy which was severely hit by the global financial crisis.

It should be emphasized that Tokyo attaches special significance to preserving the U.S. “nuclear umbrella” over Japan and seeks confirmation of nuclear safeguards by the United States in any joint undertaking. These safeguards are vital to Japan’s national security. Hence, regardless of their party affiliation, the Japanese ruling elites are unanimous as regards the development and improvement of the allied ties with the United States.

One can assume that the phase of working out mutually acceptable solutions to the problem of restructuring the system of American military bases in Japan can last indefinitely, even if it only concerns the redeployment of military bases in Japan. During this period, the bases are likely to continue functioning as a deterrent to the growing expansion of China, and a neutralizing force with regard to other current and future threats to the security of Japan.

In the view of Irina Lebedeva, the government led by the Democratic Party of Japan came to power in a very difficult economic situation. Although the Japanese economy began to recover from the depths of the recession triggered by the global financial and economic crisis in the first quarter of 2009 and, by the time the DPJ won the elections, the situation had improved in many ways, the trend toward recovery was still too fragile and prospects for the world economy were far from clear.

The first official document of the new government that expressed its view of the situation in the economy and of measures needed to improve that situation was entitled “Emergency Economic Countermeasures for Future Growth and Security,” published in December 2009. In our view, the program differed little—in spirit or in essence—from the anti-crisis measures implemented by the Taro Aso government, especially from the one adopted in April 2009 and dubbed “Policy Package to Address Economic Crisis.” The two documents have much in common in terms of vision of the country’s development and with regard to instruments used in implementing the current economic policy.

The main difference between the economic policies of the new government and the measures undertaken by previous cabinets consists in a substantially greater emphasis on stimulating demand. This is evidenced by a significant increase in the use of fiscal measures to stimulate consumer demand. While the Liberal Democrats were almost always (including the recent recession) directing their efforts primarily to promote supply, believing that the

situation with demand is contingent on the situation in the real economy, the Democrats, by contrast, have focused attention on stimulating demand, assuming that its recovery can give impetus to economic development.

The government adhered to this line in preparing the budget for the 2010 financial year, which proceeded under the slogan "from concrete to people."

The budget for 2010 FY reached the record-breaking \$92 trillion and 300 billion, and its execution would obviously lead to an even greater strain on public finances. Thus, a 16.2% decrease in the issue of construction bonds will lead to a 47.6% increase in the issue of bonds to finance the budget deficit, and the total issuance of government bonds will reach a record 44.3 trillion yen. On the contrary, tax revenues are estimated to fall by 8.7 trillion yen down to 37.4 trillion yen, and will be almost by 19% smaller than in 2009. A modest increase is expected in non-tax revenues (by 15.5% to reach 10.6 trillion yen, of which 4 trillion and 775 billion yen will be transfers from special accounts of the Fiscal Investment and Loan Program, and 2 trillion and 850.7 billion yen will be transfers from special foreign currency accounts). In general, the dependence of the budget on the issue of government bonds will come to 48.0%, compared to 37.6% in the crisis year 2009.

Proceeding from the necessity to fulfill the promise in the DPJ election manifesto, the new government included in the 2010 FY budget such innovations as benefits for children, support for individual (family) farm households with a specific level of income, free tuition at state schools of higher level, the abolition of a temporary tax on gasoline, etc., all of which increases the budget's expenditures by 3,100,000,000,000 yen.

There can be no doubt that these measures should facilitate citizens' lives. The main question, however, is whether these measures and other initiatives of the ruling party (whose implementation will begin in 2011 FY) would stimulate consumer demand and spur Japanese economy?

In the author's view, the impact of these measures will be quite insignificant in the coming years, because a number of problems in Japan will have a discouraging effect on people's consumer behavior and can block the positive effect of governmental efforts. Chief among them is the huge size of pent-up demand, which is due to the insufficient development of the social security system and the restricted financial base of current consumer spending (owing to the rapidly aging population, growing unemployment, increased use of temporary forms of employment, and limited growth of real wages).

As regards promotion of entrepreneurship, while the government continues to support private enterprises (including a proposed reduction in the near future of the corporate tax for small businesses from 18% to 11%), some aspects of its activity could have a negative impact on the economic situation and suppress the rather sluggish operating incentives for business development. This includes, above all, the commitment to reduce, by 2020, greenhouse gas emissions by 25% (against the 1990 level), as well as the proposal to introduce stricter standards aimed to cut energy consumption by making appropriate amendments to the Energy Conservation Law. It is obvious that the implementation of these commitments will require that companies incur additional costs and, consequently, may further aggravate the problem of high

production costs in some industries and sectors, thereby inducing them to look for investment opportunities abroad.

The government also bears some responsibility for a sharp rise in the cost of the yen against the dollar, which took Japanese exporters to the brink of collapse and had an inhibitory effect on recovery in the industry. According to the Mundell-Fleming model, the growth of government spending leads to a situation marked by free movement of capital and floating exchange rates, to higher interest rates and the strengthening of the national currency. Moreover, the release of a large mass of government bonds leads to the withdrawal of some capital from the securities market, and consequently, reduces the market share price. What is normally used in this situation is an easing of monetary policy; such a policy is ineffective, however, in the case of deflation brought about by recession. As is known, the current economic policy cannot be successful unless it is built into the strategy of socio-economic development, which gives the public an idea of what will be the main directions of development in the future. The DPJ-led government began to work on the strategy of socio-economic development from the very beginning, publishing an interim version of the document in December 2009 and producing its final version in June 2010.

The strategy defines the main parameters of Japanese economy until 2020, describing its main goal as the establishment of a “strong economy” based on a “healthy system of public finance” and a “strong social welfare system.” The average annual growth rate during this period will amount to about 2% in real terms and to about 3% in nominal terms. It is assumed that deflation would be over already in 2011–2012, followed by an annual 1% price increase in subsequent years.

Supporting economic growth on the demand side will be an expanding demand for medical services and care for the elderly and children, as well as the overall growth of consumption of goods and services, which will occur as a result of the functioning of a welfare system created to satisfy the needs of citizens and relieve anxieties about problems they may encounter in old age. Economic growth will also be encouraged by private investment in equipment manufacture, a significant expansion of which will be boosted by measures to be undertaken in the field of ecology and environmental conservation.

The document proposes that a transition be made from the economic growth model relying on the leading manufacturing industries to a more diversified and sustainable model based on the priority development of the seven strategic areas, such as energy saving, environmental protection; health care; economic cooperation with Asia; tourism and local economic development; R & D, information, and communications; employment and human resource development; and the financial system.

It follows that the authors of Japan’s development strategy envisage a radical change in the image their country has in the world—from the producer of quality manufactured goods and builder of industrial branches around the world to a country that will, firstly, serve as a model of high-quality environmental protection and energy conservation and, secondly, will propose an effective model for solving the problem of aging population and related social

issues, which is becoming relevant for a growing number of states. Only time will tell how successful and consistent will be the implementation the new government's strategy.

The book is concluded by the paper of Elena Leontyeva dealing with the situation in Japanese economy during the financial crisis of 2008–2010. Japan has suffered from a deeper recession than other advanced economies, having lost much of the global demand for manufactured goods, its traditional exports. Driven by external demand, mostly from East Asian emerging economies, however, it is heading for recovery and to the pre-crisis level faster than most economies except the U.S. Yet, its domestic demand, capital formation, and employment show no signs of recovery, what with corporations directing their resources to the fast-growing Asian region, focusing on manufacturing and marketing operations abroad.

Meanwhile, Japan is suffering from a strong yen. Paradoxically, the currency of a country with weak economic growth has become a haven of safety in a troubled world. A stronger yen can accelerate the country's deflation, which has become a common challenge for industrialized countries, and can adversely affect exporters and fuel capital outflow.

Furthermore, Japanese manufacturers are losing edge in global manufacturing as they contend with tougher competition from Chinese and South Korean rivals. The Japanese business community is fully aware of this threat, especially since Japan fell to the 27th place among the 58 economies in the Swiss business school IMD's competitiveness ranking for 2010. In addition to high labor costs, Japanese companies bear a high level of taxes and social welfare costs on an international scale.

To return to a full-fledged recovery, Japan has to balance between external and domestic demand. However, public investment is difficult to increase due to massive fiscal deficit and rapidly growing governmental debt, which will reach 227% of GDP by the end of the 2010 FY. Japan is the most heavily indebted industrialized nation in the world. Public debt has ballooned along with stimulus measures taken by governments in 2007–2009 and aimed at supporting household income and spending, and at aiding financial sector with conserving jobs. The government financed its stimulus packaged with government bonds, borrowings and financing bills and passed the debt to future generations. As the Japanese population ages, the government will face swelling social security expenses, especially pension and medical costs.

Public debt is held by private financial institutions. The levels of long-term interest rates are benchmarks for long-term lending rates. Japan faces the risk of investors deserting government bonds, which may seriously hamper the recovery of private-sector capital formation.

A major challenge to Japan is the development of new technologies and new products and the creation of new markets. This is a highly competitive field in the global economy. Japan needs a new vision, a growth strategy for the 21st century.

The economic crisis has triggered a profound shock in the country's political system that ended the nearly half-century era of the Liberal Democratic Party's dominance in Japanese politics. The Democratic Party of Japan came

to power and formed a three-party coalition government. The DPJ President Yukio Hatoyama won an all-time high in the support for his party and faced high expectations for the leadership of DPJ. Hatoyama promised to make a major shift from a bureaucrat-led government to a government led by politicians.

The Democrats' platform was full of populist rhetoric, centered on initiatives like cash allowances for child-rearing families, lower gasoline taxes and abolition of expressway tolls. The Hatoyama Cabinet established the Government Revitalization Unit in order to reform the overall national administration, including the budget and system of national administration, and also to review the division of roles among the national government, local public authorities, and private companies. However, these far-reaching goals were never achieved. The Unit tried to cut wasteful spending across the entire fiscal system, but failed to achieve the demanding targets declared by the Hatoyama Cabinet.

Moreover, Hatoyama challenged the Japan-U.S. security alliance and failed the talks with the Obama Administration on the relocation of the U.S. Marine Corps Air Station Futenma in Okinawa Prefecture. Members of the DPJ-led ruling coalition opposed the policy of relocating the Futenma Air Station and challenged the planned privatization of the state-owned Japan Post Holdings Co. The coalition broke up.

Finally, the DPJ Secretary-General Ichiro Ozawa, who was widely regarded as the most powerful figure within the DPJ, had serious legal problems with his political fund-raising. Yukio Hatoyama's already low poll-ratings fell further, and he stepped down as Prime Minister. The Democratic Party of Japan chose Finance Minister Naoto Kan to be Hatoyama's successor and to serve his remaining term as the Party's President until the party election on September 14.

Mr. Kan was re-elected as DPJ's leader and retained his post as Prime Minister. He formed a new Cabinet. He faces a new challenge in uniting the DPJ under his administration. He approved a large-scale intervention by the Bank of Japan in lowering the yen exchange rate. Many challenges, short-term and long-range alike, lie ahead of him.

Э.В. Молодякова

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ЯПОНИИ: ПУТЬ ВО ВЛАСТЬ

Появление осенью 1996 г., буквально накануне выборов в палату представителей парламента, новой оппозиционной Демократической партии Японии (ДПЯ) сенсацией не стало. Сенсацией можно считать оглушительную, беспрецедентную в истории страны победу ДПЯ на выборах в палату представителей парламента 30 августа 2009 г. Тогда партия получила 308 мандатов из 480, хотя в прежнем составе этого ключевого органа законодательной власти имела лишь 115. Таким образом, оппозиция впервые пришла к власти, и вообще впервые такое число мандатов принадлежит одной партии.

Демократы совершили головокружительный рывок, фактически поменявшись местами с либерал-демократами в национальной политике. Выражение «смена власти» (*сэйкэн котай*) можно назвать самым модным словосочетанием в японском политическом лексиконе. О том, что серьезные перемены уже произошли, свидетельствует прежде всего масштаб победы демократов и поражения их главных противников. Когда в 1993 г. либерал-демократы впервые не получили большинства в палате представителей, они остались крупнейшей партией страны и вскоре вернулись к власти. Нынешнее положение Либерально-демократической партии (ЛДП) можно расценивать как кульминацию глубоких сдвигов в политической жизни, которые готовились не одно десятилетие.

В результате реализации политической реформы и введения новой избирательной системы, когда выборы проводятся по одномандатным округам и партийным спискам, в стране возникли условия для создания действенной оппозиции, лишившей ЛДП многолетней монополии на власть. По оценке газеты «Асахи», выборы 2009 г. «впечатляюще продемонстрировали огромный потенциал одномандатной избирательной системы в плане осуществления тектонических сдвигов в национальном политическом ландшафте. Мощная волна народных ожиданий открыла новую главу в политической истории нации, возвещая смену власти»¹. Аналитик журнала *Economist* сделал вывод, что «электорат одним махом отверг не только одну партию, но и всю систему». При этом он заметил, что в существующих, несмотря на кризис, неплохих условиях в стране

© Молодякова Э.В., 2011

сложно заметить принципиальную разницу во взглядах двух главных партий, тем более что в то время их лидерами были внуки премьер-министров.

Избиратели пошли за ДПЯ. Масштабная победа партии отражала надежды населения на реальные изменения в политике, что объяснялось его недовольством существующим положением. По оценке известного американского политолога Дж. Куртиса, «выборы были своего рода актом политического протеста. Отторжение от ЛДП было намного сильнее скептицизма избирателей в отношении неопытной ДПЯ, забывших даже, что она представляет собой конгломерат нескольких прежних партий — от консервативных до социалистических»².

В первой половине 1990-х годов, после краха существовавшего без малого четыре десятилетия единоличного правления ЛДП, в период активного партийного строительства и перетекания политиков из партии в партию, состав Демократической партии не мог не быть очень разнородным. В ее ряды вошли бывшие члены Партии демократического социализма (ПДС), партии «Инициатива» («Сакигакэ») и некоторые парламентарии из Социал-демократической партии Японии (СДПЯ). В отличие от других партий ДПЯ сразу строилась не по принципу «пирамиды», а по принципу «горизонтали» с опорой на местные отделения, которые имеют право прямого выхода на центр. ДПЯ, как и другие оппозиционные партии, рассматривала себя как партию, выражающую интересы городского населения, а опора на горожан — верный путь для политической силы, которая рассчитывает на длительную перспективу и хочет действовать в соответствии с социально-экономической ситуацией, сложившейся в Японии к началу нового тысячелетия. Лидеры ДПЯ сразу же заявили, что они отнюдь не собираются любой ценой добиваться участия в коалиционном правительстве, предпочитая свободу рук оппозиционной партии. Это объяснялось просто и вполне прагматически: не имея значительных сил в парламенте (поначалу у ДПЯ было всего 52 депутатских места), в случае вхождения в правительство они были бы вынуждены идти на компромиссы, лишая себя политической самостоятельности, пусть даже формальной. Партии с большими амбициями это было явно не к лицу, хотя в то время никто не мог даже представить, что спустя полтора десятилетия она триумфально войдет во власть.

В период создания ДПЯ ее структура (во главе с двумя сопредседателями) и разнородный состав, амбициозные цели — все это казалось большинству аналитиков абсолютно бесперспективным. Отдельные политологи высказывали мнение о ее нежизнеспособности из-за разнородности состава, что в перспективе могло привести в действие центробежные силы. Но эти прогнозы, как показали события первого десятилетия XXI в., не оправдались. Сначала ДПЯ, которую можно уподобить Демократической партии США, заставила говорить о себе как о реальной силе современного политического процесса. Затем она стала правящей

партией и сформировала правительство, а ее председатель — как лидер партии большинства в парламенте — был избран премьер-министром.

Инициаторы создания новой партии попытались сформировать широкий альянс «неоконсервативных и либеральных сил». Юкио Хатояма были близки идеи либерализма (заметим, традиционные для его клана), Наото Кан же хотел, чтобы их партия походила на Демократическую партию в США и социал-демократические в Европе. По его собственным словам, пока Хатояма рассуждает об идеалах, сам Кан занят конкретной политикой и трудится ради их осуществления.

Политические и экономические установки ДПЯ были определены в двух основных документах: «Наша основная философия — построение свободного и безопасного общества» и «Основа политики». В первом документе³ отмечалось засилье бюрократии в управлении, а японское общество признавалось слишком консервативным и окостеневшим. В связи с этим ДПЯ ставила целью «ниспровергнуть старый режим, который опирается на старое мышление и властные интересы, решает все сам, и создать новое, подвижное, богатое общество, которое ценит человеческую индивидуальность и жизнеспособность». Партия декларировала, что «представляет горожан, налогоплательщиков и потребителей», но не видит панацеи для решения всех проблем ни в свободном рынке, ни в государстве благосостояния. ДПЯ говорила о решимости проводить политику «доверия к народу и каждому гражданину страны в отдельности», создать общество равных возможностей.

Во втором документе⁴ определялись пути реформирования всех сторон жизнедеятельности общества. Признавались необходимыми всесторонняя перестройка экономики в интересах потребителя, создание в результате административной реформы гражданского общества, имеющего право контроля над правительством, скорейшее осуществление реформы ООН и вхождение Японии в Совет Безопасности в качестве постоянного члена. Особенно подчеркивалось, что партия намерена вести линию на неприсоединение ни к правящей ЛДП, ни к оппозиции, на строительство «здоровой и независимой» партии «среднего пути», максимально приближенной к избирателям.

В области внешней политики признавалось необходимым осуществление самостоятельной и активной дипломатии, расширение невоенного сотрудничества. Приоритетным оставалось направление на сотрудничество с США, укрепление военно-политического альянса с ними. В то же время демократы выступали за взвешенный подход к проблемам оказания тыловой поддержки американским войскам в рамках выполнения «Руководящих принципов военного сотрудничества» между Японией и США, а также к использованию японских Сил самообороны для операций ООН по поддержанию мира.

На судьбу новой партии серьезное влияние оказали начавшиеся уже в декабре 1996 г. брожения и раскол в рядах Партии новых рубежей (ПНР), поскольку слишком сложными и противоречивыми были отноше-

ния внутри нее, и в первую очередь между ее лидером Итиро Одзава и руководителями бывшей партии Комэйто. Оценив критическую ситуацию в партии, Одзава и его сторонники приняли решение о ее роспуске, с тем чтобы отсечь все противостоящие группы и создать новую, монолитную партию. Одзава не ожидал, что она расколется на шесть мелких партий. Свою новую партию он назвал Либеральной, заявив, что считает ее преемницей Либеральной партии Тайсукуэ Итагаки, созданной в 1881 г.

Воспользовавшись расколом ПНР и появлением новых независимых партий, ДПЯ предложила им создать блок родственных оппозиционных сил. Его создание осложнялось амбициями и претензиями на первенство их лидеров. В апреле 1998 г. в результате объединения четырех основных партий: Демократической партии (Минсюто), Партии справедливости и управления (Минсэйто), Партии нового братства (Синто юай) и Федерации демократических реформ (Минсю кайкаку рэнго) была создана новая партия, сохранившая название «Демократическая партия». С этой даты идет отсчет истории ДПЯ в ее нынешнем виде. На момент своего организационного оформления она располагала 93 мандатами в палате представителей и 38 — в палате советников парламента. Председателем партии был избран Наото Кан, генеральным секретарем — бывший премьер-министр коалиционного правительства без участия ЛДП Цутому Хата.

При создании ДПЯ одним из сложнейших был вопрос о ее характере. Все соглашались, что это должна быть демократическая, центристская партия, но одни хотели видеть ее партией «левоцентристской ориентации» или «демократически-либеральной», другие — «консервативно-центристской». Для лидеров левоцентристского крыла демократов моделью служила итальянская коалиция «Оливковое дерево» с участием умеренных коммунистов, созданная премьер-министром Романо Проди, который, в свою очередь, сравнивал ее с Лейбористской партией Тони Блэра. Речь шла о предвыборных альянсах партий, которые претендуют на право формирования правительства и могут договориться о кандидатуре премьер-министра. Пожалуй, впервые так отчетливо японские политики примеривали на себя политический опыт западноевропейских стран. Наото Кан полагал, что ДПЯ должна быть чем-то средним между «партиями Тэтчер и Блэра». Лидеры ДПЯ считали, что, придя к власти, она сможет модернизировать «тэтчеризм», присовокупив к нему политику социальной защищенности, чтобы привлечь на свою сторону новые слои избирателей⁵.

Не было единства мнений в ДПЯ и по вопросу партийного строительства. В частности, тот же Кан считал, что самое важное — коалиция с разнообразными силами, и это даже важнее, чем установление своего единовластия. Юкио Хатояма решительно выступал против установки на широкую коалицию и полагал, что необходимо укреплять структуру партии, превращать ее во вторую главную партию в будущей двухпартийной системе. Партия придерживалась «умеренно демократической ориентации», ставила целью смещение ЛДП и приход к власти «демократическо-

го коалиционного правительства». Двери ее были открыты для всех политических сил, придерживавшихся «среднего пути» и выступавших против ЛДП. В поддержку Демократической партии высказывалось и профсоюзное объединение Рэнго.

На очередных выборах руководства партии в сентябре 1999 г. новым председателем стал Юкио Хатояма, занимавший этот пост до декабря 2002 г., когда его сменил Наото Кан, который в этот период занимал в разные годы, попеременно с Цутому Хата, Кансэй Накано и Кацуя Окада, пост генерального секретаря ДПЯ. В мае 2004 г. Кан из-за неуплаты обязательных отчислений в государственный пенсионный фонд вынужден был уйти в отставку и новым председателем ДПЯ стал Кацуя Окада. Однако, не имея своей группировки в партии, он при решении кадровых вопросов был вынужден идти на поводу у партийных боссов и распределять посты в соответствии с их требованиями. Окада руководил партией чуть больше года (с мая 2004 по сентябрь 2005). Недолгим было правление и Сэйдзи Маэхара (сентябрь 2005 — апрель 2006). Но так или иначе через высшие посты в партии прошли все основные действующие лица ее нынешнего руководства.

Пережив различные организационные пертурбации и неудачи на выборах различного уровня, демократы в сентябре 2003 г. решили объединиться с небольшой, но дисциплинированной Либеральной партией Итиро Одзава. Договоренность об этом руководителей обеих партий была достигнута заранее. Парадоксально, но именно переговоры о таком сотрудничестве в свое время ставились Хатояма в вину и привели к его отставке, и вот спустя всего год было принято это «судьбоносное» решение. Либеральная партия распускалась, и ее депутаты парламента на индивидуальной основе вступали в новую ДПЯ. Бывший глава партии Одзава не получил официальной должности в новой ДПЯ, но имела договоренность о том, что он займет пост заместителя премьер-министра в «теневом» кабинете ДПЯ.

Лидеры демократов рассудили, что Одзава — харизматический и очень опытный политик, один из наиболее эффективных и успешных в свое время руководителей партийного аппарата ЛДП, сочетающий популизм с навыками закулисной борьбы, несмотря на имидж «правого» и даже «ястреба», поможет поднять авторитет партии и укрепить ее. Альянс объективно повышал шансы демократов благодаря авторитету Одзава среди «правых» увеличить свое представительство в парламенте за счет консервативных избирателей, как это произошло в свое время за счет электората СДПЯ. В апреле 2006 г. Итиро Одзава явно с прицелом на предстоявшие в следующем году очередные выборы в палату советников был избран председателем партии. На выборах 2007 г. ДПЯ сумела получить 60 мандатов (переизбирался 121 депутат), а поскольку у нее уже было 49 мест в палате, ЛДП впервые лишилась здесь большинства. В стране начинался затяжной парламентский кризис, и демократы со

своими сторонниками серьезно осложняли работу правительства либерал-демократов.

Объединение двух партий было расценено их лидерами как шаг на пути создания «двухпартийной системы, которая будет обеспечивать сменяемость правительства». Казавшаяся трудноосуществимой, эта цель стала реальностью спустя всего шесть лет, в 2009 г. Укрепление ДПЯ давало шанс на создание двухпартийной системы, аналогичной американской. Противостояние либерал-демократов и демократов не имеет столь принципиального значения, как пытаются представить их лидеры, периодически обмениваясь резкими заявлениями. Коротко говоря, их объединяет гораздо больше, чем разъединяет. Практически все высшее руководство ДПЯ, за исключением Наото Кан и Ёсито Сэнгоку, составляют выходцы из ЛДП. У всех общий политический и социальный бэкграунд, схожее мировоззрение и взгляды.

В политическом спектре статус партии оставался неопределенным. До выборов в палату представителей в 2005 г. большинство депутатов от ДПЯ в принципе выглядели как «младшие братья» либерал-демократов, но руководство партии заявляло, как уже говорилось, что представляет интересы «горожан, налогоплательщиков, потребителей». В интерпретации бывшего председателя партии Кацуя Окада это означало «защиту идей трудового населения», что вполне вероятно было реверансом левому крылу партии. Во многом ДПЯ остается конгломератом разнородных группировок, и ей еще предстоит четко определить свое политическое лицо, т.е. определиться с политическим статусом.

Долговечность и стабильность партии, в данном случае ДПЯ, во многом зависят от политической воли ее руководящего ядра, от его способности сохранить единство в условиях «перетекания» политиков из партии в партию. И конечно, от внятной политической программы и реального стремления реализовать ее.

У ДПЯ есть сильные стороны — наличие большого числа молодых, энергичных, хорошо смотрящихся как на экране телевизора, так и на трибуне депутатов, а также сравнительно чистый облик партии, не так явно связанной узами коррупции и взаимных интересов с лоббистскими группировками. Слабой стороной ДПЯ остается неоднородность ее состава, наличие в ней фракций и групп, придерживавшихся подчас диаметрально противоположных взглядов.

Перед судьбоносными выборами 2009 г. внутренняя структура ДПЯ выглядела следующим образом: консервативная «Группа обновления» («Иссинкай») сторонников Одзава (около 50 человек); вторая консервативная группа «Рёункай» (в основном выходцы из «Сакигакэ») под руководством Сэйдзи Маэхара и Ёсихико Нода (40 человек); «Общество осуществления смены режима» («Сэйкэн котай-о дзицугэнсуру кай»), состоящее из выходцев из ЛДП, под руководством Хатояма (30 человек); группа бывших центристов из СДПЯ («Минся кёкай») во главе с Тацуо Кавабата (около 25 человек); либеральная «Группа изучения структуры

страны» («Куни-но катати кэнкюкай»), которую возглавлял Наото Кан (20 человек); наиболее левая группа, созданная диссидентами из СДПЯ во главе с Такахиро Ёкомити (около 20 человек)⁶. После выборов количество депутатов в этих группах значительно увеличилось, но принципиальных изменений в расстановке сил не произошло.

2009 год показал, что политическая система Японии оказалась разбалансированной, и угадать дальнейшее развитие событий было непросто. В феврале, на фоне постоянно падавшего рейтинга премьер-министра Таро Асо, эксперты уверенно предсказывали демократам победу на предстоящих выборах в палату представителей. Однако бывший в то время председателем ДПЯ Одзава был вынужден уйти со своего поста в мае 2009 г. из-за обвинений в получении незаконных политических пожертвований. Как отмечал журнал *Economist*, «до скандала (вокруг Одзава. — Э.М.) всеобщие выборы выглядели бы для ДПЯ легкой победой, которая бы уничтожила политическую систему, в которой ЛДП более полувека удерживала власть»⁷. Вынужденный уход Одзава стал для него крушением надежд занять кресло премьера и невозможность исполнить «мечту всей жизни и последнюю задачу» — сокрушить более чем полувековое правление ЛДП⁸.

Проблемы с руководством ДПЯ оказались манной небесной для правящей коалиции. Сразу же пошел вверх рейтинг премьер-министра Асо. По данным опроса, проведенного газетой «Иомиури», на конец марта 2009 г. кабинет министров поддерживало 23,2% опрошенных — на 6% больше, чем во время предыдущего опроса 6–8 марта. С 75 до 65% сократилось число недовольных политикой правительства⁹. Одновременно быстро падала популярность ДПЯ, что было связано с решением ее лидера сначала остаться на высшем посту, а затем все-таки уйти в отставку. Согласно японской политической традиции, лидер берет на себя ответственность за просчеты или поражение своей партии.

Однако Одзава сразу заявил, что ни он, ни его секретарь, которому были предъявлены официальные обвинения, не совершали ничего противозаконного с «юридической и политической точек зрения», не оказывали никаких услуг бизнесу и не получали никаких незаконных политических пожертвований. Затем он перешел в наступление, прямо связав выдвинутые против него обвинения с предстоящими выборами, на которых у демократов были очень хорошие шансы на успех. Одзава открыто обвинил правящую ЛДП в «незаконном использовании мощи прокуратуры», назвав ее действия «беспрецедентными». В итоге ему все-таки пришлось подать в отставку, а его колебания вызвали недовольство в партии, среди избирателей и привели к падению рейтинга ДПЯ¹⁰. Тем не менее Одзава не покинул политическую арену, поскольку демократы по-прежнему рассчитывали на его умение проводить избирательные кампании. Выборы 30 августа блестяще подтвердили это. В сентябре Одзава стал новым генеральным секретарем ДПЯ, которому его преемник на посту предсе-

дателя партии Юкио Хатояма специально поручил позаботиться о подготовке к выборам в верхнюю палату в 2010 г.

Несмотря на то что, по данным газеты «Иомиури», 53% избирателей не возлагали на Хатояма каких-либо надежд¹¹, шансы демократов на победу начали быстро расти. Главное внимание было уделено консолидации сил оппозиции, поскольку ДПЯ в одиночку не надеялась получить необходимое большинство в палате представителей. Ее партнерами по предвыборному альянсу стали СДПЯ и небольшая Новая народная партия (ННП), созданная «диссидентами» из ЛДП. На протяжении всех предшествующих десятилетий именно разобщенность оппозиционных партий, их неспособность договориться не позволяли серьезно задумываться о создании альянса для противостояния господству либерал-демократов.

В августе 2009 г. демократы одержали блестящую победу, но, как показал опрос общественного мнения, проведенный «Асахи симбун» сразу же после выборов, поддержка населения была не так безусловна, как считали лидеры ДПЯ, и представляла достаточно сложную картину. По оценке газеты, ожидания общества были тесно переплетены с беспокойством. В частности, 74% респондентов возлагали большие надежды на новую администрацию демократов, но при этом только 32% ожидали радикальных перемен в политике страны. Результаты опроса показывали, что избиратели в целом приветствуют изменения на политической сцене, но многие были совсем не очарованы предвыборными популистскими обещаниями ДПЯ и не убеждены, что партия выполнит их¹².

Полученный результат на выборах в палату представителей позволял демократам сформировать однопартийный кабинет. Однако они предпочли создать коалиционное правительство, поскольку поддержка младших партнеров обеспечивала ДПЯ большинство и в палате советников, что необходимо для гладкого прохождения законопроектов в обеих палатах парламента. Партнерами ДПЯ при формировании правительства стали ее партнеры по предвыборному альянсу.

В результате выборов осуществилось давно зревшее в обществе стремление отстранить ЛДП от власти и создать партию, которая сможет ее заменить. Выборы дали шанс Демократической партии Японии прийти к власти, а избиратели авансом оказали ей большое доверие. Демократы обещали, что сумеют радикально исправить процесс выработки политических решений, изменить отношения между политиками и бюрократами. Предстояла большая и сложная работа, а на первых порах партии было необходимо заняться формированием бюджетной политики и определением внешнеполитического курса.

По замечанию бывшего заместителя министра экономики, торговли и промышленности Синдзи Фукукава, «сила администрации Хатояма будет проверяться ее политическим управлением и политикой развития»¹³. Другими словами, встал вопрос, сможет ли Демократическая партия

реализовать свой потенциал управления страной в широком смысле этого слова.

При господстве либерал-демократов была создана система, при которой все основные решения по управлению страной фактически принимали бюрократические, а не политические структуры правительства, а слабость институциональных рычагов политического управления серьезно препятствовала эффективности принятия решений и их исполнения. Поэтому перед правительством Хатояма, в которое вошли ведущие партийные функционеры и представители партнеров по коалиции, встала задача укрепить и расширить функции кабинета в принятии решений и побудить государственных служащих выполнять свои административные задачи в соответствии с политическими решениями кабинета. При этом, по мнению газеты «Иомиури», хотя население рассчитывает, что политический стиль нового руководства страны будет иным, чем у либерал-демократов, «новый кабинет должен быть предусмотрительным, чтобы сохранить фундаментальную политику, которая была достаточно успешной в прошлом и могла бы послужить схемой на будущее»¹⁴.

Юкио Хатояма сразу же заявил о своей решимости проводить политику независимости от бюрократии¹⁵. Повышение значимости и роли политиков новый премьер-министр провозгласил орудием борьбы с «господством чиновников» в управлении государством. С этой целью в кабинете министров был создан Совет по национальной стратегии, работу которого возглавил вице-премьер Наото Кан. Одной из важнейших функций этого органа является разработка основных параметров государственного бюджета, на основе которых Министерство финансов составляет проект ежегодного бюджета. В бытность у власти ЛДП эту функцию Министерство финансов выполняло путем многочисленных согласований с отраслевыми министерствами и с лоббистскими группами парламентариев, что обеспечивало ему большое влияние в государственном управлении. Теперь инициатива в бюджетном процессе переходила в руки кабинета министров.

Создание еще одного органа — Совета по административному обновлению было призвано выявить финансовые ресурсы, скрытые в структурах государственного управления. Для реализации этой же задачи правительство решило направить в министерства политиков, главным образом парламентариев. Фактически это означало ревизию всех программ, проектов, фондов и структур. После проведения подобной ревизии, по замыслу разработчиков реформы, Совет по национальной государственной стратегии должен принимать решение о сокращении ассигнований на тот или иной проект или вообще закрывать малоэффективные проекты¹⁶.

Это направление деятельности правительства чрезвычайно важно и актуально, поскольку остро стоит вопрос, откуда взять средства на реализацию бюджетных мероприятий, которые Демократическая партия обещала избирателям во время предвыборной кампании. В руках двух

новых правительственных органов находятся ключи успешного проведения независимой от бюрократов политики, которая обеспечит выздоровление экономики и финансов, а также продемонстрирует сильное политическое руководство, способное преодолеть сопротивление бюрократии и аффилированных с ней организаций.

Однако крупный японский бизнес, который поддержал демократов на выборах, обеспокоен тем, что их планы могут замедлить восстановление экономики. В частности, Японская федерация предпринимательских организаций (Ниппон Кэйданрэн) критиковала широко разрекламированное кабинетом сокращение «лишних расходов» и экономию части средств, которые правительство либерал-демократов выделяло на стимулирование экономики. Демократы выступали также за повышение минимума заработной платы для работников, серьезное снижение выбросов углекислого газа предприятиями, они планировали даже увеличить упавший до рекордного минимума внутренний спрос за счет поддержания сильного курса иены. Все эти мероприятия могут сделать японские компании неконкурентоспособными на внешнем рынке.

Бизнес считает, что подобные меры не помогут стране выйти из кризиса в кратчайшие сроки. «Вопросы экологии и социальной защиты работников чрезвычайно важны, — говорит ответственный в Кэйданрэн за отношения с политическими силами Мицуо Охаси. — Однако демократы не должны забывать проблемы японских компаний, от состояния которых во многом зависит будущее экономики Японии»¹⁷.

Правительство демократов озаботилось тем, чтобы поднять международный статус страны, активизировать дипломатию и политику национальной безопасности¹⁸. Еще во время предвыборной кампании Хатояма обещал, что Япония установит «более равноправные и независимые» отношения с Вашингтоном. По его мнению, это предполагало более активное участие Токио в определении глобальной роли японо-американского союза. Конкретно, прежде всего имелось в виду изменение условий размещения американских баз на японской территории, в частности вывод их за пределы острова Окинава. Именно предвыборное обещание демократов решить вопрос об американских военных базах на Окинаве, который на протяжении не одного десятилетия стоял чрезвычайно остро, принес им значительную долю голосов избирателей. В центре внимания стоял вопрос о дальнейшей судьбе авиабазы морской пехоты США Футама, расположенной на юге префектуры Окинава.

Речь шла о торжественном обещании Хатояма пересмотреть с большим трудом достигнутую в 2006 г. договоренность Японии и США о перемещении базы из густонаселенного города Гинован в город Наго на том же острове Окинава. Вашингтон считал этот вариант не только лучшим, но единственно приемлемым и требовал неукоснительного соблюдения соглашения. Против этого решительно выступали большинство окинавцев и ряд политических сил национального масштаба, в том числе партнер демократов по коалиции СДПЯ.

Поиск места для передислокации базы Футэмма с первых дней работы кабинета демократов не только стал камнем преткновения в японо-американских отношениях, но и в немалой степени способствовал отставке премьера Хатояма. Несмотря на явный нажим США, которые требовали выполнения договоренности 2006 г., Хатояма сразу же после прихода к власти заговорил о ее возможном пересмотре, а затем перенес вопрос на следующий год. Премьер обещал выработать новые предложения по базе Футэмма до конца марта 2010 г. и непременно решить этот вопрос с США до конца мая того же года. Хатояма заверял, что найдет место для авиабазы где-то в другом районе Японии или даже за ее пределами. Однако ставшие доступными общественности компромиссные предложения не устраивали ни жителей Окинавы, ни США. Ими, в частности, предусматривалось строительство взлетно-посадочной площадки на американской базе Кэмп Шваб в Наго на Окинаве и одновременно вертолетной базы на острове Токуносима, в двухстах километрах к северо-востоку от Наго. Американская сторона предпочитала строительство необходимого объекта в прибрежной зоне базы Кэмп Шваб. Хатояма не смог договориться о передислокации базы ни с местными властями, ни с Вашингтоном. В глазах избирателей он стал выглядеть как слабый, неэффективный политик.

Отсутствие у Токио приемлемых для США предложений, явный недостаток у японского лидера политической воли, по мнению аналитиков, стали главной причиной того, что президент Барак Обама уклонился от официальной встречи с Хатояма во время саммита по ядерной безопасности в Вашингтоне, ограничившись неофициальной десятиминутной беседой. Японская пресса расценила это как крупное дипломатическое поражение премьера.

В итоге Япония была вынуждена признать договоренности 2006 г. База Футэмма остается в пределах Окинавы. В знак протеста против такого решения СДПЯ 30 мая вышла из коалиционного правительства. «Социал-демократическая партия Японии, — сказала ее лидер Мидзучо Фукусима, — останется верной своим убеждениям и не возьмет обратно клятву, которую дала»¹⁹. Таким образом, конкретная проблема переноса авиабазы Футэмма, став серьезным раздражителем в двусторонних отношениях, не только осложнила отношения между Токио и Вашингтоном, но и вызвала внутривнутриполитические разногласия в правительстве.

Неоднозначно было воспринято в Вашингтоне и решение японского правительства отказаться от заправки топливом в Индийском океане судов, обслуживающих контингент войск НАТО в Афганистане. Японское правительство заявило о политике экономической помощи этой стране, учитывая пожелания афганского народа и признавая, что Афганистан «держит ключ к миру во всем мире». В ноябре 2009 г. Токио объявил о выделении 5 млрд. долл. на протяжении пяти лет для содействия восстановлению этой страны. Таким образом, правительство переориентировало свою политику в отношении Афганистана, взяв курс на прекраще-

ние деятельности Сил самообороны в Индийском океане и вместо этого сделав упор на финансовую поддержку.

Можно сказать, что тема японо-российских отношений являлась семейной для политического клана Хатояма. Дед первого демократического премьера Итиро Хатояма, будучи главой японского правительства, в 1956 г. нормализовал дипломатические отношения с СССР и подписал Совместную декларацию, которая по своему содержанию равнозначна мирному договору. Однако у сторон существует разное толкование этого документа, причем японская сторона педалирует проблему отсутствия мирного договора и территориального размежевания между двумя странами. Токио поставил подписание мирного договора в зависимость от решения территориального спора.

Позиция японской стороны по проблеме территориального размежевания десятилетиями остается неизменной: «возвращение» четырех Южно-Курильских островов. Принципиальная позиция Москвы состоит в том, что Южно-Курильские острова вошли в состав СССР, правопреемницей которого является Россия, по итогам Второй мировой войны и российский суверенитет над этими территориями, имеющий соответствующее международно-правовое оформление, не подлежит сомнению. Президент Д.А. Медведев признал, что «есть трудные вопросы». «Это известные вопросы — территориальные, по этому вопросу позиции сторон предельно четко сформулированы, и сейчас основная задача заключается в том, чтобы эти позиции сближались. Только в таком случае можно добиться успеха. Это называется методом „отхода от крайней позиции“, что мы всегда нашим японским партнерам предлагали, и я готов это предложить новому премьер-министру»²⁰.

Восемь с половиной месяцев правления администрации Хатояма привели к неутешительным для нее итогам в сравнении с предвыборными обещаниями. База Футама осталась в пределах Окинавы. Часть скоростных дорог была сделана бесплатной, но быстро выяснилось, что это грозит госбюджету огромными потерями. Пособия на детей оказались меньше обещанных, а их реальные выплаты были перенесены на более поздний срок, как и постепенный перевод школ второй ступени на бесплатное обучение, хотя закон об этом уже был одобрен обеими палатами парламента. Некоторые успехи, правда, ожидалось от кампании по сокращению «лишних расходов» государственного бюджета.

Все это привело к резкому падению рейтинга кабинета Хатояма, достигшего, по данным опросов, отметки в 20%. Беспрецедентная победа на выборах сменилась беспрецедентным падением популярности — как в процентном выражении, так и по скорости. Аналитики отмечали, что правительство работало в условиях нервного цейтнота, его ослабляли недостаток у премьера лидерских качеств, противоречия между министрами, их резкие, не всегда обдуманные заявления. Поэтому уход Хатояма в отставку с поста премьер-министра не стал неожиданностью.

То, что кабинет обречен, было вполне предсказуемо еще с начала мая. Выходом из создавшегося положения оказалась одновременная отставка Хатояма с постов председателя ДПЯ и премьер-министра и Одзава — с поста генерального секретаря партии. Последнего в японской прессе называли «серым кардиналом» и «кукловодом» не только партии, но и правительства. Оба деятеля оказались замешанными в громких скандалах, в ходе которых их обвиняли в нарушении законов о политических пожертвованиях. Личную виновность политиков доказать не удалось, но их бывшие помощники и секретари получили сроки заключения, хотя и с отсрочкой исполнения приговоров.

Отставка Хатояма позволила ДПЯ несколько повысить свой рейтинг. Согласно опросам общественного мнения, о намерении проголосовать за нее на предстоящих в июле выборах заявили 25% респондентов «Иомиури» и 28% — «Асахи»²¹. Действительно, уход с политической сцены дуэта Хатояма–Одзава, который в значительной степени повинен в падении престижа демократов, оказался хорошим политическим шагом. Сформированное Кан правительство поддержало 60% населения страны.

8 июля Наото Кан официально вступил в должность премьер-министра. За его кандидатуру проголосовали 313 из 480 депутатов нижней палаты, а основной соперник, либерал-демократ Садакадзу Танигаки, сумел набрать только 116 голосов. В палате советников Кан поддержали 123 из 242 депутатов, а Танигаки лишь 71 законодатель.

Кан сразу начал формировать свою команду, стремясь по возможности ослабить позиции Одзава. Он назначил двух его противников на ключевые посты в партии и правительстве: Ёсито Сэнгоку, ранее сменивший самого Кан на посту руководителя Совета по национальной стратегии, стал генеральным секретарем кабинета министров (в соответствии с политической традицией, генсек кабинета играет ключевую роль при его формировании), а самый молодой член прежнего правительства Юкио Эдано (45 лет), бывший министр по делам административного обновления, — генеральным секретарем ДПЯ вместо Одзава.

В новый состав правительства вошли 11 из 17 прежних министров. Сохранили свои посты глава МИДа Кацуя Окада и глава оборонного ведомства Тосими Китадзава. Эти влиятельные политики-демократы безоговорочно поддержали Кан на выборах на высшие посты в партии и правительстве. Преемником Кан на посту министра финансов стал статс-секретарь этого ведомства Ёсихико Нода, который считался «правой рукой» премьера. Опытный политик Сатоси Араи, давний союзник Кан, возглавил Совет по национальной стратегии. Ярким новым лицом в кабинете стала Рэнхо, которую зовут просто по имени. Дочь тайваньца и японки, она была телезвездой, а затем занялась политической деятельностью. Ей достался пост министра по делам административного обновления, который приобрел особое значение в новом правительстве. Как стало ясно из первых заявлений, Кан намерен в равной мере руководить и партией, и кабинетом, чтобы добиться единства их действий.

На первой же пресс-конференции новый премьер заявил, что «роль политиков состоит в том, чтобы минимизировать факторы, которые делают несчастными народ Японии и весь мир. Это означает, что перед политиками стоит цель построить общество с минимальным уровнем несчастий»²². Кан признал проведение налоговой реформы основным вызовом для его администрации и призвал к совместным действиям правящие партии и оппозицию. Именно на эти позиции обратила внимание пресса. Например, газета «Иомиури» заметила, что правительству надлежит представить современную национальную стратегию и провести полномасштабные переговоры с либерал-демократами по налоговой реформе, включая повышение потребительского налога²³.

Правительство разработало новую стратегию экономического роста Японии до 2020 г. В ней определены перспективные для инвестирования секторы, такие как новые виды энергетики и сохранение окружающей среды, здравоохранение, торговля и деловые операции с азиатскими странами, туризм и региональная экономика, наука и технологии, занятость и человеческий ресурс, улучшение финансовых условий. Планируется в результате реализации этой стратегии обеспечить около 5 млн. новых рабочих мест в сфере «чистой» энергетики, здравоохранении, туризме²⁴.

Одновременно Кан выступил с заявлением о возможности повышения потребительского налога с 5 до 10%. Это необходимая мера для решения проблемы колоссального государственного долга (до 200% ВВП), но она, несомненно, приведет к серьезным социальным издержкам. Хотя половина японских избирателей в принципе согласна с такой мерой, это очень болезненный вопрос, который требует конкретных шагов по компенсации потерь населения. Стремление «продать» решение аналогичного вопроса в 1987 г. привело к невиданному по масштабам парламентскому кризису и сделало неизбежной отставку премьер-министра Ясухино Накасонэ. Сама постановка вопроса о возможности повышения подоходного налога стоила демократам сильного падения рейтинга и поражения на выборах в палату советников 11 июля 2010 г.

Кан подтвердил решимость следовать внешнеполитической линии своего предшественника, включая реализацию концепции Восточноазиатского сообщества. Он заверил президента Обаму, что намерен выполнить в полном объеме все согласованные договоренности по расположенным на территории Японии американским базам и «будет уважать достигнутое прежним правительством соглашение с Вашингтоном». Однако премьер признал, что жители Окинавы несут огромное бремя присутствия баз, а потому правительство будет прилагать усилия для его облегчения: «Мы должны любым способом осуществить перенос базы Футэмма, а также передислокацию части морской пехоты США на остров Гуам»²⁵. Кан подчеркнул, что отношения с США остаются «краеугольным камнем японской дипломатии». Исходя из того, что Япония «является тихоокеанским государством и одновременно азиатской страной», она

будет строить свою внешнюю политику с учетом этой двойственности. «Говоря конкретно, стержнем внешней политики будет японо-американский союз, и одновременно с этим мы будем укреплять взаимодействие со странами Азии»²⁶. Стараясь избежать трений с сопредельными государствами, премьер высказался против посещений синтоистского святилища Ясукуни официальными лицами. Паломничество в этот храм, который рядом стран считается символом национализма и милитаризма, неизменно вызывает дипломатические протесты и усиление антияпонских настроений, в частности в КНР и Республике Корея. Кан также обещал заняться японо-российскими отношениями. В программной речи на 174-й сессии парламента он отметил, что «мы будем активно работать над тем, чтобы заключить мирный договор, разрешив крупнейший нерешенный вопрос о северных территориях, продвигая вперед политику и экономику, как два колеса одной тележки»²⁷. Это дословное повторение тезиса Юкио Хатояма.

Поражение демократов на выборах в палату советников, на которых был переизбран 121 депутат из 242 (вторая половина будет переизбрана в 2013 г.), оказалось не катастрофичным, но нанесло сильнейший моральный удар и стало тревожным сигналом. ДПЯ ставила задачу получить как минимум 54–55 мандатов из 121, чтобы сохранить за собой вместе с ННП большинство в верхней палате, но не смогла достичь цели. По итогам голосования партия провела в палату только 44 депутата, а ННП — ни одного. В результате демократы располагают в верхней палате лишь 110 депутатскими местами (на 12 меньше, чем до выборов), а совокупная оппозиция — 131. Либерал-демократы имеют здесь 84 места. Таким образом, положение в этой палате остается политически неопределенным, что открывает дорогу различным временным коалициям при рассмотрении отдельных вопросов.

Благоприятным моментом для ДПЯ в настоящее время, несмотря на все сложные проблемы, является отсутствие в стране сильной и единой оппозиции. Да и отношение большинства избирателей к оппозиционным партиям весьма прохладное: только ЛДП имеет рейтинг около 20%.

Примечания

¹ Асахи. 01.09.2009.

² <http://www.economist.com>

³ http://www.dpj.or.jp/english/about_us/philosophy.html

⁴ <http://www.dpj.or.jp/english/policy.html>

⁵ Подробнее см.: *Curtis G.L.* The Logic of Japanese Politics. Tokyo–N.Y., 1999, p. 193–195.

⁶ Асахи симбун. 16.05.2009.

⁷ <http://www.economist.com>

⁸ Economist. 26.03.2009.

⁹ Иомиури симбун. 27.03.2009.

¹⁰ Асахи симбун. 29.04.2009.

- ¹¹ Иомиури симбун. 17.05.2009.
- ¹² Асахи симбун. 03.09.2009.
- ¹³ The Japan Times. 03.10.2009.
- ¹⁴ Иомиури симбун. 17.09.2009.
- ¹⁵ Асахи симбун. 17.09.2009.
- ¹⁶ Подробнее см. статью Д.В. Стрельцова.
- ¹⁷ Киодо цусин. 12.09.2009.
- ¹⁸ Подробнее см. статью А.В. Шлындова и Н.П. Тебина.
- ¹⁹ The Japan Times. 21.05.2010.
- ²⁰ <http://www.rian.ru/politics/20090915/185172043.html>
- ²¹ Иомиури симбун. 04.06.2010; Асахи симбун. 04.06.2010.
- ²² Japan Brief/FPCJ. 2010, № 1018, June 11.
- ²³ Ibid.
- ²⁴ Ibid.
- ²⁵ Киодо цусин. 08.06.2010.
- ²⁶ Киодо цусин. 12.06.2010.
- ²⁷ Иомиури симбун. 08.06.2010.

И.А. Цветова

**ВЛАСТЬ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
ВРЕМЕН КАБИНЕТА ХАТОЯМА —
НОВАЯ ПОЛИТИКА?**

Переход власти в Японии к Демократической партии Японии (ДПЯ) в результате поражения на парламентских выборах 30 августа 2009 г. правящей Либерально-демократической партии (ЛДП) вызвал как у граждан этой страны, так и за рубежом естественный вопрос, следует ли ожидать больших перемен в японской внутренней и внешней политике.

До недавнего времени японские избиратели затруднялись сделать выбор в пользу ДПЯ. Значительная часть ее парламентариев либо начала свою деятельность в рядах ЛДП, либо придерживалась близких ЛДП идейно-политических взглядов; внутри ДПЯ не было единства по многим принципиальным и актуальным проблемам, не просматривалась и «ось противостояния» с правящей ЛДП.

Однако в последние несколько лет, особенно с момента завоевания большинства в палате советников японского парламента в 2007 г., ДПЯ сделала ставку на жесткую критику правительственного политического курса, а также методов деятельности ЛДП и поведения ее политиков. Стало возможным говорить о реальном, понятном избирателям противостоянии двух крупнейших партий на парламентской арене. Успеху ДПЯ, безусловно, способствовали многие недостатки политики и ошибочные действия возглавляемого ЛДП правительства, которые негативно влияли на повседневную жизнь различных слоев общества.

**Предвыборные обещания («Манифест»)
Демократической партии**

ДПЯ построила свои предвыборные обещания, изложенные в форме официального «Манифеста», на противопоставлении своей программы действий по широкому кругу актуальных проблем политическому курсу и практической деятельности ЛДП¹. Главная цель «Манифеста» состояла в том, чтобы разъяснить избирателям отличие ДПЯ от ЛДП.

ДПЯ декларировала «пять принципов правления Хатояма»:

© Цветова И.А., 2011

1. Не политика, перепоручаемая чиновникам, а политика, проводимая самими депутатами парламента, несущими ответственность правящей партии.

2. Не двойственная система раздельного принятия решений в правительстве и правящих партиях, а единые политические решения кабинета министров.

3. Не ведомственные интересы каждого министерства и управления, а общегосударственные интересы, реализуемые под руководством правительства.

4. Не общество по вертикальным интересам, а общество, связанное по горизонтали.

5. Не централизация власти, а развитие местного суверенитета.

На самом деле эти принципы вряд ли можно назвать новыми — в последнее десятилетие все они провозглашались также ЛДП, более того, некоторые из них в той или иной степени либо осуществлялись в рамках административной реформы, либо являлись предметом изучения правительства. Были приняты довольно масштабные меры по реализации принятого еще в 1998 г. Основного закона о реформе центрального правительства, направленного на усиление функций кабинета министров и руководящей роли премьер-министра, на замену вертикального ведомственного управления согласованными действиями в общегосударственных интересах, на децентрализацию, расширение полномочий органов местного самоуправления и т.п. Премьер-министр Д. Коидзуми на практике игнорировал «двойственную структуру» принятия политических решений, предполагающую, по существу, существующим в ЛДП правилам, их предварительное изучение и одобрение на партийном уровне. В 2008 г. при кабинете Фукуда был принят Основной закон о реформе системы государственной службы. Указанные меры не всегда были последовательными, вызывали внутри ЛДП острые дискуссии, но неизменно аргументировались желанием «преодолеть бюрократический стиль управления», «усилить политическое руководство»².

Помимо «принципов» управления государством в условиях правления ДПЯ в «Манифесте» этой партии были обозначены конкретные меры по созданию механизма, призванного обеспечить их реализацию:

- направить примерно 100 депутатов парламента для непосредственной работы в правительстве в качестве министров, заместителей и политических советников, помощников премьер-министра, чтобы сделать их ядром политического руководства при подготовке законопроектов и принятии других важных решений. (По существу, речь шла лишь о расширении уже существующей практики — с 2001 г. на эти должности назначались примерно 70 депутатов парламента.);

- активизировать согласование трудных решений между самими министрами в рамках «комитетов» заинтересованных министров, отменить еще сохраняющиеся совещания административных заместителей министров;

- учредить непосредственно при премьер-министре Управление государственной стратегии, привлечь к его работе лучшие кадры из числа чиновников и частных лиц для разработки «видения государства новой эпохи», определения «под политическим руководством» основ государственного бюджета (при премьер-министре Д. Коидзуми роль такого органа выполнял Совет по экономике и финансам, созданный в соответствии с Законом о реформе правительственной структуры.);

- сформировать новую систему управления и контроля руководящих кадров, при которой их работа оценивается по конечным результатам (такая задача ранее уже поставлена в Основном законе о реформе системы государственной службы);

- учредить Совет по административному обновлению, который должен будет пересмотреть всю административную деятельность, изучить бюджет, чтобы «исключить бесполезные траты и несправедливость».

Очевидное совпадение провозглашенных ДПЯ «принципов» руководством страной и конкретных мер по перестройке его механизма с практическими действиями в этом направлении предшествующих правительств не случайно. В Японии еще в 1993 г. впервые в общем виде была опубликована концепция такого рода перемен, выдвинутая влиятельным деятелем ЛДП Итиро Одзава, который в 2006 г. стал лидером ДПЯ, а в период правления кабинета Хатояма являлся ее генеральным секретарем.

«Манифест» ДПЯ содержал также «пять обещаний» изменить жизнь граждан страны:

- исключить излишние бюджетные расходы, неэффективное расходование налоговых средств;

- способствовать воспитанию и образованию детей, в том числе ежегодно выплачивать «пособие на ребенка в размере 312 тыс. иен», сделать бесплатным обучение в школе высшей ступени;

- в сфере пенсионного обеспечения ввести порядок «пенсионных извещений», унифицировать пенсионную систему, установить минимально гарантируемую пенсию (70 тыс. иен в месяц); в сфере медицинских услуг отменить учрежденную в 2008 г. «медицинскую систему для лиц преклонного возраста», рассчитанную на лиц в возрасте 75 лет и старше, увеличить число врачей в 1,5 раза;

- утвердить «местный суверенитет», первым шагом в этом направлении сделать масштабное увеличение самостоятельных источников финансирования деятельности органов местного самоуправления, ввести систему целевого финансирования фермерских хозяйств;

- в интересах обеспечения занятости и развития экономики снизить на 11% налог на юридических лиц — мелких и средних предпринимателей; помогать в трудоустройстве путем профессиональной переподготовки, выделять на это пособия в размере 100 тыс. иен; содействовать созданию новых производств; активно продвигать меры против глобального потепления.

Описанные «принципы» и «обещания» были конкретизированы и дополнены в еще одном разделе «Манифеста». В нем ДПЯ разъясняла свои намерения и необходимость намеченных мероприятий, во многих случаях указывая примерные суммы расходов на их реализацию. Тем самым ДПЯ стремилась продемонстрировать серьезность своих планов и обещаний, предупредить возможные обвинения в популизме. Спектр обещаний, содержащихся в этой части «Манифеста», был значительно расширен. Например, здесь было заявлено о намерении пересмотреть формы деятельности почтовых предприятий, приватизированных во время реформ Коидзуми. Было обещано в ближайшее время отменить денежные пожертвования предпринимательских организаций партиям и отдельным политикам, а также отказаться от практики «наследования» депутатских мест.

В подразделе «Потребители, права» содержалось обещание принять конкретные меры для защиты потребителей и обеспечения их безопасности, оказания помощи лицам, пострадавшим от нарушения их прав, и т.п. Обращение к проблемам потребителей, несомненно, определялось намерением ДПЯ перехватить инициативу у ЛДП, которая в последние два года своей власти подчеркивала заботу о потребителях, настояла на принятии специального закона о безопасности потребителей и учреждении в структуре правительства органа, координирующего работу с потребителями.

В другой части «Манифеста» излагалось представление ДПЯ об основах японской внешней политики. Главными ее целями были объявлены: создание «близких и равноправных отношений в рамках японо-американского союза» как оси всей внешней политики Японии; формирование Восточноазиатского сообщества и усиление дипломатии Японии в Азии; непризнание ядерного вооружения КНДР; активное участие в международной деятельности в интересах мира и процветания; обеспечение лидирующей роли Японии в деятельности, направленной на ликвидацию ядерного оружия и борьбу с терроризмом.

Довольно подробно разъясняя, какие конкретные шаги ДПЯ планирует для достижения вышеизложенных целей, разработчики «Манифеста» ни одним словом не обмолвились о позиции партии, касающейся японо-российских отношений. Нельзя, однако, не отметить, что до публикации «Манифеста» Ю. Хатояма, избранный лидером партии в мае 2009 г., опубликовал свое видение «политики построения дружественной Японии». Одним из пунктов «дружественной внешней политики» стало «полное возвращение северных территорий»³.

«Манифест» завершился разъяснением позиции ДПЯ по проблеме действующей Конституции Японии. В отличие от ЛДП, которая настойчиво, особенно при правительствах Д. Коидзуми и С. Абэ, стремилась ускорить пересмотр Основного закона страны, ДПЯ выразила намерение на основе разработанных ею в 2005 г. предложений «повсеместно вернуть среди народа свободное и открытое обсуждение, внимательно

изучить, требует ли большинство населения пересмотра Конституции и имеются ли общие моменты, по которым внутри страны можно достичь широкого бесконфликтного согласия».

Кабинет Ю. Хатояма и его «Принципиальный курс»

Несмотря на достигнутое подавляющее превосходство над ЛДП в палате представителей, ДПЯ, которой уже в следующем году на выборах в палату советников предстояло укрепить свои (не столь уж прочные) позиции и в этой палате, решила заручиться поддержкой других партий. Ее союзниками стали Социал-демократическая партия Японии (СДПЯ), а также Новая народная партия (ННП) — небольшая группа политиков, исключенных из ЛДП в 2005 г.

Лидер ДПЯ Юкио Хатояма, избранный парламентом премьер-министром страны, 16 сентября 2009 г. сформировал коалиционное правительство, в котором союзным партиям было предоставлено по одному министерскому посту.

Премьер-министр ввел в состав кабинета наиболее влиятельных политиков, ранее избравшихся на руководящие посты, в том числе бывших глав партии. Исключением стал И. Одзава, назначенный генеральным секретарем ДПЯ. В определенной мере учитывалась и прежняя специализация политиков в «теневом кабинете» ДПЯ.

Заметной особенностью состава нового кабинета явилось назначение министров по особым поручениям соответственно намеченным в предвыборном «Манифесте» нововведениям. Заместителем премьер-министра и министром государственной стратегии, а по совместительству ответственным за экономическую и финансовую, а также научно-техническую политику был назначен Наото Кан, один из основателей ДПЯ, разработчик концепции преобразований, направленных на усиление политического руководства и преодоление зависимости от бюрократии⁴. Впервые в правительстве появилась должность министра по делам национальной стратегии, на которую был назначен Ё. Сэнгоку, в 2004–2005 гг. возглавлявший Совет по политическим вопросам ДПЯ. Ему же были поручены вопросы, касающиеся реформы государственной службы. Руководство финансовыми услугами и почтовой политикой были переданы главе Новой народной партии С. Камэи, который в свою бытность членом ЛДП выступал против приватизации почты и был по этой причине исключен из ее рядов. Министром благосостояния и труда и ответственным за пенсионную реформу стал А. Нагацума, самый активный и компетентный критик пенсионной политики ЛДП. Министром по делам потребителей, государственной политике в сфере снижения рождаемости, а также равноправия женщин и продовольственной безопасности была назначена женщина — глава СДПЯ М. Фукусима.

Других, помимо Н. Кан, бывших глав ДПЯ премьер-министр также назначил на важные посты. Министром иностранных дел стал Кацуя Окада, возглавлявший партию в 2004–2005 гг. Руководство самым громоздким Министерством национальных земель и транспорта, которое подвергается наибольшей критике за неэффективное расходование налоговых средств, было поручено молодому (47 лет) амбициозному политику Маэхара Сэйдзи, который короткое время руководил партией в 2005–2006 гг. На него же была возложена ответственность за политику, касающуюся проблем Окинавы и «северных территорий».

Министерство финансов возглавил Х. Фудзии, ближайший соратник И. Одзава, старший по возрасту (77 лет) политик в правительстве. Однако вскоре, в январе 2010 г., он ушел в отставку по болезни. Обязанности министра финансов были возложены на Н. Кан, заместителя премьер-министра. Одновременно обязанности министра, ответственного за государственную стратегию, были переданы от Н. Кан министру по делам административного обновления Ё. Сэнгоку.

В Японии важную роль в координации деятельности всего правительства и в разрешении разногласий между министрами обычно выполняет генеральный секретарь кабинета. Ю. Хатояма назначил на эту должность Х. Хирано, пользовавшегося личным доверием премьер-министра и одновременно близкого к генеральному секретарю партии И. Одзава.

Незадолго до выборов в палату представителей журналист С. Тахара спросил Ю. Хатояма, каким образом изменится политика в случае прихода ДПЯ к власти, в чем будет ее отличие от политики ЛДП. Будущий премьер-министр тогда ответил: «Нельзя говорить о том, что политика оппозиционной партии обязательно должна полностью отличаться от политики правящей партии. Самое существенное отличие от ЛДП, я думаю, заключается в выдвижении нами цели ликвидации централизованной системы бюрократического руководства, построения государства „местного суверенитета“»⁵.

Именно такое понимание миссии нового правительства зафиксировано в «Принципиальном курсе» кабинета Хатояма, принятом в день его формирования⁶.

В этом документе выражена решимость «работать с целью построения нового государства, сделать двумя главными основами политики «осуществление подлинного народного суверенитета» и «реального местного самоуправления», «избавление от политики выгоды и от политической системы, зависимой от бюрократии». Вместе с тем была сделана важная оговорка: правительство отнюдь не ставит целью «сражение с бюрократами».

Конкретно было заявлено о следующих намерениях правительства:

- для обеспечения политического руководства учредить в каждом ведомстве «политические советы» с центральной ролью в них министров, заместителей министров и политических советников; отменить предва-

рительное рассмотрение политических решений в партии; политические решения будут приниматься не партией, а кабинетом министров;

- отменить совещания административных заместителей министров; предварительное обсуждение и согласование проводить между министрами и в различных правительственных советах. Решения по важным политическим вопросам будут принимать лично премьер-министр и генеральный секретарь кабинета;

- при Канцелярии кабинета учредить Бюро национальной стратегии, в котором под руководством премьер-министра должен приниматься принципиальный курс по основам финансовой политики и управлению экономикой;

- учредить Совет по административному обновлению, который должен пересмотреть структуру бюджета с целью «последовательного исключения бесполезного расходования налоговых средств»;

- проводить реформу с целью построения «государства подлинного местного суверенитета», продвигать коренную реформу системы государственной службы, включая полный запрет «спускания с небес» государственных чиновников и посредничество ведомств в их переходе на новые места работы.

На международной арене правительство обещало в дополнение к экономическому сотрудничеству вносить вклад в защиту окружающей среды, обеспечение мира, развитие культуры, науки и техники и т.п., «строить государство, пользующееся доверием международного общества».

Было заявлено, что в нынешних условиях бурных перемен новое правительство с целью дальнейшего развития Японии будет:

- проводить политику защиты жизни народа;
- осуществлять поворот к «местному суверенитету»;
- реализовывать переход от экономики, базирующейся исключительно на критерии эффективности, к экономике в интересах человека. Продолжая реформу регулирования с целью оживления экономики, стремиться к обеспечению занятости, укреплению безопасности среды обитания, росту потребления за счет увеличения доходов семьи;

- включиться в дело укрепления мира и разрешения других глобальных проблем, осуществляя самостоятельную внешнюю политику. Во внешней политике не только руководствоваться принципами приоритета двусторонних отношений с зарубежными странами и ориентации на ООН, но и осуществлять суверенную дипломатию, опирающуюся на долгосрочную стратегию и учитывающую реальность современного мира. Укреплять сотрудничество с США с целью перестройки японо-американского союза в направлении тесных и равноправных отношений, проводить откровенные переговоры по сохраняющимся между двумя странами проблемам.

В заключительной части «Принципиального курса» содержалось заверение, что у правительства нет намерения заниматься решением про-

блем, полагаясь на всемогущие рыночные принципы, поручая все частному сектору и отказываясь учитывать интересы малообеспеченных слоев населения. Общество, в котором свою роль выполняют государство, местное самоуправление и народ, будет строиться на принципах «народного суверенитета», «местного суверенитета», «самостоятельности и совместной жизни». Концепция нового японского общества была дополнена идеей «дружбы и любви» (*юаи*), которую Ю. Хатояма постоянно пропагандировал со времени основания ДПЯ: «Возродить человеческие отношения внутри общества, возродить отношения доверия между людьми. Приложим все силы, чтобы построить „общество дружбы и любви“».

Помимо принятия «Принципиального курса» на первом заседании кабинета Хатояма был утвержден еще один правительственный документ, в котором были детально прописаны отношения между политиками и чиновниками с целью реализации провозглашенного ДПЯ «преодоления бюрократического руководства, утверждения политического руководства и осуществления подобным образом подлинной демократии»⁷.

На пути к реализации обещаний

У кабинета Хатояма, взявшего на себя обязательство организовать управление страной по-новому с целью выполнения многочисленных обещаний ДПЯ, не было времени на раздумья. Необходимо было спешить продемонстрировать успешные результаты своей деятельности в самое короткое время, до предстоявших летом 2010 г. выборов в палату советников, чтобы не ослабить, а наоборот, упрочить поддержку правительственного курса в парламенте.

Тем не менее представление парламенту программы действий кабинета Хатояма несколько затянулось. Премьер-министр ознакомил с ней законодателей на внеочередной парламентской сессии 26 октября 2009 г.⁸. На 174-й очередной парламентской сессии 29 января 2010 г. он доложил о первых шагах правительства и планах его дальнейших действий⁹.

Реорганизация государственной структуры. В своей первой программной речи в парламенте премьер-министр Ю. Хатояма прежде всего подчеркнул нацеленность правительства на «устранение существующей до сих пор зависимости от бюрократии, осуществление поворота на 180 градусов к политическому и народному руководству». Работа в этом направлении была названа «большой чисткой послевоенного управления».

Одна часть такой работы должна была состоять в «пересмотре бюджета, всей деятельности правительства, всей системы административного регулирования», чтобы исключить бесполезную трату налоговых средств. Ю. Хатояма заявил, что эта работа будет проводиться Советом по административному обновлению под его личным руководством.

Второй частью «большой чистки» должен был стать «последовательный пересмотр способов использования налоговых средств и формирования бюджета». В частности, было выражено намерение пересмотреть систему государственного финансирования масштабных инфраструктурных проектов: строительство дамб, дорог, аэропортов и т.д. Премьер-министр возложил перестройку финансовой политики «от бетона к людям» на Совет по национальной стратегии, обещая руководить им лично совместно со своим заместителем Н. Кан.

Однако на деле и Совет по административному обновлению, и Совет по национальной стратегии продолжали функционировать без законодательного оформления их прав и обязанностей, структуры и регламента. Еще до выборов, замечает политический обозреватель А. Ито, ДПЯ приняла решение учредить Бюро национальной стратегии, которое, в отличие от вышеназванного Совета по национальной стратегии, должно было быть официально инкорпорировано в правительственную структуру, и сделать этот орган ответственным за координацию в правительстве. Однако Ю. Хатояма отложил внесение в парламент проекта закона о его учреждении¹⁰. Лишь в январе 2010 г. премьер-министр обещал без указания конкретных сроков законодательно определить место Совета по административному обновлению, учредить Бюро национальной стратегии, возложив на него «формирование основ бюджета и налогообложения с общегосударственной точки зрения». «Большая чистка послевоенного управления», по замечанию Ю. Хатояма, еще только начиналась.

С целью обеспечения контроля правительства над руководящими кадрами готовилось создание Кадрового бюро кабинета министров, а выдвижение и распределение кадров предполагалось осуществлять из Канцелярии кабинета министров.

Ю. Хатояма объявил о намерении внести в парламент проект закона, направленного на увеличение должностей, которые могут занимать в правительстве депутаты парламента от правящих партий. Кабинет министров принял решение увеличить число таких должностей с 74 до 94, в том числе удвоить число помощников премьер-министра, доведя их число до десяти¹¹.

Кроме того, премьер-министр сообщил о планах с осени 2010 г., т.е. после выборов в палату советников, приступить к руководству работой по «коренному пересмотру» структуры каждого из правительственных ведомств, в том числе с точки зрения целесообразности их существования.

Заверение Ю. Хатояма искоренить ведомственное посредничество в «спускании с небес», т.е. устройстве уволенных чиновников на «теплые должности» в общественных и частных предприятиях, сопровождалось обещанием «в ближайший срок» приступить к новому этапу реформы государственной службы. Имелись в виду определение форм защиты основных трудовых прав государственных служащих и способов создания условий для продолжения службы до установленного предельного

возраста, пересмотр размеров кадровых расходов, а также системы оплаты труда служащих.

Наконец, существовала серьезная для ДПЯ и лично премьер-министра проблема, которую японцы именуют «денежной политикой». Напомним, что Ю. Хатояма возглавил ДПЯ в мае 2009 г. после отставки ее прежнего лидера И. Одзава из-за ареста его секретаря за нарушение закона, регламентирующего финансирование партийной деятельности. Тогда это обстоятельство подтолкнуло ДПЯ к включению в ее предвыборный «Манифест» обещания запретить денежные пожертвования предпринимательских организаций партиям и политикам. В своей первой программной речи Ю. Хатояма в общей форме напомнил о необходимости «каждому политику исправить свое поведение» и «конструктивно воспринять народную критику», касающуюся способов привлечения денег на их деятельность. Однако в начале 2010 г. премьер-министр, требуя от депутатов достойного поведения, был вынужден сам извиняться за выявленную личную причастность к нарушениям, касающимся использования политических фондов¹². В этой связи он обещал «провести открытую дискуссию по проблеме, каким образом можно сделать финансирование партий более прозрачным», и определить отношение к политическим пожертвованиям от предприятий и организаций.

«Большая чистка послевоенного управления» предполагала также реализацию заявленного в «Манифесте» принципа «не централизация прав, а развитие местного суверенитета». В январе 2010 г. премьер-министр назвал достижение «местного суверенитета» «большой реформой образа государства, главной среди первоочередных реформ кабинета». Ее первым этапом должны были стать полная отмена «ненужных обязанностей и ограничений» органов местной власти и отказ от возложения на них части расходов на эксплуатацию дорог и другие виды деятельности, находящиеся в ведении центрального правительства. Кроме того, в интересах равенства в отношениях государства и органов местного самоуправления было намечено принять закон, устанавливающий место и порядок консультаций между ними. Что же касается самостоятельных источников финансирования обширной местной деятельности, без которых реальный «местный суверенитет» невозможен, то кабинет Хатояма, как и многие его предшественники, решать эту исключительно сложную проблему не торопился. Премьер-министр обещал «в дальнейшем разработать программу стратегии местного суверенитета», включающую переход к передаче на места налоговых средств вместо субсидий и дотаций государства, а также коренную реформу местных государственных учреждений.

Таким образом, кабинет Хатояма приступил к практическому внедрению некоторых провозглашенных в «Манифесте» принципов преодоления зависимости от бюрократии и перехода к политическому руководству. Однако работа в этом направлении затруднялась отсутствием ее законодательного обоснования. Проекты необходимых законов большей

частью еще обсуждались и согласовывались внутри правительства, причем внесение в парламент многих из них было отнесено на последующие годы.

Экономика и финансы. Знакома парламент с курсом нового правительства в сфере экономики, Ю. Хатояма в первую очередь указал на важность «свободной рыночной экономической деятельности». Одновременно он признал несостоятельность принципа «поручения всех дел рынку, выживания только сильных, экономического рационализма в ущерб жизни народа». Премьер-министр высказался за «поворот к экономике для человека»: «Это будет попытка покончить с экономикой, основывающейся на ее выгоде и прибыли. Свободная конкуренция останется, но будет создана сеть для гарантированного обеспечения занятости и подготовки кадров, гарантирована производственная безопасность, важное внимание будет обращено на интересы потребителей, целью экономики станет жизнь народа».

Поворот к «экономике для человека» включал, в частности, намерение правительства оказывать непосредственную поддержку семейному бюджету путем введения пособий на детей, отмены временного налога на бензин, перехода к бесплатному проезду по скоростным автомобильным дорогам, а в дальнейшем всячески способствовать росту личных расходов на материальные и духовные нужды.

С целью преодоления кризисного состояния в экономике, и в частности в сфере занятости, было признано крайне важным добиваться «стабильного роста главным образом за счет расширения внутреннего спроса». Конкретно речь шла о поощрении производства энергосберегающей техники, экологически чистой продукции, активном применении в повседневной жизни информационных технологий и других научно-технических достижений, содействии созданию новых рабочих мест, развитию медицинских услуг, услуг по уходу за престарелыми, образования, сельского хозяйства. Одновременно в соответствии с принципом «от бетона к людям» была поставлена задача освободиться от промышленной структуры, «зависимой от общественных предприятий», иными словами, значительно сократить участие государства в строительстве объектов общественного назначения и инфраструктуры.

Руководствуясь новыми установками, кабинет Хатояма добился пересмотра принятого предыдущим правительством дополнительного бюджета на антикризисные мероприятия в размере 14,7 трлн. иен, исключив из него 2,9 трлн. иен как «бесполезные траты»¹³. Вместе с тем до конца 2009 г. был принят еще один антикризисный бюджет в размере около 24 трлн. иен.

Под руководством заместителя премьер-министра Н. Кан был разработан и опубликован «Основной курс стратегии роста». Докладывая парламенту политическую программу на 2010 г., Ю. Хатояма подчеркнул, что правительственная «стратегия роста» не только предусматривает «количественный рост прежнего типа», но и нацелена на «рост во имя жизни,

для человека путем качественного изменения японской экономики». Подразумевался выход из «кризиса за счет сфер экологии, энергетики, медицины, ухода за престарелыми и охраны здоровья», в которых правительство должно изыскивать возможности для повышения спроса и создания новых рабочих мест.

Новая стратегия роста, разъяснял далее премьер-министр, состоит также в том, чтобы «дальнейшим фронтом деятельности Японии в мировой экономике стала Азия»: «Необходимо сделать японские знания и опыт общим достоянием стран Азии, перед которыми стоят одинаковые с Японией серьезные проблемы — экологии, урбанизации, низкой рождаемости, старения общества и т.п.». Япония намерена не только видеть в Азии пространство для экспорта производимых товаров, но и защищать природную среду, гарантировать безопасность, создать совместные системы предоставления высоких технологий и услуг, что приведет к появлению нового спроса в этом регионе. Правительством была поставлена задача развивать туризм, с тем чтобы к 2020 г. довести число ежегодно посещающих Японию иностранцев до 25 млн. чел.

В качестве еще одного источника роста правительство рассматривало активизацию местной экономики. Ю. Хатояма сообщил о готовящемся выделении денежных средств на ее оживление, о работе по «возрождению сельского, лесного и рыбного хозяйства», в частности внедрению системы целевого финансирования индивидуальных фермерских хозяйств.

Готовилась разработка «Кодекса мелких и средних предприятий», деятельность которых составляет основу местной экономики. Оживлению межтерриториального обмена был призван способствовать запланированный на 2011 г. эксперимент по введению бесплатного проезда по скоростным автомобильным дорогам.

Для местных жителей большое значение имеют услуги почтовых отделений, в том числе финансовые. В этой связи правительство приступило к пересмотру принятого при кабинете Коидзуми Закона о приватизации почтовых предприятий. В декабре 2009 г. парламент одобрил решение о замораживании продаж акций Японской почтовой корпорации. В дальнейшем было намечено законодательно гарантировать универсальность почтовых услуг, возможность их получения в любой местности, а также продолжить пересмотр форм организации и управления почтовыми делами.

Правительство сформировало на 2010 г. (финансовый год в Японии начинается с 1 апреля) самый большой государственный бюджет, что было обусловлено многочисленными предвыборными обещаниями ДПЯ. Большое превышение расходов над доходами предполагало новые государственные займы, при выпуске которых премьер-министр обещал не выйти за пределы 44 трлн. иен. Ю. Хатояма, особо подчеркнув необходимость ответственности и дисциплины в финансовой политике, заявил: «Мы повернули бюджет в сторону „защиты народа“. Сократив бюджет на

общественные работы на 18,3%, мы в то же время увеличили на 9,8% расходы на социальное обеспечение. Удалось сформировать бюджет, в котором расходы на образование и науку увеличены на 5,2%».

Социальное обеспечение. Эта сфера стала важным объектом заботы кабинета Хатояма, поскольку ДПЯ пришла к власти, взяв на себя серьезные обязательства в социальной сфере, особенно касающиеся пенсионной системы. Актуализация политики кабинета Хатояма в этой области была связана также с тем обстоятельством, что у многих японцев имелись немалые сомнения в отношении перспектив стабильного функционирования пенсионной системы, а прежние попытки ее реформирования оказывались недостаточно эффективными, более того, вызывали массовое недовольство.

Похоже, что правительство Ю. Хатояма избрало в этой сфере политику малых, но ощутимых для населения шагов, оставляя осуществление крупных обещаний на более отдаленные сроки. Это проявилось прежде всего в позиции правительства по вопросу об источниках финансирования. Главная проблема состоит в том, каким образом в быстро ухудшающейся демографической обстановке и при низких темпах экономического роста обеспечить устойчивое финансирование пенсий. Японские исследователи обратили внимание на то, что именно по этому большому вопросу ДПЯ «не высказалась ни до, ни после выборов»¹⁴.

В первой парламентской речи Ю. Хатояма заявил, что правительство немедленно приступит к осуществлению двухлетней программы решения «проблемы утраченных пенсионных записей» (массовая утрата регистрации уплаты пенсионных страховых взносов была выявлена еще в 2007 г.). После этого оно намерено «включиться в работу по созданию новой, справедливой и прозрачной пенсионной системы, которая гарантирует спокойное будущее». Никаких разъяснений по этому поводу правительство не дало.

Что же касается других направлений правительственной политики в сфере социального обеспечения, то они были достаточно конкретны. Ю. Хатояма представил парламенту обширный план действий в «защиту жизни человека», которые предстояло осуществить или начать их реализацию уже в 2010 г. В него были включены меры, направленные на улучшение условий воспитания и образования детей, ликвидацию недостатков в медицинском обслуживании и повышение доступности дорогостоящего лечения, улучшение положения с получением пособий по безработице, ограничение дискриминационной практики в трудовых отношениях и т.д.

Премьер-министр подчеркнул, что счастье человека и процветание местных сообществ «не могут быть достигнуты только за счет социального вклада предприятий и крепкой политики», в их основе должна быть «новая общность» (*атарасий кокё*). Он настойчиво пропагандировал идею активного участия самих граждан и некоммерческих организаций в решении близких каждому человеку задач и проблем воспитания и об-

разования детей, обустройства улиц, ухода за престарелыми, прочей деятельности в сфере благосостояния. «Я призываю строить общество с человеческим лицом, принципами которого должны стать самостоятельность и совместная жизнь, возрождать местные узы и тем самым сокращать разбухание чиновничества», — заявил Ю. Хатояма. Он обещал к маю 2010 г. разработать конкретный образ общественной системы, в которой будет расширен круг «носителей новой общности», открыты для общественной деятельности сферы, ныне монополизированные чиновниками. Провозглашение Ю. Хатояма идеи «новой общности» можно рассматривать как попытку компенсировать издержки решимости правительства продолжить начатый предшественниками курс на ликвидацию и приватизацию общественных предприятий или сокращение сферы их деятельности.

Внешняя политика. Выдвигая конкретные задачи и программу достижения заявленных в предвыборном «Манифесте» целей внешней политики, кабинет Хатояма стремился продемонстрировать «новизну» собственных подходов к решению актуальных внешнеполитических проблем. Вместе с тем следует отметить, что новое правительство в основном сохранило преемственность японской дипломатии.

На осенней сессии 2009 г. Ю. Хатояма в новом ключе представил парламенту правительственный внешнеполитический курс. Его конкретные задачи премьер-министр разъяснял с точки зрения необходимости и возможности Японии выполнить роль «моста» между Востоком и Западом, развивающимися и развитыми странами, разными цивилизациями, стать «страной, заслужившей международное доверие». В отличие от таких лидеров бывшей правящей ЛДП, как С. Абэ и Т. Асо, предпочитавших говорить о «дипломатии общих ценностей», Ю. Хатояма заявлял о намерении строить с соседними странами доверительные отношения и продвигать сотрудничество, «уважая различные взгляды на ценности».

Возможность Японии стать реальным «мостом» в мире аргументировалась наличием у этой страны опыта преодоления «нефтяных кризисов» и загрязнения окружающей среды, обладанием передовыми технологиями. Премьер-министр обещал лично руководить международными переговорами по глобальным климатическим изменениям, деятельностью по внесению вклада Японии в осуществление идеи «сочетания экологии и экономики» и поворота к «низкоуглеродному обществу». Было также заявлено о намерении претворить в жизнь «инициативу Хатояма» по оказанию помощи развивающимся странам.

Премьер-министр выразил глубокое понимание и поддержку выдвинутого президентом США Обамой предложения о «мире без ядерного оружия». Такая позиция, по его мнению, весьма убедительна, поскольку исходит от «страны — единственной жертвы ядерного оружия, настаивающей на его полном уничтожении и придерживающейся трех неядерных принципов». Премьер-министр заявил о намерении неотступно добиваться большего вклада Японии в дело сокращения и нераспростра-

нения ядерного оружия как первого шага к тому, чтобы сохранить для детей «мир без ядерного оружия».

Призывая не допустить нового превращения окружающего Японию морского пространства в «море конфликтов», Ю. Хатояма подчеркнул, что фундаментом достижения этой цели «станут близкие и равноправные союзные отношения Японии и США», которые «требуют от японской стороны практических действий в интересах международного мира и безопасности». В обстановке существующих «доверительных отношений» станет возможным «откровенный диалог по сохраняющимся двусторонним проблемам», сказал премьер-министр Японии. Конкретно имелась в виду проблема, касающаяся размещения американских военных баз на территории Японии. Ю. Хатояма пообещал решить ее, одновременно учитывая прежние договоренности с США по вопросам обеспечения безопасности и проявляя заботу о жителях Окинавы, «страдающих и испытывающих трудности» от американского присутствия.

Особое внимание премьер-министр обратил на «проблему поддержки Афганистана и Пакистана». В этом вопросе для Японии первостепенная цель, подчеркнул он, — «восстановление Афганистана как государства, пострадавшего от международного терроризма, обеспечение в этой стране общественного мира и безопасности». В дальнейшем Япония не будет продолжать «вспомогательную, снабженческую деятельность в районе Индийского океана», а будет действовать исходя из позиции «широкой гуманитарной помощи Афганистану».

По проблеме отношений с КНДР был, по существу, продолжен курс прежних правительств: «В тесной солидарности с заинтересованными странами добиваться всеобъемлющего решения всех сохраняющихся проблем — похищения японцев, ядерного вооружения, ракетного оружия, и на этой основе нормализовать государственные отношения».

По поводу отношений с Россией Ю. Хатояма фактически высказался за многостороннее сотрудничество, не отказавшись, однако, от прежнего подхода к «территориальной проблеме». Он выразил намерение в процессе продвижения в политике и экономике «включиться в заключение мирного договора, окончательно решив проблему северных территорий, остающуюся самой крупной нерешенной задачей, кроме того, укреплять отношения сотрудничества, рассматривая Россию как партнера в Азиатско-Тихоокеанском регионе».

Проинформировав парламент о начале «откровенного и прямого обмена мнениями» с главами государств Азии, Ю. Хатояма заявил: «Будем строить отношения подлинного доверия, продвигать сотрудничество с соседними странами — Республикой Корея, Китаем, государствами АСЕАН и другими, взаимно уважая различные взгляды на ценности, через поиск общих точек возможного соприкосновения».

В заключительной части внешнеполитического курса, который Ю. Хатояма представил парламенту осенью 2009 г., было выражено намерение и готовность «содействовать продвижению концепции Восточноазиат-

ского сообщества как открытой для других регионов и прозрачной системы высокого уровня сотрудничества».

В своей практической деятельности Ю. Хатояма сделал акцент на личную дипломатию, совершив за первые несколько месяцев четыре зарубежные поездки. Он обращал большое внимание на установление прямых контактов с главами государств Азиатско-Тихоокеанского региона.

Как известно, с самого начала нынешнего столетия в правящих и деловых кругах Японии возник и постепенно возрос интерес к концепции Восточноазиатского сообщества (ВАС). Публичный призыв к построению такого регионального объединения прозвучал с японской стороны в Сингапуре еще в январе 2002 г. в речи премьер-министра Д. Коидзуми.

Ю. Хатояма также избрал Сингапур, для того чтобы изложить идею Восточноазиатского сообщества¹⁵. Он назвал концепцию ВАС «стержнем азиатской дипломатии нового правительства Японии», а ее нравственными истоками — идею «дружбы и любви», признал необходимость добиваться подлинного примирения в регионе, где Япония принесла «большой ущерб и страдания людям многих стран». За основу концепции был взят «западный опыт примирения и сотрудничества», формирования Евросоюза. «Концепция основывается на принципе „открытого регионального сотрудничества“ и предполагает развитие сотрудничества заинтересованных стран в различных сферах, настойчивые усилия по формированию структуры функционирующего общества», — заявил Ю. Хатояма.

В реализации данной концепции особое значение придавалось японо-американскому союзу и уникальности Японии как страны, достигшей модернизации раньше других стран Азии и обладающей «передовыми технологическими возможностями и зрелой экономикой». «Присутствие США в Азии играет и в дальнейшем, видимо, будет играть важную роль для поддержания мира и процветания Азии, включая Японию. В этом главная причина того, что Япония сохраняет японо-американский союз и рассматривает его как ось своей дипломатии», — подчеркнул Ю. Хатояма. Он сообщил, что на встрече с президентом Обамой они оба согласились еще более развивать этот союз, и приветствовал заявление президента США, подтвердившего позицию этой страны на участие в проблемах стран Азии. Обосновывая роль стратегического партнерства с США в практической реализации концепции Восточноазиатского сообщества, Ю. Хатояма заявил на очередной сессии парламента в начале 2010 г., что японо-американский союз не потеряет своего значения, поскольку закрытый характер сообщества, превращение его в экономический лагерь, противостоящий другим регионам, недопустимы. «Японо-американский союз необходим **как предпосылка формирования Восточноазиатского сообщества**» (выделено мною — *И.Ц.*), — подчеркнул Ю. Хатояма.

Выдвигая на первое место расширение регионального экономического сотрудничества, премьер-министр подчеркнул особую значимость

«сотрудничества с целью защиты жизни» (совместная деятельность по предупреждению стихийных бедствий, защите от инфекций и эпидемий, гуманитарная помощь), а также «культурный обмен между народами».

В связи с предстоящим в 2010 г. 50-летием пересмотра японо-американского Договора безопасности Ю. Хатояма отметил непреходящую важность совместной с США системы обеспечения безопасности «не только для обороны Японии, но и для мира и процветания в Азии и во всем мире», напомнил о совместном с президентом Обамой согласии «углублять японо-американский союз в форме, соответствующей XXI веку», заявил о намерении «в дальнейшем открыто высказываться об успехах и задачах этого союза». Он указал, что считает своим личным достижением присоединение США к числу стран, поддержавших предложение Японии на Генеральной Ассамблее ООН, о всесторонней ликвидации ядерного оружия. Премьер-министр обещал определиться по вопросу перемещения американской базы Футэмма на Окинаве к концу мая 2010 г. по итогам работы специального комитета правящих партий.

Как и в первой программной речи, Ю. Хатояма кратко высказался о двусторонних отношениях с Китаем, Республикой Корея, Россией и КНДР. Суть позиции Японии сводилась к следующему: с *КНР* — развивать стратегические отношения взаимного благоприятствования в целях расширения отношений доверия в АТР; с *Республикой Корея* — укреплять дружественные отношения, обращенные в будущее, на следующие 100 лет, не закрывая глаза на историческое прошлое; с *Россией* — включиться в разрешение проблемы «северных территорий», укрепляя сотрудничество с РФ как партнером в АТР; с *КНДР* — продолжать курс на нормализацию отношений на основе «всеобъемлющего разрешения» существующих проблем, при этом «конкретные шаги должны исходить от Северной Кореи».

Таким образом, кабинет Хатояма и лично премьер-министр, продолжая в основном внешнеполитический курс прежних правительств, более определенно расставили главные акценты в японской дипломатии. Была подтверждена приверженность Японии тесным союзническим отношениям с США как оси японской дипломатии, с одновременным выражением надежды на самостоятельность и повышение роли Японии в этом союзе. Окончательно признана и подчеркнута важность усилий Японии в продвижении концепции Восточноазиатского сообщества. Более настойчиво декларировано стремление Японии повысить свою роль в международной политике, особенно в построении мира без ядерного оружия, в решении глобальных гуманитарных проблем. В целом провозглашенная кабинетом Хатояма внешняя политика выглядела более реалистичной, чем прежняя. Для России было важно, что новое правительство понимало значимость развития всесторонних японо-российских отношений, невзирая на его неготовность проявить реалистический подход в «территориальном вопросе».

Вполне естественно, что начальный период деятельности кабинета Хатояма характеризовался прежде всего настойчивым желанием подчеркнуть новизну своего курса, противопоставить его политике либерал-демократических правительств, продемонстрировать решимость осуществить свои предвыборные обещания. В течение этого времени были сделаны некоторые конкретные шаги в направлении решения ряда поставленных правительством задач. В то же время решение большинства из них требовало дополнительного обсуждения как внутри ДПЯ и правительства, так и на общественном уровне.

Весной и летом 2010 г. кабинет Ю. Хатояма подвергся широкой публичной критике со стороны не только оттесненных в оппозицию либерал-демократов, но и тех сил, которые поддерживали и приветствовали переход власти к ДПЯ. В средствах массовой информации регулярно звучали обвинения в адрес правительства за его неготовность и нерешительность осуществить свои предвыборные обещания, за забвение и даже отход от намеченных планов. Обращалось внимание на разногласия между министрами, неслаженность в работе резиденции премьер-министра и ведомств, неспособность Ю. Хатояма к политическому руководству, на многие другие выявившиеся недостатки новой власти. По мере приближения выборов в палату советников, на которых избиратели должны были дать первую оценку новой власти, опросы общественного мнения показывали стремительное падение рейтинга как кабинета Ю. Хатояма, так и Демократической партии.

Особенно острой общественной критике кабинет Ю. Хатояма и лично премьер-министр подвергались за пассивность в осуществлении конкретного обещания добиться вывода с Окинавы американской военной базы Футэмма. 23 мая Ю. Хатояма, выступая по телевидению, официально извинился перед народом за невыполнение этого обещания. К этому времени опросы общественного мнения фиксировали готовность менее 20% избирателей голосовать на предстоящих парламентских выборах за ДПЯ. И 2 июня 2010 г. Ю. Хатояма заявил о своей отставке с поста премьер-министра.

Такое развитие событий в Японии свидетельствовало, что японская общественность не ощутила «новизны» проводившейся кабинетом Ю. Хатояма политики.

Примечания

¹ Минсюто-но сэйкэн сэйсаку манифэсуто (Политический курс Демократической партии. Манифест). — <http://www.dpj.or.jp/special/manifesto2009.txt> В «Манифест» ДПЯ вошли обращение Ю. Хатояма «К политике во имя жизни», «Концепция власти при правительстве Хатояма», «Пять обещаний Демократической партии» и подробное разъяснение целей и содержания политики ДПЯ в различных сферах.

² Подробнее см.: *Сенаторов А.И.* Япония: от «бюрократического» руководства к «политическому». Концепции и практика. — Проблемы Дальнего Востока. 2009, № 4, с. 22–33.

³ Асахи симбун. 17.05.2009.

⁴ Н. Кан опубликовал свои взгляды в развернутом виде после поездки в Великобританию для изучения опыта этой страны (см.: *Кан Н.* Минсюто сэйкэн-но мэдзасу куни-но катати [Образ государства, к которому стремится ДП]. — Тюо корон. 2009, июль, с. 168–195).

⁵ *Хатояма Ю., Тахара С.* Кигё дантай кэнкин-дзэмпэйси, куринна минсюто-о сэйсаку суру (Полностью отменить денежные пожертвования от предприятий и организаций, строить чистую Демократическую партию). — Тюо корон. 2009, май, с. 158.

⁶ Полный текст «Принципиального курса» см.: Нихон кэйдзай симбун. 17.09.2009.

⁷ Сэй кан-но ариката (Смысл политики и государственной службы). — Нихон кэйдзай симбун. 17.09.2009.

⁸ Полный текст речи Ю. Хатояма см.: Нихон кэйдзай симбун. 27.10.2009.

⁹ Полный текст речи Ю. Хатояма см.: Нихон кэйдзай симбун. 30.01.2010.

¹⁰ *Ито А.* Гисокэнкин-но тэммацу то Одзава сокосирэну сэнряку (Факты ложных денежных пожертвований и загадочная стратегия Одзава). — Тюо корон. 2010, февраль, с. 115.

¹¹ Иомиури симбун. 12.01.2010.

¹² Ю. Хатояма обвинялся в небрежности, проявленной к оформлению политических пожертвований, полученных от собственной матери.

¹³ Асахи симбун. 23.11.2009.

¹⁴ *Нисидзава К.* Минсюто-ва коно мама сёрай сэдай-ни цукэ-о овасэру-но кА (Будет ли Демократическая партия по-прежнему перекладывать счет на будущие поколения?). — Тюо корон. 2009, декабрь, с. 42.

¹⁵ Основное содержание речи премьер-министра Ю. Хатояма в Сингапуре см.: Иомиури симбун. 16.11.2009.

Д.В. Стрельцов

О РЕФОРМЕ СИСТЕМЫ ПРИНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Среди множества проблем, вставших перед Демократической партией Японии (ДПЯ) после ее прихода к власти, особое место занимает задача создания адекватного и эффективного механизма принятия политических решений. Важнейшим политическим лозунгом ДПЯ является тезис о необходимости «политического руководства» (*сэйдзи сюдо*) — главенствующей роли политиков в процессе принятия стратегических решений в сфере государственного управления. В широком смысле решение этой задачи предполагает пересмотр базовых принципов взаимоотношений административной и политической властей, методов взаимодействия политиков и бюрократов.

Общей проблемой административной системы Японии на протяжении всего послевоенного периода была слабость лидирующего начала главы исполнительной власти. В рамках партийно-политического правления Либерально-демократической партии (ЛДП) премьер-министр был связан в проявлении своей инициативы ограничениями, вытекающими из «фракционной политики», в рамках которой любые политические решения должны были проходить согласование между лидерами конкурирующих фракций.

Политическая реформа 1993–1994 гг. нанесла решающий удар по фракционной системе¹. Ее результатом стало институциональное усиление премьер-министра, получившего большую свободу рук при принятии политических решений. Дополнительные системные возможности были обретены руководителем правительства в ходе проведения административных реформ конца 1990-х — начала 2000-х годов. В наиболее полном, завершённом виде новая система оформилась при кабинетах Д. Коидзуми, который широко использовал полученные полномочия при проведении структурных реформ.

В 2001 г. в составе кабинета министров был создан специальный орган — Канцелярия кабинета министров (*Найкакуфу*), ставший центральной структурой обеспечения политического начала в решениях правительства. Тогда же для ослабления зависимости премьер-министра от бюрократии был создан институт помощников премьер-министра. В новой

редакции Закона о кабинете министров (статья 53) были специально указаны prerogatives премьер-министра в деле выдвижения важных видов государственной политики. Существенной мерой на пути монополизации власти бюрократии и усиления политических полномочий премьер-министра, и в первую очередь в социально-экономической области, стало создание в 2002 г. Совета по экономике и финансам. В его состав, помимо руководителей ведомств социально-экономического блока, вошли представители экспертного и делового сообщества, не имевшие тесных связей с правительством.

Вместе с тем в руководстве ДПЯ (И. Одзава, Н. Кан, К. Окада, С. Маэкава и др.) возобладала точка зрения, что удовлетворительных результатов, позволяющих говорить о складывании эффективного механизма принятия решений в сфере государственного управления, при либерал-демократах достигнуто не было. Главным объектом критики стало сохранение в системе власти ЛДП дуалистической природы системы принятия решений, при которой проект должен проходить согласование одновременно в бюрократических структурах правительства и политических структурах правящей партии. Эта система, получившая оценку как «плюралистическая» (*тагэнсюгитэки*), приводит, согласно мнению руководителей ДПЯ, к дублированию усилий, распылению средств, способствует формированию коррупционных смычек в рамках пресловутой «железной триады» (симбиоза политиков, бюрократов и представителей делового сообщества), переводит политический процесс в непубличную плоскость.

Главную причину недостатков системы принятия решений руководители ДПЯ видели в формальном характере политических функций кабинета министров, его зависимости от правительственной бюрократии. По их мнению, кабинет, не располагая реальными институциональными и легальными возможностями для внесения корректив в представленные ему правительственным аппаратом проекты решений, практически никогда не обсуждает их по существу. В соответствии со сложившейся практикой он, по сути, выполняет функцию бессловесного штамповщика, утверждая тот проект, который был одобрен накануне совещанием административных заместителей министров.

Недостатки старой системы связывались также с тем обстоятельством, что руководители министерств и ведомств, входившие в кабинет министров по должности, выступали выразителями главным образом не политических, а бюрократических интересов. Как отмечал один из лидеров ДПЯ К. Окада, «министры в нынешних условиях... не имеют достаточного понимания своего статуса как членов правительства». В то же время «нужны такие политики, которые, занимая пост министра, думали бы не только о делах своих ведомств, но и об общенациональных интересах»².

Следует отметить, что преобладание бюрократического начала в профессиональной деятельности членов кабинета министров объяснялось особенностями сложившейся в Японии практики применения принципа

разделения властей, закреплённого Конституцией страны, а также отсутствием юридически оформленного понятия принципа «политического руководства» в сфере государственного управления. Большинство специалистов по конституционному праву в Японии утверждают, что принцип разделения властей противоречит практике вхождения избранных народом депутатов парламента в состав правительства³. Если же это происходит, т.е. политики попадают в исполнительную власть, то они в соответствии с подобной интерпретацией должны терять свою идентичность в качестве представителей законодательной власти.

Действительно, в условиях монопольного правления ЛДП в деятельности кабинета в целом и отдельных его членов в частности практика «политического руководства» не сложилась. Посты министров служили главным образом средством удовлетворения карьерных амбиций политиков. Назначения в правительство стали элементом «фракционной политики», ориентированной в первую очередь на престижно-статусную, а не административно-властную ценность министерских постов. Кадровая политика в кабинете отражала баланс сил между фракциями и отвечала логике «очереди во власть»: чем дольше был депутатский стаж, тем больше появлялось оснований для назначения. Чтобы занять пост министра, кандидат должен был иметь как минимум пяти-шестикратный опыт избрания в палату представителей, либо трехкратный — в палату советников. Реальная же функция министра кабинета, по выражению бывшего губернатора преф. Тоттори Ёсихиро Катаяма, сводилась к роли «начальника на один день»⁴, т.е. носила в основном представительский характер.

Критики старой системы нередко указывали также на сильную информационную зависимость политических руководителей правительства от бюрократии ведомств. В тех условиях, как отмечал заместитель премьер-министра в кабинете Ю. Хатояма Н. Кан, «бюрократия постоянно манипулировала кабинетом министров в выгодном для себя ключе путем противопоставления отдельных членов кабинета, главы правительства и правящей партии»⁵. По мнению Н. Кан, необходимо поменять ситуацию, при которой «бюрократы делают ту работу, которую изначально должны делать политики»⁶.

Осуждению со стороны идеологов ДПЯ подвергался и такой важный элемент системы власти, сохранившийся в посткоидзумиевских кабинетах ЛДП, как политическое лоббирование. В парламенте продолжали сохраняться лоббистские группировки (*дзоку*), традиционно занимающиеся «проталкиванием» законопроектов в профильных экономических сферах. Именно они оставались важнейшими актёрами принятия решений в отдельных видах государственной политики.

Механизмы принятия решений, связанные с феноменом политического лоббирования, были рассмотрены К. Окада в работе «Смена власти». Он отмечал, что важнейшим элементом организационной модели власти ЛДП служили «треугольники», образованные постоянными комиссиями обеих палат парламента, секциями Совета по политическим

вопросам (СПВ) ЛДП и отдельными министерствами и ведомствами. В рамках этой модели отдельные депутаты-лоббисты, войдя в состав парламентской комиссии и соответствующей ей секции СПВ, поддерживали постоянные контакты с бюрократией и постепенно обретали профессиональную специализацию. Однако, как подчеркивал К. Окада, их знания «чаще использовались не для выработки государственной политики, а для обеспечения смычек с соответствующими бизнес-структурами и органами местного самоуправления»⁷. При этом лоббистская деятельность депутатского корпуса носила надпартийный характер. В нее были втянуты и депутаты ДПЯ, которая с самого начала создавалась по образу и подобию ЛДП. В ДПЯ был также создан Совет по политическим вопросам с аналогичной ЛДП секциональной структурой, которую заполнили профессиональные лоббисты.

В контексте процессов политического лоббирования центральную роль в процессе подготовки решений играли не политики, а бюрократы. Профессор Осакинского городского университета Сёго Нода подчеркивал, что бюрократами осуществлялась даже координация процесса принятия решений внутри самого политического руководства страны⁸. Например, именно в министерствах и ведомствах готовилась основная часть проектов решений, принимаемых в секциях СПВ. Бюрократам отводилась и роль посредников в процессе согласования политических интересов депутатских группировок, а также отдельных звеньев внутривнутрипартийного управления. С. Нода видит реализацию бюрократическим истеблишментом своего политического влияния в том, что именно он осуществлял всю необходимую координацию (или, выражаясь термином из японского политического сленга, «окучивание корней») процесса прохождения проектов решений как внутри секций СПВ ЛДП, так и между отдельными секциями Совета⁹.

Депутаты-лоббисты, «завязанные» на определенные ведомства по профилю своей специализации, оценивали потенциал своего политического влияния не с позиций возможности воздействия на процесс принятия решений в рамках бюрократических структур, а, скорее, в категориях политического ресурса самих этих ведомств. В этом смысле политики традиционно выступали не столько «патронами» ведомств, сколько их «агентами». Поэтому борьба между отдельными лоббистскими группировками являлась отражением межведомственной борьбы, которая разворачивалась главным образом вокруг государственного бюджета.

Следует отметить, что представленная выше точка зрения отражает мнение достаточно узкой группы политиков, пришедших к власти в ДПЯ на популистской волне, а также связанных с ними представителей академических кругов. Среди экспертов не сложилось единогласно негативного мнения по поводу плюсов и минусов «плюралистической» системы, якобы не позволявшей политикам проявлять свое лидерское начало. Например, проф. университета Сэйсаку кэнкю дайгакуин Х. Такэнака указывает на тот факт, что даже при старой системе многое зависело от

персонального стиля работы премьер-министра, а не только от процедурных механизмов¹⁰. При проведении реформы почтовой системы успеха позволили достичь именно лидерские качества, проявленные Д. Коидзуми. Можно вспомнить «сильных премьеров» биполярной эпохи — Х. Икэда, Э. Сато, К. Танака, Я. Накасонэ и др., которые оставили свой след в истории как яркие политические фигуры. В то же время все три главы кабинета Либерально-демократической партии, пришедшие на смену Д. Коидзуми, практически ни в чем не смогли реализовать потенциал системы, уже реформированной в направлении «сильного премьера». Типичным примером в этом отношении явился С. Абэ, который фактически не смог довести до конца ни одного начинания.

Что же предложили идеологи ДПЯ в качестве альтернативы неадекватной, на их взгляд, сложившейся в условиях власти ЛДП системе подготовки и принятия политических решений? Основные усилия по реформированию механизма принятия решений было предложено направить на укрепление институциональных основ политической власти партий правящего блока. По мысли И. Одзава, японская модель властной архитектуры должна опираться на опыт британской (Вестминстерской) политической системы, в рамках которой политическое звено государственного управления не противостоит бюрократии, а осуществляет ее непосредственное руководство изнутри кабинета министров. Для этой модели характерна доминирующая роль кабинета министров в сфере государственного управления, который, как считает один из ведущих экспертов по вопросам реформы государственного управления, близкий к руководству ДПЯ профессор университета Хоккайдо Д. Ямагути, является «политической „диспетчерской“», сформированной из членов руководства правящей партии¹¹. Что касается депутатского корпуса правящей партии, то их функции сводятся в основном к роли «заднескамеечников», т.е. к «проталкиванию» подготовленного кабинетом проектов решений через парламент. Если же речь идет о бюрократических структурах правительства, то они должны заниматься лишь техническим оформлением и детализацией тех готовых решений, которые спускаются им из кабинета министров.

В своем «Манифесте» (предвыборных обещаниях) ДПЯ обозначила следующие задачи по реформированию системы государственного управления:

- 1) консолидация кабинета министров как органа политического управления;
- 2) усиление роли профессиональных политиков в процессе принятия решений на государственном уровне;
- 3) институциональное усиление властных полномочий премьер-министра.

После прихода ДПЯ в сентябре 2009 г. к власти новое руководство предприняло ряд мер, нацеленных на реализацию «Манифеста». Уже на второй день работы нового правительства по инициативе и от имени

И. Одзава был распространён адресованный депутатскому корпусу ДПЯ документ «По вопросам унификации системы принятия решений в правительстве и правящей партии», в котором говорилось о передаче всех функций СПВ ДПЯ правительству и о принципиальном запрещении депутатских законопроектов.

Достаточно оперативно кабинет Ю. Хатояма приступил к организационным шагам по реализации намеченных планов. Прежде всего в ДПЯ был распущен Совет по политическим вопросам, считавшийся одним из атрибутов старой системы. Одновременно в правительстве ликвидировался институт совещания административных заместителей министров. Предполагалось, что обсуждение важных правительственных решений «по существу» должно происходить непосредственно на заседаниях правительства, на которые профессиональные бюрократы не допускались. В этой связи упразднялся и институт «правительственной команды» — специальной номенклатуры чиновников (профессиональных бюрократов), уполномоченных от имени своих ведомств выступать на заседаниях кабинета министров с пояснениями по поводу предлагаемых проектов решений¹². Присутствие госчиновников на парламентских слушаниях запрещалось вообще, а пояснения по вопросам сферы компетенции министерств и ведомств теперь должны были давать только профессиональные политики, представляющие эти ведомства, причем делать это «без бумажки».

С целью трансформации кабинета министров в реальный орган политического управления на смену старым институтам в министерствах и ведомствах создавался механизм «политических советов» в составе министров, вице-министров и политических советников. Именно носители этих трех должностей из числа депутатов партий правящего блока должны были составить ту самую «политическую номенклатуру», которая призвана была взять на себя основное бремя по принятию политических решений отдельными ведомствами. С легкой руки политических комментаторов применительно к «политическим советам» в оборот был введен термин «тройки»¹³, вызывающий не вполне корректную аналогию с внесудебными институтами сталинского СССР, творившими скорую расправу над «врагами народа».

Параллельно были подготовлены предложения правящего блока по реформе системы государственной службы. В частности, все значимые кадровые решения в отдельных министерствах и ведомствах, принимавшиеся ранее на внутриведомственном уровне, было предложено поставить под прямой контроль со стороны кабинета министров¹⁴. С этой целью создается Кадровое бюро кабинета министров, которое, как ожидается, станет контролировать все крупные назначения в министерствах и ведомствах. Именно через этот орган должны проходить все решения, касающиеся персонального состава «троек».

Введение «троек» вызвало немалый переполох среди бюрократии ведомств, поскольку сопровождалось немалыми кадровыми потерями для

нее: административные заместители министров должны были быть понижены в должности до уровня начальников департаментов, а начальники департаментов, в свою очередь, переведены на должности начальников отделов. Конфликтность ситуации усиливалась в связи с тем, что любое понижение в должности, осуществляемое даже в рамках институциональных реорганизаций, может быть предпринято только как мера дисциплинарного взыскания в отношении не справившихся со своими служебными обязанностями чиновников. Чтобы предотвратить выход недовольства наружу, правительство после некоторых колебаний приняло решение свести в единую номенклатурную группу должности заместителей министров, начальников департаментов и начальников отделов. В новую номенклатурную группу были сведены примерно 220 должностей заместителей министров и начальников департаментов, а также около 380 должностей начальников отделов¹⁵. Поскольку перевод на более низкую должность в соответствии с новыми правилами теперь уже не требует заключения о «неудовлетворительных результатах» работы, психологические издержки от понижения, как ожидается, будут сокращены.

Еще одним шагом в кадровой сфере стало появление в аппарате кабинета министров особой категории «внештатных советников» (*хидзёкин комон, санъё*), должности которых заняли в основном отставные бюрократы либо выходцы из частных компаний¹⁶. Этот шаг многие наблюдатели расценили как дополнительную меру борьбы с чрезмерным влиянием бюрократии на процесс принятия решений.

Важным направлением работы, направленной на институциональное укрепление кабинета и должности премьер-министра, а также повышение роли небюрократического звена в государственном управлении следует назвать предпринятые ДПЯ меры по формированию новых органов бюджетного планирования. Напомним, что при кабинетах Д. Коидзуми в качестве личного консультативного органа главы кабинета действовал Совет по экономике и финансам (СЭФ). Не будучи формально включенным в систему кабинета министров, он на деле выполнял функцию мозгового центра правительства, определяющего его финансово-экономическую стратегию.

С приходом к власти ДПЯ СЭФ прекратил свою работу. По мнению нового руководства, Совет, будучи в центре внимания СМИ, был чересчур подвержен политической конъюнктуре и находился в чрезмерной зависимости от личной харизмы Д. Коидзуми. После ухода последнего Совет фактически утратил свое влияние, во многом по той причине, что преемники Коидзуми на посту премьер-министра, лишённые личной популярности, оказались, по словам проф. С. Нода, «заложниками плюралистической системы принятия решений»¹⁷. Еще одним соображением при принятии решения о роспуске Совета было то обстоятельство, что его формат, отмечал К. Окада, оставлял нерешенным вопрос, насколько

при определении политического курса учитывается мнение самого кабинета министров¹⁸.

Вместо Совета по экономике и финансам было предложено создать новые органы макроэкономического планирования, которые были бы юридически инкорпорированы в правительственную структуру. Главная идея заключалась в том, что подобные органы, входя в состав Канцелярии кабинета министров и возглавляемые членами кабинета министров, будут иметь более высокую степень институализации, нежели СЭФ. Важно и то, что, как предполагалось, их рекомендации будут представляться всему кабинету министров, носить более долговременный характер и будут менее подвержены политической конъюнктуре.

Инициаторы реформы в своем концептуальном видении новой системы исходили из того, что бюджетный процесс сочетает в себе задачу стратегического планирования, обеспечивающего преемственность макроэкономической политики, и задачу ежегодного принятия и исполнения государственного бюджета, которая решается главным образом с учетом сложившейся в данный момент социально-экономической конъюнктуры. В этой связи было предложено развести стратегические и тактические цели бюджетного планирования по разным органам, один из которых должен быть ориентирован на долгосрочные цели государственной политики, другой — на годичный цикл исполнения бюджета.

Уже в своих предвыборных обещаниях ДПЯ декларировала цель создания двух подобных органов: Бюро национальной стратегии (БНС; *Кокка сэньяку кёку*) и Совета по административному обновлению (САО; *Гёсэй сассин кайги*). Оба этих органа, как предполагалось, позволят администрации с большей эффективностью артикулировать стратегические приоритеты государства в бюджетно-финансовой и социально-экономической областях.

Для решения стратегических задач планировалось использовать Бюро национальной стратегии¹⁹. Перед ним ставилась задача проводить всестороннюю оценку общей концепции государственного бюджета, анализировать его макроэкономические пропорции с точки зрения соответствия стратегическим целям государственной политики, формировать, по выражению Д. Ямагути, его «общий дизайн»²⁰. Именно через БНС правительство должно было реализовывать свою стратегию экономического развития в финансовой, промышленной, аграрной, экологической областях, координировать работу ведомств в целях достижения долговременных целей государственной политики по достижению сбалансированного бюджета, обеспечению устойчивости национальных систем здравоохранения и пенсионного обеспечения и т.д. В данном контексте ключевую роль в работе БНС приобретала разработка концепций и формулирование долгосрочных целей государственной политики в макроэкономической сфере. Например, через БНС правительство должно было обозначить свой базовый подход к стратегии по выходу из финансово-экономического кризиса, дав принципиальный ответ на вопрос,

собирается ли оно накачивать экономику бюджетными деньгами, продолжая наращивать выпуск государственных бондов, или, наоборот, ужесточать финансовую дисциплину, ведя дело к сокращению дефицита государственных финансов.

Что же касается рутинных решений, связанных с формированием бюджета на ближайший финансовый год, эту функцию призван был взять на себя Совет по административному обновлению. Главная цель CAO — координировать процесс выдвижения ведомствами бюджетных заявок, обеспечивая их консолидацию в русле непротиворечивости долговременным целям правительственной политики. Поэтому основной сферой работы CAO является микроуровень, заключающийся в оценке всех плюсов и минусов каждой программы государственного финансирования в предстоящем году.

Как известно, бюджетный процесс в Японии изначально имеет инкрементальный характер, который предполагает планирование бюджета «от достигнутого» и необходимость соблюдения баланса межведомственных интересов. Главную роль в этом процессе координации бюджетного процесса играет профильное Бюджетное управление Министерства финансов, контролируемое правительственной бюрократией, а также депутатскими кланами *дзоку*. Обеспечивая устойчивость работы правительства, принцип инкрементальности не позволяет политическому руководству страны проводить существенную корректировку бюджетно-финансовой стратегии. С. Нода отмечал, что, несмотря на появление новых задач, стоящих перед политикой государства в социальной, экономической сфере, а также сфере трудовых отношений, никаких изменений в бюджетных приоритетах, которые бы затрагивали интересы отдельных ведомств, реализовать в рамках действующей системы бюджетного планирования практически невозможно²¹. Именно на этом фоне японская экономика и общество сталкиваются с серьезнейшим кризисом.

Проблема также заключается в том, что ключевую роль в подготовке бюджетного законопроекта играла бюрократия среднего либо низового уровня. Между тем процедура его рассмотрения в парламенте не предусматривала тщательного обсуждения отдельных статей, прежде всего из-за недостатка времени и возможностей независимой экспертной оценки, в связи с чем законопроект практически всегда принимался в консолидированном виде.

CAO должен был обеспечить политическое руководство страны организационным ресурсом для преодоления этого системного недостатка. По мнению К. Окада, «создание общей структуры бюджета, которая бы опиралась на понимание его концепции, является прерогативой премьер-министра»²². CAO, как предполагалось, был призван помочь реализовать одно из важных предвыборных обещаний, декларированных ДПЯ в своих манифестах, — оптимизацию административных функций правительства (*дзигё сювакэ*). Иначе говоря, провести тщательную ревизию административной нагрузки отдельных элементов правительственной

структуры, устранить дублирующие функции, отсечь те их виды, которые не отвечают нуждам правительственной политики, например, путем сокращения ряда неэффективных дотационных проектов, бенефициарами которых являлись органы местного самоуправления и «особые юридические лица».

В качестве первого шага на этом направлении 18 сентября 2009 г. кабинетом министров было принято решение о формировании Совета по национальной стратегии (Кокка сэньякусицу) и Совета по административному обновлению. Организационно Совет по национальной стратегии стал частью Канцелярии кабинета министров. В кабинете министров появилась должность министра по делам национальной стратегии, которую занял один из лидеров ДПЯ — Ёсито Сэнгоку. Одновременно была начата работа по легализации новой структуры, деятельность которой в отсутствие должной правовой основы оказалась в значительной степени парализована. В середине февраля 2010 г. правительство запустило законопроект, предусматривавший создание Бюро национальной стратегии, а также инкорпорирование нового органа, равно как и САО, в структуру правительства²³.

Однако утрата ДПЯ стабильного положения в парламенте в результате неудачных для нее выборов в верхнюю палату в июле 2010 г. поставила эти планы под удар. В условиях неопределенности перспектив формирования правящей коалиции, которая бы опиралась на прочное большинство в обеих палатах парламента, ДПЯ пришлось объявить о придании Совету по национальной стратегии статуса консультативного органа при премьер-министре, что не требует законодательного оформления²⁴. Однако если новый орган не будет включен в структуру правительства, это будет означать явное снижение его функциональной нагрузки. В результате ДПЯ, вероятно, придется пересмотреть всю задуманную схему работы системы принятия решений.

Предложенная руководством ДПЯ реформа, которая вела к сужению группы лиц, причастных к процессу принятия политических решений, и могла положить конец элитизации и номенклатуризации этого процесса, натолкнулась на ожесточенное сопротивление как чиновников, так и политиков. Бюрократическая верхушка почувствовала себя ущемленной, когда многие ее представители были понижены в должности в результате прихода политиков на создаваемые политические посты. Недовольными остались и управленцы среднего звена, оказавшиеся отсеченными от возможностей занять ключевые должности в министерствах и ведомствах, перешедшие в состав политической номенклатуры. В результате существенного ухудшения перспектив карьерного роста многие представители элитарного слоя профессиональной бюрократии, как можно ожидать, вообще уйдут из министерств, что создаст серьезные кадровые проблемы для всей правительственной структуры. Кроме того, существенные опасения среди бюрократии вызывает перспектива жесткого контроля со стороны политиков, утраты относительной автоно-

мии, превращения в техническую машину для реализации воли правящей партии.

Что касается депутатского корпуса правящей партии, то наиболее уязвленной себя почувствовала та часть депутатов, которые, будучи членами клановых группировок, остались не у дел в результате роспуска Совета по политическим вопросам. Особенно резко создание в министерствах «политических советов» критиковали депутаты, не попавшие в заветную политическую номенклатуру. Неудивительно, что в адрес новой конструкции с их стороны стали активно звучать обвинения в «элитарности» и игнорировании мнения партийных низов²⁵. Согласно распространенной точке зрения, решение о роспуске СПВ было основано на неоправданном упрощении сути проблемы, которая рассматривалась авторами реформы как несовершенство юридических основ модели политической власти, но не как проявление конкретных недостатков, возникших вследствие длительного однопартийного правления ЛДП. В соответствии с этим мнением ошибкой было бы считать, что порочным является сам принцип «партийной экспертизы», в связи с чем Совет по политическим вопросам должен быть распущен, а политические реформы должны в организационном отношении формировать конфигурацию власти, полностью противоположную той, что существовала при ЛДП.

В феврале 2010 г. в условиях нарастающего недовольства со стороны депутатов-лоббистов заместитель генерального секретаря ДПЯ Ёсимицу Такасима предложил создать по отдельным профилям управления «ключевые советы» (*коа кайги*)²⁶. В их состав помимо членов «троек» должны были войти заместитель председателя Комитета ДПЯ по парламентской политике, заместитель генерального секретаря ДПЯ, а также члены совета постоянных парламентских комиссий.

Другое предложение, выдвинутое в середине февраля 2010 г. для обсуждения в партии давним противником И. Одзава, лидером одной из группировок ДПЯ Коитиро Гэмба, заключалось в воссоздании Совета по политическим вопросам практически в прежнем виде. Свое осторожное отношение к реформе высказали и политики из состава партийного руководства, предпочитавшие ранее не демонстрировать свою явную оппозицию реформе. Общее опасение, что кадровая реформа может просто распугать бюрократию, высказал министр по делам национальной стратегии Ёсито Сэнгоку, который сказал: «Слишком часто махать мечом — плохо для дела»²⁷.

Мотивация И. Одзава понятна: Вестминстерская система в ее законченном варианте позволяет обеспечить оптимальную схему взаимоотношений политиков и бюрократов и, таким образом, лучшую управляемость. В то же время она противоречит устоявшейся в Японии традиции закулисного лоббирования, достижения консенсуса, что является антиподом предложенной реформаторами схемы, при которой отношения между политиками и бюрократами строятся на основе иерархического подчинения при руководящей роли политиков. Проблема также заключа-

ется в том, что многие в Японии будут продолжать оценивать возможности новых механизмов, предложенных И. Одзава, с большим скептицизмом до тех пор, пока эта система не продемонстрирует свою эффективность. Как отмечал американский исследователь японской политической системы Т. Харрис, «ДПЯ в какой-то степени стоит перед дилеммой. Чтобы „заднескамеечники“ и общественное мнение приняли Вестминстерскую политическую систему, она должна показать результаты своего функционирования. Однако для достижения результатов партия должна уметь контролировать своих членов»²⁸.

После ухода Ю. Хатояма в отставку новое руководство ДПЯ во главе с Н. Кан приняло решение восстановить Совет по политическим вопросам. Этот орган, председателем которого был назначен Коитиро Гэмба, приобрел несколько иное функциональное значение, чем это было до его роспуска. По словам К. Гэмба, воссоздание СПВ не поставит под сомнение политику переноса центра принятия решений в кабинет министров. Его задачей будет обеспечение двусторонней коммуникации между партией и кабинетом министров²⁹. Сам К. Гэмба, являясь министром, отвечающим за реформу государственной службы, будет занимать одновременно ключевые посты в правительстве и правящей партии. В обязанности председателя СПВ будет входить, в частности, дача пояснений рядовым депутатам ДПЯ по поводу политики правительства, организация среди них дискуссий и т.д. При этом К. Гэмба будет в большей степени выступать представителем правительства, нежели правящей партии, во всяком случае, он не сможет открыто выступать против решений кабинета, будучи связанным принципом коллективной ответственности правительства за принимаемые им решения. Новая модель СПВ, таким образом, станет своего рода дискуссионной площадкой, обеспечив депутатскому корпусу ДПЯ возможность участвовать в обсуждении государственной политики, выдвигать новые идеи и инициативы. Однако организация работы Совета не позволит «заднескамеечникам» контролировать правительство, навязывая ему свое мнение либо налагая вето на его решения, как это было при старой модели СПВ.

Несмотря на предпринимавшиеся ДПЯ в первый год своего правления активные меры по реализации реформы системы принятия решений, вывод о реальном повышении роли премьер-министра в государственном управлении делать пока рано. По своему стилю управления Ю. Хатояма не смог приблизиться к Д. Коидзуми, который при гораздо более аморфной институциональной системе значительно активнее проявлял свое лидерское начало. В политике кабинета Ю. Хатояма часто обращало на себя внимание отсутствие консолидированной позиции, а порой и растерянность правительства по ключевым вопросам государственного управления. Что же касается Н. Кан, преемника Ю. Хатояма на посту премьер-министра, то делать какие-либо выводы по поводу его стиля управления пока еще рано.

Предоставленные новой системой премьер-министру рычаги на данный момент оказываются в значительной степени не востребованными. За период до лета 2010 г. практически ни в одной области государственного управления правительством не был инициирован какой-либо новый политический курс. Таким образом, можно констатировать, что эффективность новых институциональных механизмов, призванных повысить роль премьер-министра, оказывается в существенной зависимости от личных качеств главы кабинета министров, и прежде всего его способности воспользоваться теми огромными прерогативами, которые предоставила ему новая архитектура политической власти.

Трудно говорить на данном этапе и об эффективности предложенной ДПЯ системы бюджетного планирования. В японской печати отмечалось, что при кабинете Хатояма генеральный секретарь кабинета министров, министр финансов и другие ключевые члены правительства так и не смогли сформировать единую консолидированную команду, в центре которой стоял бы премьер-министр. Члены министерских «троек» нередко допускали высказывания и принимали решения, которые шли вразрез с «генеральной линией», озвученной главой кабинета³⁰. В этих условиях окончательное решение по ключевым бюджетным вопросам принимал лично генеральный секретарь ДПЯ И. Одзава, что далеко не соответствовало первоначальному замыслу инициаторов реформы.

Новые органы бюджетного планирования, по мнению многих аналитиков, сильно проигрывают и по сравнению с упраздненным Советом по экономике и финансам.

Во-первых, произошла определенная «теневилизация» процесса подготовки решений, его переход в сферу непубличной политики. Если деятельность СЭФ всегда находилась в центре общественного внимания, а его заседания проходили при активном участии СМИ, то новые органы работают в основном в закрытом режиме, проявляя типично бюрократический стиль в работе.

Во-вторых, обращает на себя внимание кадровый состав новых органов: в отличие от СЭФ, в них нет ни серьезных экономистов или представителей профессуры, ни менеджеров крупных компаний, ни иных представителей общественности. Большое сомнение вызывает типично бюрократическая природа Бюро национальной стратегии и Совета по административному обновлению, в силу которой они, как многие опасаются, не будут иметь коренных отличий от прочих структур правительства, а следовательно, станут отдавать приоритет корпоративно-бюрократическим интересам, воспроизводя ту самую инкрементальную систему бюджетного планирования, против которой они направлены. В состав СЭФ изначально входили все министры экономического блока, что позволяло ему с достаточной эффективностью и компетентностью не только обсуждать вопросы, но и принимать решения, которые немедленно принимались к исполнению. В СЭФ, кроме того, входили представители гражданского общества — бизнесмены, профессора университетов,

журналисты и т.д., что позволяло говорить о небюрократической природе этого органа. Важно и то, что заседания СЭФ проходили публично, с привлечением СМИ, а отчеты о его деятельности попадали на первые страницы газет. В противоположность этому, новые органы, как многие опасаются, станут нетранспарентной бюрократической синекурой, в работе которой найдут свое отражение все «прелести» бюрократического стиля управления.

В-третьих, ряд экспертов выражают сомнения в самой концепции работы новых органов бюджетного планирования. Так, предметом для критики является неопределенность и нечеткость в обозначении круга полномочий Совета по национальной стратегии и САО. Многие эксперты отмечают дублирование сферы ответственности САО и Канцелярии кабинета министров — ключевой структуры в системе правительства, призванной обеспечивать окончательное утверждение правительственных законопроектов перед их представлением в парламент.

Нарекания вызывает и система управления новыми органами. Если во главе САО стоит государственный министр, то СЭФ возглавлялся лично премьер-министром. Он вел заседания Совета, на котором проходила открытая дискуссия с участием членов кабинета министров. Это давало ему отличную возможность проявить лидерские качества, продемонстрировать то самое политическое руководство, на усиление которого направлена вся реформа системы принятия решений. Теперь же САО должен представлять главе кабинета уже законченный проект решения, который не подлежит дальнейшему обсуждению, а может быть либо принят, либо отвергнут. В результате премьер-министр оказывается в стороне от самого процесса принятия решения, что функционально ослабляет его роль как политического лидера.

Ясно одно: СЭФ, определявший контуры макроэкономической стратегии правительства, являлся понятным избирателям органом, концепция работы которого была «раскручена» СМИ и встречала позитивный отклик со стороны общественности. Совет по национальной стратегии и САО пока еще вызывают больше вопросов, чем ответов, с точки зрения кадрового состава, системы управления, сферы полномочий и формата принимаемых решений. По выражению газеты «Иомиури», предложения по созданию Управления государственной стратегии по этой причине представляют собой пример «пустого лозунга»³¹.

Существует еще один аспект проблемы формирования новой модели принятия решений, который приобрел для Японии дополнительную актуальность в свете коренных изменений партийно-политического ландшафта. Речь идет о закреплении в политической жизни страны феномена «коалиционной политики» — властной конфигурации с участием достаточно широкого спектра политических сил. Смена власти в 2009 г. не означала полного и окончательного закрепления в Японии двухпартийной системы. Неудачное выступление ДПЯ на выборах в палату советни-

ков 11 июля 2010 г. актуализировало значение «малых партий», в том числе и в деле формирования правительства.

В пользу этого говорят флуктуации электорального сознания, регулярно показывавшего разочарование в «системных» партиях (ЛДП и ДПЯ). Так, почти двукратное падение популярности кабинета Ю. Хатояма через несколько месяцев после выборов не сопровождалось ростом рейтинга ЛДП. Кроме того, на руку «малым партиям» и особенности избирательной системы, в частности наличие крупного блока депутатов нижней палаты, избираемых в «округах пропорционального представительства», особый порядок выборов в палату советников, отличный от выборов в палату представителей, а также тот факт, что сроки выборов в верхнюю палату не совпадают со сроками выборов в нижнюю. То, что любая из крупных партий не сможет обойтись без поддержки «малых», подтвердили и выборы в палату советников в июле 2010 г.

В условиях коалиционных кабинетов особое значение приобретают консультации по политическим вопросам между партиями — членами правящего блока. Однако роль этих консультаций оказывается дезавуированной в свете изложенных выше принципов Вестминстерской модели, при которой правящая партия «самоустраняется» от выработки политики, добровольно передавая ее кабинету. Трудно ожидать практического результата от межпартийных консультаций, если правящая партия не имеет собственных органов политического планирования, а роль основной части ее депутатов сводится лишь к проталкиванию через парламент правительственных законопроектов. По мнению проф. С. Нода, «совершенно нереальным было бы возложить вопросы межпартийных взаимоотношений по политическим проблемам на узкий круг членов партийного руководства, вошедших в кабинет министров»³². В этих условиях на повестку дня в ДПЯ выходит вопрос о «возвращении» партиям их изначальной функции субъекта процесса принятия решений.

Примечания

¹ Проведенный в рамках этой реформы Закон о политических фондах запретил направлять политические пожертвования отдельным депутатам. В результате фракции лишились важного смысла своей деятельности.

² Окада К. Сэйкэн котай (Смена власти). Токио, 2008, с. 219.

³ Минсюто сэйкэн ва нани-о насубэки ка (Что должна предпринять власть ДПЯ?). Ред. Д. Ямагути. Токио, 2010, с. 43.

⁴ Там же, с. 46.

⁵ Там же, с. 62.

⁶ Кан Н. Дайдзин (Министр). Токио, 2009, с. 207.

⁷ Окада К. Цит. соч., с. 71.

⁸ Минсюто сэйкэн ва нани-о насубэки ка, с. 55.

⁹ Там же.

¹⁰ The Keizai Seminar, December 2009–January 2010. Tokyo, 2010, p. 54.

¹¹ Минсюто сэйкэн ва нани-о насубэки ка, с. 57.

¹² Подробнее см.: *Стрельцов Д.В.* Современный японский парламент. М., 1994, с. 49–51.

¹³ Этот термин так и записывался по-японски словом «торойка», представляющим собой чуть искаженное заимствование с русского.

¹⁴ The Keizai Seminar, December 2009–January 2010, p. 53.

¹⁵ Асахи симбун. 16.02.2010.

¹⁶ Асахи симбун. 24.02.2010.

¹⁷ Минсюто сэйкэн ва нани-о насубэки ка, с. 56.

¹⁸ *Окада К.* Цит. соч., с. 220.

¹⁹ Japan Echo. February 2010, p. 15.

²⁰ Минсюто сэйкэн ва нани-о насубэки ка, с. 47.

²¹ Там же, с. 56.

²² *Окада К.* Цит. соч., с. 220.

²³ Иомиури симбун. 17.02.2010.

²⁴ Асахи симбун. 17.07.2010.

²⁵ Асахи симбун. 24.02.2010.

²⁶ Асахи симбун. 23.02.2010.

²⁷ Асахи симбун. 16.02.2010.

²⁸ <http://www.observingjapan.com/2010/03/building-westminster-system.html>

²⁹ <http://sankei.jp.msn.com/politics/situation/100608/stt1006080132005-n1.htm>

³⁰ Асахи симбун. 17.07.2010.

³¹ Иомиури симбун. 17.02.2010.

³² Минсюто сэйкэн ва нани-о насубэки ка, с. 68.

В.Э. Молодяков

**НАОТО КАН — «ПРЕМЬЕР ИЗ НАРОДА»:
ВЕХИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ**

8 июня 2010 г. 63-летний председатель Демократической партии Японии (ДПЯ) Наото Кан официально вступил в должность премьер-министра страны. Выбор был естественным, поскольку с момента формирования кабинета Юкио Хатояма в сентябре 2009 г. Кан был в нем «номером вторым», и де-юре как единственный вице-премьер, и де-факто как ближайший соратник Хатояма с момента создания ДПЯ в 1998 г. Однако по своей политической биографии Кан заметно отличается не только от Хатояма, но и от абсолютного большинства своих предшественников на посту главы японского правительства. Итак, кто Вы, Наото Кан?¹

Человек, «сделавший себя»

Наото Кан родился 10 октября 1946 г. в городе Убэ, на самом юге префектуры Ямагути в южной части острова Хонсю. Его отец Хисао Кан был менеджером в компании по производству стекла и дослужился до управляющего фабрикой. Младший Кан любит подчеркивать, что «сделал себя сам»: вырос в семье, «жившей на одну зарплату», и не получил по наследству ни капиталов, ни связей. Подобно многим честолюбивым юношам из провинции, по окончании школы он отправился в столицу для получения высшего образования, но не стал замахиваться на труднодоступные высоты, а выбрал Токийский технологический университет, который окончил в 1970 г. Решив применить полученные знания в сфере бизнеса, через год после получения университетского диплома Кан сдал государственный экзамен на патентного поверенного (*бэнриси*) и открыл собственную фирму, посвятив ей следующие четыре года. В это же время он сблизился с «зелеными» — борцами за охрану окружающей среды — и так увлекся общественной деятельностью, что распростился с миром бизнеса.

Путь Кан в политику можно назвать типичным, но трудным. Типичным — потому что он шел «снизу»: сначала участвовал в избирательных кампаниях кандидатов в депутаты, потом стал формировать свою политическую базу и выдвигаться в парламент, не складывая оружия после пер-

© Молодяков В.Э., 2011

вых поражений. Трудным — потому что он не принадлежал ни к одной из жестко структурированных политических партий, которые, в случае послушания, гарантировали перспективным политикам карьеру и депутатский мандат. Находившиеся у власти с 1955 г. бессменно — и, казалось, навеки — либерал-демократы делали ставку на потомственных политиков, наследовавших округ и политическую базу отцов или тестей, на государственных чиновников со склонностью к самостоятельной деятельности, на популярных персонажей из сферы культуры или спорта и, наконец, на молодых администраторов из органов местного самоуправления. Представляющие собой замкнутые структуры, партия Комэйто, опирающаяся на необуддийскую религиозно-общественную организацию Сока гаккай, и Коммунистическая партия Японии (КПЯ) двигали в политику только своих членов, готовя их к этой стезе со студенческой скамьи.

Для Кан эти пути были закрыты. Он мог вернуться в родной город и попытаться начать политическую карьеру там — в качестве депутата городского собрания, мэра, депутата префектурального собрания в надежде, что на него обратит внимание местное отделение всемогущей Либерально-демократической партии (ЛДП). Но ему не хотелось ни уезжать из столицы, ни связываться с либерал-демократами. Ближе других ему оказались социалисты, которые тогда переживали золотой век, будучи второй по значению партией страны, но... не имея ни малейших шансов оттеснить ЛДП от власти. Однако такие надежды у ее руководителей и тем более адептов имелись, в перспективной молодежи партия нуждалась — и Кан сделал свой выбор.

Его боевым крещением стала работа в предвыборном штабе Фусаэ Исикава — старейшины японского феминистского и суфражистского движения. В 1974 г., когда ей исполнился 81 год и она уже пребывала «на покое», социалисты уговорили Исикава снова выставить свою кандидатуру в нижнюю палату. Ее избирательная кампания, в которой принимал участие молодой Кан, увенчалась успехом, и два года спустя он решил попробовать свои силы самостоятельно. Кан дважды проваливался на выборах в нижнюю палату (1976 и 1978 гг.) и один раз в верхнюю (1977 г.), пока в 1980 г. ему не улыбнулось политическое счастье: в 34 года он стал депутатом нижней палаты и остается им непрерывно по сей день.

Однако Кан получил мандат не от Социалистической партии Японии (СПЯ; ныне Социал-демократическая партия Японии — СДПЯ), а от Социал-демократической федерации (СДФ)², которую в 1978 г. образовала группа политиков, покинувших ряды СПЯ, во главе с Хидэо Дэн. Их считали «правыми» относительно социалистического мейнстрима — однако «левее» Партии демократического социализма (ПДС), — поскольку они уделяли больше внимания работе с общественными организациями, чем с профсоюзами, и не питали симпатий к партийной риторике и догматике. Видных политиков в рядах СДФ не было, за исключением Сацуки Эда, который в 1985 г. возглавил партию, а в 2007 г. стал первым представителем оппозиции на посту спикера верхней палаты парламента.

В не слишком многочисленной партии, которой приходилось вести жесткую борьбу за выживание, Кан выдвинулся в первые ряды. Так, в 1987 г., в возрасте 41 года, он уже занимал посты заместителя генерального секретаря СДФ, председателя ключевого Политического комитета и Бюро по делам молодежи. В парламенте, куда он был на тот момент избран в третий раз, положение Кан было намного скромнее — он был рядовым членом Комитета по социальным и трудовым вопросам. 1980-е годы стали для него «годами учения»: он не играл самостоятельной роли в политике национального масштаба, но как один из руководителей партии, пусть даже небольшой, мог считать себя членом политической элиты. Впрочем, элитарное сознание никогда не было присуще Кан, который принципиально позиционировал себя как «человек из народа».

В 1993 г. председатель СДФ Эда вошел в состав коалиционного кабинета Морихиро Хосокава. ЛДП потерпела сокрушительное поражение на выборах в нижнюю палату, в результате чего оппозиционные партии — правда, состоявшие в основном из ее бывших членов, — сумели объединиться и сформировать свое правительство. В новом составе нижней палаты Кан возглавил комиссию по внешней политике (до января 1995 г.). В 1994 г. ЛДП вернулась к власти в составе коалиции, но пост премьерера пришлось уступить лидеру социалистов Томиити Мураяма. Эпоха, когда либерал-демократы нуждались в голосах малых партий для обеспечения большинства, дала шанс некоторым амбициозным политикам оппозиционного лагеря. Одним из них стал Кан, после распада СДФ вошедший в небольшую партию «Сакигакэ».

Минздрав предупреждает

11 января 1996 г. председатель ЛДП Рютаро Хасимото, считавшийся «силовым центром» кабинета Мураяма, сформировал свое первое правительство, в которое вошла и партия «Сакигакэ». Кресло министра здравоохранения и социального обеспечения (благополучия) в нем занял 49-летний Кан. Этот пост не относился к числу престижных, но считался хорошим стартом для перспективного политика, нацеливающегося на пост премьерера. Достаточно сказать, что его преемником стал Дзюньитиро Коидзуми, возглавлявший правительство в 2001–2006 гг. и остающийся одним из самых популярных японских политиков даже после ухода на покой.

Новому министру досталось непростое наследство в виде скандала с импортной донорской кровью, зараженной вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ). Количество больных СПИДом в Японии к концу 1995 г. превысило 4 тыс. человек, давая «прирост» по 400 человек в год. Из них около 2 тыс. человек были заражены при переливании крови, включая почти 100 беременных и рожениц, даже не подозревавших о своем трагическом положении. Уже 16 января 1996 г., через пять дней после назначения Кан министром, его ведомство решило добиваться пересмотра

действующего законодательства, чтобы ускорить импорт зарубежных лекарств. На испытания, которым подвергались импортные препараты, уходило от пяти до шести лет, а при наличии противодействующих лоббистских группировок — больше десяти. Министерство разъяснило, что сокращение длительности обязательной проверки прежде всего будет применено к препаратам против СПИДа, который называли «чумой XX века». 15 марта Кан объявил, что его ведомство принимает предложенный судебными властями вариант компенсации почти двум тысячам японцев, получивших вирус иммунодефицита при переливании крови. Компенсация составила 45 млн. иен каждому пострадавшему одновременно, а тем, кто уже заболел СПИДом, была назначена пожизненная ежемесячная пенсия в размере 150 тыс. иен³.

Виновник импорта зараженной донорской крови обнаружился быстро — это была фармацевтическая компания «Зеленый крест» («Грин кросс») со штаб-квартирой в Осаке. В первой половине 1980-х годов она поставляла в больницы нестерилизованную кровь, плазму и созданные на их основе препараты, содержавшие, как оказалось, вирус иммунодефицита человека. В меньших масштабах в том же были обвинены еще четыре фирмы. По японской традиции, их руководители публично принесли извинения людям, которых обрекли на неизлечимую болезнь, но те потребовали разбирательства по существу. Министерство здравоохранения не могло игнорировать их требования и обратилось к следственным органам. 21 августа 1996 г. в штаб-квартире, научно-исследовательском институте и других помещениях «Зеленого креста» прошли обыски с изъятием документов. В результате расследования президент фирмы Такэхико Кавано и его предшественники Рэндзо Мацусита и Тадакадзу Суйама были объявлены подозреваемыми в «профессиональной халатности, приведшей к смерти». Жертвы фармацевтических компаний не удовлетворились этой формулировкой и подали в прокуратуру Осаки иск с обвинением Мацусита в убийстве. По их утверждениям, он сознательно уклонился от дорогостоящей стерилизации крови, пытаясь увеличить доходы фирмы.

В ходе расследования выяснились очень неприятные для Министерства здравоохранения обстоятельства. Мацусита получил разрешение на продажу опасных препаратов с помощью личных связей в этом ведомстве, поскольку ранее возглавлял в нем... фармацевтическое управление. Продажа продолжалась и после того, как в 1985 г. власти одобрили новые лекарства на базе крови, прошедшей предварительную тепловую обработку. В конце августа 1996 г. в Токио был арестован Такэси Абэ, бывший вице-президент университета Тэйкё, ранее руководивший исследовательской группой министерства, которая занималась проблемами СПИДа и готовила рекомендации по безопасному использованию лекарств. Несмотря на почтенный возраст (80 лет), суд первоначально отказал ему в освобождении под залог, ссылаясь на то, что Абэ может уничтожить компрометирующие документы. Через два с лишним месяца

его все-таки выпустили под залог в 100 млн. иен. Наконец, 19 сентября были арестованы Мацусита, Кавано и Суяма, которые сразу же начали давать показания, желая облегчить свою участь.

Столкнувшись с неслыханной волной публичной критики в адрес своего ведомства, Кан дал понять, что не будет покрывать проштрафившихся подчиненных. В разгар скандала свой пост экстренно оставил 55-летний глава Департамента службы здоровья Акихито Мацумура. 4 октября он тоже оказался под стражей по подозрению в преступном пренебрежении исполнением служебных обязанностей, повлекшем за собой тяжкие последствия. В 1984 г. Мацумура заведовал отделом, который отвечал за контроль над распространением препаратов крови. Токийская прокуратура заявила, что уже тогда чиновнику было известно об опасности заражения пациентов ВИЧ при использовании препаратов из нестерилизованной крови, но он не дал указания запретить их применение и изъять из продажи, где они оставались до 1988 г. 26 октября 1996 г. ему предъявили официальное обвинение. СМИ и независимые наблюдатели задали резонный вопрос: не обошлось ли здесь без коррупции? Одно дело, если чиновник «недобдел», и совсем другое — если он сознательно разрешил использование зараженных препаратов по знакомству и тем более за вознаграждение.

Как известно, главы министерств в Японии назначаются из числа депутатов, которые далеко не всегда являются специалистами в данной области. Считается, что они должны осуществлять общее политическое руководство, доверяя разработку и проведение в жизнь конкретных мер чиновникам, которые в период правления либерал-демократов взяли в свои руки не только реализацию политики, но и ее выработку на стратегическом уровне. За годы парламентской деятельности Кан приобрел опыт и знания в сфере социального обеспечения и трудовых отношений, но здравоохранение оставалось для него *terra incognita*. Недостаток профессиональных знаний министр компенсировал энергией и непримиримостью к коррупционерам, благодаря чему приобрел популярность среди сограждан и вызвал антипатию у бюрократов. При реформировании кабинета Хасимото в ноябре 1996 г. он оставил пост министра — возможно, к радости чиновников. Но его преемнику Коидзуми пришлось сразу же разбираться с очередным коррупционным скандалом (дело бывшего заместителя министра Нобухару Окамицу и компании «Ая фукуси»).

За десять месяцев пребывания в должности Кан пришлось столкнуться с еще одной серьезной медицинской проблемой — эпидемией острого кишечного заболевания, вызванного бациллой O-157. 6 августа 1996 г., впервые за 20 лет, правительство официально объявило о наличии в стране эпидемии, приведя в действие закон 1897 г., который давал властям широкие полномочия, включая принудительную изоляцию пациентов, насильственную дезинфекцию, введение карантинных с блокадой дорог и т.д. К этому моменту в стране были заражены более 9,2 тыс. человек, причем семеро из них умерли. Кан поспешил успокоить обществен-

ность, разъяснив, что закон будет введен в действие частично — с учетом прав человека, но добавил, что жесткие меры позволят остановить волну вторичных заражений и выявить источники инфекции. Последний вопрос оказался самым болезненным и чуть не вызвал панику общенационального масштаба. Самый сильный очаг пищевого отравления был выявлен в г. Сакаи, недалеко от Осаки, где от инфекции пострадали несколько тысяч детей. Эксперты пришли к выводу, что отравление вызвала использованная в салатах белая редька (*каиварэ дайкон*). Обнародование этих предварительных данных (оказавшихся, как выяснилось, неверными) вызвало панику среди потребителей, а затем и среди выращивающих редьку фермеров, которые потребовали от правительства снять обвинения с их продукции и принести им извинения, которые могли бы восстановить доверие покупателей.

Кан принял нестандартное решение. 16 августа он в присутствии репортеров и фотокорреспондентов демонстративно съел за обедом три порции салата из *каиварэ дайкон*. Сюжет немедленно попал на телевидение и в газеты, но ясности поступок министра не прибавил. 26 сентября Кан вручил премьеру итоговый доклад министерства, в котором признавалась невозможность определить источник инфекции и робко подтверждалось прежнее предположение, что ростки редьки были каким-то образом заражены бациллой. Позже обвинения с овоща были сняты⁴, а «уминающий» ее Кан запомнился не только избирателям, но и коллегам по большой политике. 21 января 1997 г. премьер Хасимото и группа руководителей ЛДП устроили перед фото- и телеобъективами демонстративное поедание крабов и креветок, выловленных у берегов префектуры Исикава, где произошло разлитие мазута из российского танкера «Находка».

Кан находился в составе правительства меньше года, но стал за этот период политической фигурой национального масштаба, проявив себя как борец с коррупцией и засильем бюрократии, как энергичный политик, склонный к быстрым и нестандартным решениям⁵. Это прибавило ему уверенности в собственных силах и побудило к решению отправиться в самостоятельное плавание по бурным водам японской политики.

Гонки за лидером

17 сентября 1996 г. внимание японской прессы было приковано к заявлению двух молодых (по 49 лет), по здешним меркам, но уже известных политиков о том, что они создают новую партию. Подобных инициатив в 1990-е годы было много, так что названия всех эфемерных партий тех лет помнят только специалисты. Внимание, если не сказать ажиотаж, было вызвано тем, что заявление поставило под угрозу раскола двух младших партнеров ЛДП по правящей коалиции — СДПЯ и «Сакигакэ», а значит, и саму коалицию. «Смутьянами» оказались Кан, еще входивший в правительство, и Юкио Хатояма. На политическую арену Японии высту-

пил необычный тандем, которому через 13 лет выпало на долю опрокинуть режим либерал-демократов. Политическая история созданной ими Демократической партии и ее деятельность в качестве консолидирующей силы оппозиции исследованы в других статьях настоящей коллективной монографии. Ниже мы рассмотрим деятельность Кан, неоднократно возглавлявшего партию и бесменно входившего в ее руководство. Но сначала несколько слов о тандеме с Хатояма.

Казалось, этих политиков могут объединять только возраст и наличие депутатского мандата. Хатояма выглядел полной противоположностью своему новому союзнику. Представитель одной из влиятельнейших политических династий страны, депутат в четвертом поколении, сын министра, внук премьера, правнук председателя нижней палаты, наследник крупного состояния (дед Хатояма по матери — основатель корпорации *Bridgestone*, крупнейшего в стране производителя автомобильных покрышек) — и *self made man*, сын человека, «жившего на одну зарплату». Человек, которого с детства окружали сильные мира сего, — и «общественник», пришедший в политику с помощью «зеленых» и феминисток. Бывший доцент-«технар», для которого работа в университете была приятным и не слишком обременительным времяпровождением перед политической карьерой, — и патентный поверенный, всерьез рассчитывавший на эту профессию как на перспективный источник заработка. Триумфальное избрание в парламент по накатанной колее от доминантной партии — и битва за кресло народного избранника в качестве представителя небольшой оппозиционной силы.

Хатояма и Кан отличались даже внешне. Молчаливый, замкнутый «аристократ» (точнее, выходец из крупной буржуазии), получивший прозвище «инопланетянин» за отрешенность от проблем повседневности, — и энергичный, немного грубоватый «общественник», не стесняющийся признаться, что «не пьет, наверно, только пять дней в году», и при этом отличный оратор и полемист, в отличие от Хатояма. Однако союз двух столь несхожих людей оказался продуктивным. Они апеллировали к разным слоям общества, недовольным правлением либерал-демократов, в результате чего новая партия сразу получила более широкую поддержку, чем ее эфемерные предшественники.

В качестве основных лозунгов ДПЯ выдвинула «полный разрыв с прежней бюрократией», «восстановление права самих граждан определять политику» и «создание социально защищенного общества». Разъясняя значение этих красивых, но расплывчатых формулировок, Кан заявил, что новая партия «призвана помочь Японии найти свое будущее». Но эти слова значили немного — демократам предстояло подтвердить свою жизнеспособность на парламентских выборах, которые должны были стать экзаменом лично для Кан. Данные опроса газеты «Асахи» об идеальном главе правительства отдали первое место действующему премьеру Хасимото (21%), а Кан при всей популярности собрал в три раза меньше (7%)⁶. Рейтинг поддержки ЛДП и ДПЯ соответствовал популяр-

ности лидеров партий, причем Хатояма в качестве альтернативы Хасимото не рассматривался. Говоря о демократах, японские избиратели, политики и журналисты на тот момент имели в виду только Кан.

Выборы 20 октября 1996 г. закончились победой либерал-демократов, получивших на 28 мест больше, и крупным поражением социал-демократов. ДПЯ потеряла пять мандатов — не все избиратели согласны с тем, что их избранники меняют фронт и уходят в оппозицию. Приступивший к формированию нового кабинета, Хасимото предложил демократам союз, поскольку ЛДП после провала СДПЯ и «Сакигакэ» нуждалась в их голосах. Кан заявил, что его партия готова пойти на «консультации» с ЛДП, не входя в правящую коалицию, и оставил пост министра. «Можно сотрудничать с либерал-демократами и находясь в оппозиции», — пояснил Хатояма.

Кан сделал стратегический выбор, который через 13 лет привел его партию к власти, а его самого — в кресло вице-преьера, а затем преьера. Победа либерал-демократов на выборах не могла скрыть растущего недовольства ими: это был не столько успех ЛДП, сколько провал ее противников. Кан и Хатояма пошли на риск, отказавшись от «синицы в руках» — роли младшего партнера в правящей коалиции, ради «журавля в небе» — попытки создать дееспособную «вторую партию», которая в перспективе сменит ЛДП у власти и будет определять лицо страны в новом веке. Согласно бытовавшему тогда в политических кругах мнению, Кан выступал за союз с ЛДП, но это неверно. Амбициозный лидер решил продолжить одиночное плавание, допуская лишь присоединение к своей партии других сил, а не ее «растворение» в какой бы то ни было коалиции.

Прошло почти полтора года. 5 января 1998 г. лидеры шести оппозиционных партий договорились о создании единой парламентской группы. Четыре из них объявили о формировании блока Миньюрэн, что означало первый шаг к превращению его в партию. Кан, ставший «мотором» объединения, заявил, что его цель — «отстранить от власти ЛДП уже в нынешнем году». Такая перспектива казалась нереальной, но трудно было ждать от нового оппозиционного блока менее решительного заявления, особенно в условиях падения рейтинга Хасимото, продолжавшегося экономического застоя и кризиса финансовой системы. На третьем месте по количеству мандатов после очередной перегруппировки сил в лагере оппозиции оказался бывший лидер Партии новых рубежей (ПНР) Итиро Одзава, которому в будущем предстояло стать союзником, а затем противником Кан.

Премьер-министр Японии избирается голосованием обеих палат парламента, причем нижняя имеет законодательное преимущество перед верхней. Многие критикуют эту систему, указывая на то, что популярная партия, получившая на выборах «мандат доверия» на четыре года, может провести в премьеры непопулярного в народе политика, за которого ее депутаты обязаны проголосовать в порядке партийной дисциплины. Поэтому СМИ периодически выясняют, кто мог бы возглавить правительст-

во в случае прямого всенародного волеизъявления. Общенациональный опрос, проведенный агентством Киодо, которое обнародовало его результаты 14 февраля 1998 г., впервые отдал предпочтение лидеру оппозиции. Если бы японцы выбирали премьера, как президента в США, им оказался бы Кан, рейтинг которого достиг 21%. Хасимото, получивший 16%, оказался на втором месте, хотя полутора годами ранее он опережал Кан в три раза. Третий результат (15%) показала лидер социал-демократов Такако Дои, причем ее личная популярность заметно контрастировала с постоянным падением числа голосов, получаемых СДПЯ на выборах.

К 1998 г. Кан стал не только лидером крупнейшей оппозиционной партии, но и «лицом» оппозиции в целом. Следующим его ходом стало руководство объединением участников блока Миньюрэн в новую партию. Точнее, три других партии влились в ДПЯ, сохранив свою название в качестве «торговой марки». Процесс объединения, старт которому был дан 12 марта, официально завершился через полтора месяца. Несмотря на наличие в руководстве новой силы таких «тяжеловесов», как бывшие премьер-министры Морихиро Хосокава и Цутому Хата, лидерство Кан признали и союзники, и противники.

В обеих палатах новая партия располагала всего 131 депутатским мандатом из 752 против 379 у правящей ЛДП. Однако разница в «весовых категориях» не смущала Кан. 27 апреля он темпераментно сравнил попытки кабинета Хасимото вывести страну из депрессии с действиями «лекаря-шарлатана, пытающегося произвести операцию помедленнее». Оппозиция несколько раз вносила в парламент резолюцию с выражением недоверия правительству, но при фатальной нехватке голосов для ее утверждения это делалось для проформы или в качестве информационного повода для очередного критического заявления. Настоящий бой должен был состояться на выборах.

9 июня опрос деловой газеты «Нихон кэйдзай» назвал Кан самым популярным политиком страны. Первая тройка осталась прежней, но отрыв Кан (25,3%) от Хасимото (14,7%) увеличился. Министр иностранных дел Кэйдзо Обути, которого называли преемником Хасимото, занял седьмое место (2,6%). Рейтинги популярности партий явили противоположную картину, адекватно предсказывавшую результат предстоящих выборов: 36,8% у ЛДП и только 10% у ДПЯ⁷. Сделанное 25 июня — в день начала предвыборной кампании — заявление Кан о том, что «Хасимото не справился со своими обязанностями премьера, ввергнув страну в критическую ситуацию, поэтому он должен немедленно уйти в отставку», не оспаривали и однопартийцы премьера, который выработал свой ресурс и собирался уйти на покой, воспользовавшись первым удобным поводом. Однако выполнять следующее требование Кан: «уступить место нам» — либерал-демократы не собирались.

12 июля 1998 г. ЛДП проиграла выборы в верхнюю палату. Она не только не вернула потерянное в 1989 г. «однопартийное» большинство,

но и лишилась «коалиционного». Хасимото ушел в отставку, уступив пост председателя ЛДП Обути, которого газетчики окрестили «холодной пиццей». Ключевая нижняя палата избрала его премьером, но верхняя палата 30 июля проголосовала за Кан как единого кандидата от оппозиции. Все японские газеты обошло фото, на котором его поздравляет тогдашний лидер коммунистов Тэцудзо Фува. Несмотря на результат голосования: 142 за Кан и всего 103 за Обути — лидер оппозиции ни минуты не был главой правительства, но смог «примерить» на себя эту должность. Через 12 лет за него проголосуют обе палаты.

Кан продолжал оставаться «виртуальным премьером». 4 августа итоги очередного опроса снова вывели его на первое место (28,6%) с результатом почти в два раза лучше, чем у «серебряного призера» — бывшего министра здравоохранения и будущего премьера Коидзуми (14,5%). Действующему премьеру Обути досталось третье место (10,4%)⁸. В тот же день газета «Санкэй» подытожила результаты своего исследования, участникам которого было предложено сравнить Обути и Кан по десяти различным параметрам. Кан победил по шести позициям, включая «обаяние», «способность к лидерству», «способность к эффективным действиям», «степень доверия», «экономическая политика» и «политическая чистоплотность». Обути первенствовал в номинациях «реальные достижения», «ощущение стабильности», «способность координировать мнения и все улаживать» и «дипломатические способности»⁹, причем первые две следовало отнести на счет ЛДП в целом, а не ее председателя.

Удар по популярности Кан нанесли не действия правительства, опровергнувшего нападки оппозиции, а... скандальные сплетни. Раздутые «желтой прессой» в ноябре 1998 г. слухи об интимных связях Кан с телеведущей частного канала не только снизили рейтинг ДПЯ, но и «отдали» эту разницу либерал-демократам, получившим, по данным опроса Киодо цусин от 9 декабря, 32,5% против 26,4% у ДПЯ. Однако и в этой ситуации Кан остался лучшим «идеальным премьером» (14%), обойдя не только «холодную пиццу» Обути с разгромным результатом (4%), но и главу входившей в правящую коалицию Либеральной партии Итиро Одзава (5%)¹⁰. Так закончился год наибольшей политической популярности Кан.

Потерянное десятилетие?

На протяжении 1999–2008 гг. Кан, оставаясь одним из лидеров оппозиции, перестал быть «нюсмейкером». Стабилизация режима либерал-демократов при Коидзуми, сопровождавшаяся поражением ДПЯ на выборах в нижнюю палату в 2005 г., казалось, лишала демократов шансов на приход к власти, обрекая их на незавидное положение «вечной оппозиции». СМИ вспоминали Кан в связи с очередными выборами председателя партии (он занимал этот пост до сентября 1999 г., затем с декабря 2002 по май 2004 г.) или... с очередным скандалом, хотя таковых, в которых он оказался замешан, было мало. ДПЯ не воспринималась как ре-

альная альтернатива ЛДП, что сказалось и на рейтинге ее лидера. Через год после формирования кабинета Обути, этот не самый яркий и успешный премьер, не только взял реванш у своего соперника, но и опередил его по популярности в два с половиной раза: 30% против 12,7%¹¹.

Пресса исправно приводила высказывания Кан по внутри- и внешнеполитическим проблемам, сделанные во время парламентских дебатов или в интервью, но они производили впечатление «сотрясения воздуха». Он неоднократно выступал за сокращение американского военного присутствия в Японии, за улучшение отношений с Пекином, за более жесткий курс в отношении КНДР и против участия Сил самообороны в иракской кампании — словом, против курса Коидзуми. Демократы официально называли его «следующим премьер-министром» (*нэкусудо сори дайджин* или «Next Prime Minister»)¹², не уточняя, однако, когда это станет возможным. Но именно так, причем по-английски, Кан 26 октября 2003 г. отрекомендовался в прямом телеэфире, когда во время его дебатов с Коидзуми в студию зашли... Юлия Волкова и Лена Катина — дуэт «Тату», пребывание которого в Японии стало сенсацией национального масштаба.

В том же, 2003 г. Кан совершил решительный политический ход, приведя демократов к союзу с Либеральной партией, оформленному соглашением от 23 июля. Точнее, ДПЯ поглотила либералов, потому что название и программа партии остались прежними. Так появился тандем Кан–Одзава, закончившийся соперничеством в августе–сентябре 2010 г. На сей раз партнером «политика из народа» оказался потомственный депутат и мастер закулисных политических интриг, «серый кардинал» с сомнительным имиджем и репутацией «короля избирательных кампаний». Комментируя агентству Киодо слияние партий, Кан сказал, что оно произошло «в самый последний момент». «Это должно было случиться сейчас, — пояснил он, — если мы собираемся идти на выборы вместе». В результате к 172 депутатам ДПЯ прибавились 30 либералов. Этого не хватало для реального вызова ЛДП с ее 356 мандатами, однако новый шаг к двухпартийной системе был сделан. Впрочем, и в этой ситуации Коидзуми по популярности опережал Кан почти в два раза: 46% против 24%¹³.

Выборы 9 ноября 2003 г. принесли победу либерал-демократам и стали разочарованием для «следующего премьера», которого не избрали даже в верхнюю палату. 10 мая 2004 г. ему пришлось оставить пост главы ДПЯ: выяснилось, что Кан во время пребывания в должности министра не делал обязательные отчисления в государственный пенсионный фонд. Скандал затронул его по «принципу домино», поскольку ранее по той же причине со своих постов были вынуждены уйти генеральный секретарь кабинета министров Ясуо Фукуда, сын премьера и сам будущий премьер, и еще несколько видных либерал-демократов. По иронии судьбы именно Кан настаивал на том, чтобы члены кабинета и депутаты предали гласности сведения о своих отчислениях. До звездного часа оставалось пять лет.

Хождение во власть

В середине лета 2009 г. японские журналисты и аналитики были уверены, что либерал-демократы проиграют предстоящие выборы в нижнюю палату, хотя зарубежным наблюдателям это казалось маловероятным. Мнения расходились лишь в том, с каким счетом выигрывают демократы. На борьбу были мобилизованы все партийные силы, но роль Кан, занимавшего пост одного из вице-председателей ДПЯ, казалась мало заметной. Было ясно, что в случае победы он займет один из ключевых постов в новом правительстве, но формирование последнего после триумфа 30 августа столкнулось с трудностями. Сначала в политических кругах циркулировали слухи, что Кан получит должность генерального секретаря кабинета, который считается не только «человеком номер два» в правительстве, но и его «лицом». Однако политику, занимающему этот пост, прежде всего необходимо уметь взаимодействовать с бюрократами различных ведомств и координировать их работу, что явно не относилось к сильным сторонам Кан. 16 сентября он получил портфели вице-премьера¹⁴, государственного министра по финансовой и налоговой политике и главы Бюро национальной стратегии — иными словами, снова стал «следующим премьер-министром», преемником Хатояма, когда тому придется уйти в отставку.

Что выделяло Кан среди коллег по первому демократическому кабинету? Во-первых, только он и министр финансов Хирохиса Фудзии имели опыт работы в качестве министра. Во-вторых, среди ключевых фигур ДПЯ только он и Ёсито Сэнгоку не были выходцами из ЛДП, возглавляя, условно говоря, «социалистическое» крыло демократов.

6 января 2010 г. Кан сменил Фудзии на посту министра финансов, который в условиях кризиса приобрел особую значимость. Назначение было встречено с прохладцей, поскольку Кан не считался знатоком финансовых вопросов¹⁵. В первом же интервью, через день после назначения, новый министр высказался в пользу ослабления национальной валюты, определив «идеальный» курс как 95 иен за доллар (24 августа 2010 г. он, к огорчению японских экспортеров, составлял 85 иен), что противоречило ориентации Фудзии на «сильную иену» и отказ от валютных интервенций. В середине февраля Кан привлек к себе внимание политических кругов и СМИ, поставив вопрос о реформе налоговой системы и наметив на возможность повышения потребительского налога, поскольку последняя тема принадлежит в Японии к числу наиболее болезненных. Перед выборами 2009 г. Хатояма в качестве председателя ДПЯ обещал в случае победы не повышать потребительский налог в течение как минимум четырех лет. Многие экономисты и политики, в том числе в рядах правящей партии, считали эту меру необходимой для оздоровления финансовой системы и для выполнения предвыборных обещаний в социальной сфере. Повышения потребительского налога вдвое — с 5 до 10%, а в перспективе и более — требовали находившиеся в оппозиции либе-

рал-демократы. Слова Кан о желательности «обсуждения» данной проблемы подали сигнал по принципу «нет дыма без огня». Хатояма немедленно напомнил ему о предвыборных обязательствах партии. Кан ответил, что не отказывается от них, но «не считает дискуссию прекращенной раз и навсегда».

К этому вопросу он вернулся уже в качестве премьер-министра и главы ДПЯ. Когда 2 июня 2010 г. растерявший былую популярность Хатояма подал в отставку, сомнений в том, кто станет его преемником, не было. Утром 4 июня Кан был избран председателем Демократической партии. В тот же день его кандидатура на пост премьер-министра была вынесена на голосование в парламенте, итог которого был предрешен соотношением сил. 8 июня император официально утвердил его в должности главы правительства.

«Чувствуя, какую огромную ответственность я должен на себя принять, — заявил Кан в день избрания, — я намерен в равной мере руководить и партией, и кабинетом. Моя задача — добиться их единства». «Моя цель, — продолжал он, — создать новую, эффективно действующую систему управления». Аналитики увидели в этих общих словах, на которых строится японская политическая риторика, указание на то, что Кан намерен ограничить влияние Одзавы, оставшегося «серым кардиналом» даже после того, как одновременно с Хатоямой покинул пост генерального секретаря ДПЯ. В этом ключе рассматривались и два кадровых назначения нового премьер-министра. Оставив кабинет министров практически в неприкосновенности, Кан выбрал в качестве генерального секретаря бывшего социалиста Ёсито Сэнгоку и выдвинул на пост генсека партии молодого, но опытного политика Юкио Эдано, принадлежащего к «антиодзавскому» крылу демократов.

Кан неплохо дебютировал на международной арене участием в саммите «Большой восьмерки» в Торонто в конце июня 2010 г., но первый серьезный внутривнутриполитический экзамен он провалил. Главной целью демократов на выборах в верхнюю палату 11 июля было сохранение контроля над ней вместе со своими младшими партнерами, потому что о простом однопартийном большинстве им приходилось только мечтать. В конце июня Кан снова заговорил о возможном повышении потребительского налога, что бросило вниз рейтинг кабинета с 48 до 39%, а количество недовольных им за неделю выросло с 29 до 40%¹⁶. Имидж «человека из народа», положенный в основу предвыборной кампании, не помог. Демократы утратили контроль над верхней палатой, как либерал-демократы в 2007 г. «Это еще не поражение, но начало конца», — говорили автору настоящей статьи многие японские политологи.

Кан можно считать ответственным за провал, как капитана — за всё, что происходит на корабле, но оппоненты внутри ДПЯ не настаивали на этом. Во-первых, он возглавил партию всего за месяц до выборов. Во-вторых, его приход на смену Хатояме, рейтинг которого к концу мая упал до критической отметки в 20%, спас демократов от более сокрушитель-

ного поражения. Кан встретил результаты волеизъявления спокойно, заявив, что не уйдет в отставку, не распустит нижнюю палату для внеочередных выборов и не будет проводить перестановки в верхнем эшелоне власти. Признав, что выборы оказались для ДПЯ «более суровыми, чем ожидалось», он выразил желание «взять новый старт для продолжения провозглашенной программы реформ». Премьер признал, что «одной из причин поражения стало недостаточно четкое разъяснение избирателям позиции по вопросу о повышении потребительского налога», но от дискуссий по данной проблеме не отказался, призвав к участию в ней все политические силы страны.

Судьба премьера решилась 14 сентября 2010 г. — во время очередных выборов председателя ДПЯ. Выдвижение в пику ему кандидатуры «серого кардинала» Итиро Одзава, да еще при поддержке Юкио Хатояма, показало, что два тандема, сыгравшие ключевую роль в истории партии, упразднены окончательно. Кан одержал уверенную победу в «командном зачете», получив 791 из 1224 возможных баллов, которые суммируют голоса депутатов парламента от ДПЯ, членов местных выборных органов власти и групп поддержки партии, хотя его поддержали только 206 народных избранников из общего числа 411 против 200, отдавших голоса Одзава. Однако и после успешного переизбрания Наото Кан и его команду ожидают новые испытания на всех политических фронтах.

Примечания

¹ В статье использованы материалы из следующих основных источников: 1) официальные сайты Наото Кан (<http://www.n-kan.jp/>) и Демократической партии Японии (<http://www.dpj.or.jp/>); 2) банки данных информационных агентств ИТАР-ТАСС и Киодо цусин (хроника событий); 3) наиболее полная на настоящий момент неофициальная биография: Кан Наото: симин ундо кара сэйдзи тосо э. 90 нэндай-но сэгэн (Наото Кан: от гражданских движений до политической борьбы. Свидетельства 1990-х годов). Токио, 2008. Далее в тексте ссылки на них не приводятся.

² В отечественной литературе ее также называли Социал-демократический союз (СДС).

³ В разгар событий появилась книга-репортаж: *Ито Ю. Кан Наото-но иппо. Ракугай эйдзу мондай дэ надзэ канрё-ни катэта но ка?* (Шаг Наото Кан. Почему он одержал верх над чиновниками в проблеме СПИДа, вызванного лекарственными препаратами?). Токио, 1996. На ее обложке был помещен следующий текст на английском (!) языке: «Депутат Кан Наото — великолепный лидер, которого давно желал народ».

⁴ *Фудзивара И. О-157. Каиварэ ва кооситэ «сацудзин»-ни сарэта (О-157. Как редьку сделали «убийцей»)*. Токио, 1997.

⁵ Закреплению этого имиджа вкупе с обобщением опыта работы в правительстве послужила книга, остающаяся его главным произведением: *Кан Н. Дайдзин (Министр)*. Токио, 1998.

⁶ Асахи симбун. 01.10.1996.

⁷ Нихон кэйдзай симбун. 09.06.1998.

⁸ Нихон кэйдзай симбун. 04.08.1998.

⁹ Санкэй симбун. 04.08.1998.

¹⁰ Асахи симбун. 16.12.1998.

¹¹ Нихон кэйдзай симбун. 24.08.1999.

¹² См., например: The Democratic Party of Japan. Who's Who 2003. Tokyo, 2003.

¹³ Асахи симбун. 28.07.2003.

¹⁴ Последний раз до него эту должность в коалиционном кабинете Хасимото (1996–1998) занимал один из лидеров социал-демократов Ватару Кубо.

¹⁵ Деятельность Кан в качестве министра финансов в настоящей статье не рассматривается.

¹⁶ Асахи симбун. 05.07.2010.

С.В. Чугров

ИЗМЕНЕНИЯ В НАЦИОНАЛЬНОМ СОЗНАНИИ В ЗЕРКАЛЕ ОПРОСОВ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Прежде всего, прошу прощения у читателя за на первый взгляд избыточное множество цифровых данных. Но таков уж удел социологии — чем богаче статистическая база, тем репрезентативнее исследование.

«Политическое будущее Японии, — пишет японский исследователь Ёсихито Карибэ, — в целом зависит от формирования нового поколения элиты, которая будет в полной мере учитывать национальные интересы, эффективно отвечать на внутренние и внешние вызовы и в то же время останется выразителем интересов широких масс граждан»¹. Насколько та часть японской политической элиты, которая оказалась у власти с августа 2009 г., выражает интересы населения и насколько учитывает национальные интересы в представлении этих масс? Цель этой работы — зафиксировать нюансы изменений общественного мнения Японии, произошедших после прихода к власти Демократической партии в 2009 г. Премьер-министр Юкио Хатояма обещал нации провести реформы в интересах простых японцев. Японский лидер замахнулся на ранее незыблемый стеновой хребет «японской системы» — вертикальный принцип социального устройства. «Я хочу построить горизонтальное общество, основанное на человеческих связях, на месте иерархического и вертикального, построенного на укоренившихся интересах»², — написано в его программном *credo*. Есть серьезные основания считать, что традиция окажет самое серьезное сопротивление попыткам поломать ее. Насколько серьезное?

Представляя новый экономический курс 18 июня 2010 г., премьер-министр Наото Кан подтвердил твердое намерение провести широкие реформы и подчеркнул, что цель его политики «минимизировать несчастья населения». В какой степени население поверило обещаниям и какова реакция общественного мнения на них?

Это исследование опирается на ряд опросов общественного мнения, проведенных Информационным отделом при Канцелярии кабинета министров, в основном на опрос 21 января — 7 февраля 2010 г.³.

Опрос, проведенный Институтом культуры вещания NHK в апреле 2010 г.⁴, приоткрывает фундаментальное противоречие японского массо-

© Чугров С.В., 2011

вого сознания. С одной стороны, 94% опрошенных заявили, что «в большей степени» или «в некоторой степени» хотели бы изменений в текущей политике. В то же время в ходе опроса выяснилось, что большинство населения выступает за стабильность. Такое двойственное отношение к переменам хорошо объяснил Юкио Хатояма еще до того как стал премьером: «На Западе меняют власть и продолжают жить, как будто ничего не произошло. Японцы консервативны, для них поменять власть — все равно что поменять жизнь»⁵.

Японцы поменяли жизнь. Победа оппозиции означала, что Япония сделала радикальный шаг к статусу «обычной демократии», т.е. государства, в котором на основе соревновательности у власти чередуются две главные политические силы. Можно предположить, что результаты этого переворота в мышлении японцев в определенной степени обнаруживаются при анализе общественного мнения. Органичное, неконфликтное сочетание сильного стремления к переменам и доминирования консервативности — визитная карточка японского сознания эпохи перемен. Именно поэтому перемены в общественном мнении за первый год правления демократов столь противоречивы и менее выразительны, чем можно было ожидать.

Как показал апрельский опрос Института NHK, едва ли можно утверждать, что японцы равнодушны к политике, поскольку 84% заявили, что «очень» или «в определенной степени» интересуются политикой. Однако при более внимательном взгляде обнаруживается, что главные сферы, к которым японцы испытывают наибольшую заинтересованность, — это «укрепление благосостояния пожилых и престарелых», «гарантии безопасности пищевых продуктов» и «стабильность занятости». К ним с самым большим вниманием относятся вкуче около 40% опрошенных. Причем наиболее значимым источником пополнения информации по этим и другим вопросам политики является телевидение.

Ежегодный опрос Информационного отдела Канцелярии кабинета министров предоставляет наиболее впечатляющие данные по изменению ориентиров массового сознания японцев (для целей данного исследования наиболее интересно сравнение результатов опроса 2009 г., проводившегося при ЛДП, и опроса января–февраля 2010 г., проведенного при демократах). В последнем, как обычно, было опрошено 10 тыс. человек старше 20 лет, из которых 6214 респондентов содержательно ответили на все вопросы.

Об изменениях в стране и обществе

Многим памятна Япония 1960–1970-х годов, подхваченная волной национальной гордости, в едином порыве строящая свое «экономическое чудо». Известно, что в конце 1940-х и начале 1950-х годов японцы массово ограничивали личное потребление и направляли часть сбережений на развитие страны для преодоления последствий войны.

Таблица 1
Степень любви к своей стране*, %

Год	Сильное чувство	Слабое чувство	Равнодушны
1990	51,9	11,4	36,7
1991	49,6	11,1	39,4
1992	52,9	9,4	37,7
1993	52,4	9,1	38,5
1994	55,4	9,6	35,1
1995	53,3	10,3	36,4
1996	52,8	9,1	38,0
1997	52,0	9,4	38,7
1998	52,9	10,3	36,8
1999	51,2	10,6	38,1
2000	49,2	11,6	39,2
2001	50,0	11,3	38,8
2002	46,4	11,3	42,3
2003	47,5	12,5	40,0
2004	50,1	11,3	38,7
2005	51,5	9,8	38,7
2006	51,1	10,0	38,9
2007	52,1	9,7	38,2
2008	57,0	7,0	36,1
2009	56,0	7,6	36,4
2010	54,6	6,8	38,6

* Составлено по: Найкакүфу дайзин камбо сэйфу кохосицу. Сякай исики-ни кансуру ёрон тёса (Информационное бюро при Канцелярии кабинета министров. Опрос общественного мнения по проблемам общественного сознания). 2010 г. — <http://www8.cao.go.jp/survey/h22/h2-shakai/1.html>.

Как видно из табл. 1, сильное чувство любви к своей стране было достаточно стабильно на протяжении последних 20 лет, и в основном этот показатель был выше 50%. Такую же стабильность демонстрирует этот показатель для тех, кто мало привязан к своей стране, и для равнодушных. Из этого можно сделать вывод, что чувство любви к Японии практически не зависит от кризисов и поворотов политических событий.

Впрочем, обращает на себя внимание то, что за последний год доля испытывающих сильную любовь к родине снизилась с 56,0 до 54,6%, несколько уменьшилась и доля тех, кто заявил о слабом патриотическом чувстве — с 7,6 до 6,8%, за счет роста равнодушных.

Гораздо более интересная картина возникает, если посмотреть на раскладку ответов по возрастным и гендерным когортам (табл. 2).

Комментируя табл. 2, мы не будем характеризовать группы и когорты по всем признакам, а выделим лишь те из них, которые продемонстрировали наиболее яркие и характерные показатели. Данные таблицы демонстрируют, что мужчины более патриотичны, нежели женщины. Если же взять комбинацию возрастных и гендерных признаков, то оказывается, что наиболее сильное чувство патриотизма испытывают когорты 60- и

Таблица 2

Степень любви к своей стране (2009, 2010 гг.)*

Респонденты	Число ответивших	Очень сильное чувство, %	Довольно сильное чувство, %	Равнодушны, %	Слабое чувство, %	Очень слабое чувство, %
В целом	5 890 (6 214)	18,2 (17,7)	37,8 (36,9)	36,4 (38,6)	6,6 (5,9)	1,0 (0,9)
20–29 лет	508 (462)	4,1 (5,4)	31,5 (26,6)	48,6 (50,2)	13,8 (15,2)	2,0 (2,6)
30–39 лет	960 (930)	3,6 (3,9)	28,0 (32,8)	56,0 (54,3)	10,6 (7,7)	1,7 (1,3)
40–49 лет	1 008 (1 003)	7,8 (7,5)	38,6 (37,3)	47,1 (49,0)	5,8 (5,9)	0,7 (0,4)
50–59 лет	1 186 (1 139)	15,5 (13,3)	42,6 (38,9)	34,8 (41,3)	6,3 (5,9)	0,8 (0,6)
60–69 лет	1 260 (1 446)	28,3 (25,4)	42,6 (41,1)	24,1 (28,7)	4,3 (4,1)	0,7 (0,7)
70 лет и старше	968 (1 234)	41,2 (46,0)	37,8 (36,6)	17,4 (23,3)	2,9 (3,4)	0,7 (0,6)
Мужчины	2 746 (2 942)	21,9 (20,5)	39,5 (38,5)	29,8 (34,4)	7,3 (5,5)	1,5 (1,0)
Женщины	3 144 (3 272)	15,0 (15,2)	36,3 (35,4)	42,2 (42,4)	5,9 (6,3)	0,5 (0,7)

* Составлено по: Найкакүфу дайзин камбо сэйфу кохосицу. Сякай исики-ни кансүру ёрон тёса (Информационное бюро при Канцелярии кабинета министров. Опрос общественного мнения по проблемам общественного сознания). 2009 г. — <http://www8.cao.go.jp/survey/h20/h20-shakai/images/z01.gif>; 2010 г. — <http://www8.cao.go.jp/survey/h21/h21-shakai/1.html>.

Примечание: цифры в скобках — данные за 2010 г.

70-летних мужчин и женщин. Среди самых равнодушных — 30- и 40-летние мужчины, а также 20- и 50-летние женщины. К сказанному добавим, хотя эти цифры не вошли в таблицу: жители средних городов чаще заявляют о своем сильном чувстве патриотизма, а жители малых городов и сельское население чаще выражают равнодушие к этой проблеме.

Отметим также, что в 2009 г. лишь 4,1% респондентов в возрасте 20–29 лет признались в сильной любви к своей стране, а в 2010 г. эта цифра выросла до 5,4%. Это рост крайне незначительный, но на общем фоне симптоматичный: патриотизм молодежи не принадлежит к исчезающим явлениям. В когорте 70-летних настоящих патриотов было 41,2% в 2009 г., но в 2010 г. их доля выросла почти на 5%. То есть стала почти в 10 раз больше, чем в когорте 20-летних! Среди тех, кто совсем не испытывает чувства любви к Японии, 20-летних почти в 3 раза больше, нежели 70-летних. Именно в возрастной группе от 20 до 39 лет наблюдается наибольшее равнодушие к своей стране. Часть молодых людей просто любит эпатировать окружающих своим космополитизмом, но после 40 лет патриотические чувства начинают лавинообразно нарастать.

Это позволяет говорить о том, что молодежь в Японии в силу незрелого возраста и влияния глобализации действительно представляет собой группу с особым отношением к патриотизму. Такое явление наблюдалось и в 1990-х годах, однако с заметно меньшей интенсивностью. С возрастом взгляды нынешней молодежи будут становиться более взвешенны-

ми, и они станут более патриотичными. Во всяком случае, как свидетельствует опрос общественного мнения, патриотизм остается константой японского массового сознания.

В целом из табл. 2 можно сделать вывод, что замена ЛДП на ДПЯ у власти не привела к заметному росту патриотизма в японском обществе и, скорее, никак не сказалась на отношении японцев к своей родине. Никаких существенных изменений ни по возрастному, ни по гендерному признаку не произошло.

В анкете Информационного отдела Канцелярии кабинета министров традиционно присутствует смежный вопрос: «Считаете ли вы, что следует воспитывать чувство любви к своей стране?». Что изменилось после прихода к власти демократов? Если в 2009 г. считали, что «да, следует», 81,4%, то в 2010 г. так ответили только 78,5%. Число тех, кто так не думает, выросло с 8,7 до 10,4%. Мужчины более расположены считать патриотическое воспитание необходимым, чем женщины. Совокупный показатель пола и возраста обнаруживает, что склонны выступать за воспитание чувства патриотизма более всего мужчины и женщины в возрастных когортах 60–69 лет и 70–79 лет. Считают, что воспитывать специально любовь к своей стране не надо, 20- и 40-летние мужчины и 20- и 30-летние женщины. Среди скептиков преобладают наемные работники, занятые прежде всего в промышленности, на транспорте и в строительстве.

Отношение к общественному и личному

Проблема соотношения государственно-общественных и личных предпочтений в японском обществе, долгое время считавшемся сугубо коллективистским, продолжает вызывать самый пристальный интерес японских социологов. Широко распространено мнение, что Япония за последние десятилетия превратилась в страну западного типа, в которой господствует индивидуализм. Это стереотипное представление полностью развенчивают данные табл. 3. За последние 20 лет доля тех, кто отдает предпочтение государственно-общественным интересам, возросло беспрецедентно — с 31,7 до 52,2%.

В анкете Информационного отдела Канцелярии кабинета министров респондентам предлагалось выбрать между вариантами ответов: «Следует обратить больше внимания на дела государства и общества» и «Следует более пристальное внимание обратить на личную жизнь». Стронников первого варианта условно назовем «государственниками», а второго — «индивидуалами».

Общая тенденция усиления позиций «государственников» интересна своей стабильностью, однако нас интересуют в первую очередь изменения, произошедшие за время пребывания у власти демократов. А доля «государственников» за это время снизилась на 4,4%. Это говорит о некотором сдвиге японского массового сознания в сторону западных образ-

Таблица 3

Что важнее: государственно-общественные интересы или индивидуальные?*, %

Год	Важнее государственно-общественные	Важнее индивидуальные	Трудно сказать определенно
1990	31,7	37,0	25,7
1991	38,3	35,6	20,9
1992	41,6	33,2	20,8
1993	41,3	33,6	20,3
1994	51,3	29,7	16,1
1995	52,6	26,8	16,9
1996	45,1	30,6	20,9
1997	45,3	34,9	16,3
1998	47,4	33,1	15,9
1999	48,0	32,1	16,5
2000	49,9	32,4	14,5
2001	48,3	32,7	16,8
2002	47,5	31,4	18,1
2003	44,7	33,9	17,9
2004	44,0	34,6	18,0
2005	45,7	31,5	19,2
2006	49,1	32,6	15,4
2007	51,0	32,9	13,8
2008	52,7	37,0	9,2
2009	56,6	33,5	9,0
2010	52,2	33,6	13,0

* Составлено по: Найкакүфу дайдын камбо сэйфу кохосицу. Сякай исики-ни кансүру ёрон тэса (Информационное бюро при Канцелярии кабинета министров. Опрос общественного мнения по проблемам общественного сознания). 2010 г. — <http://www8.cao.go.jp/survey/h21/h21-shakai/1.html>.

цов. Едва ли можно назвать этот сдвиг значительным, но не стоит им пренебрегать, поскольку по логике вещей (вспомним обещание премьера Хатояма упразднить вертикальное строение общества) это похоже на начало тенденции к росту индивидуализма.

В табл. 4 обращает на себя внимание тот факт, что резко упали симпатии к приоритетности общественных целей в возрастной когорте 40-летних — с 58,2 до 51,9%, в то время как среди молодежи этот сдвиг оказался незначительным. Государственно-общественным интересам отдает предпочтение когорта 70-летних мужчин, а «индивидуалистов» больше всего в когортах 20- и 40-летних мужчин. Жители крупных городов скорее склонны отдавать симпатии интересам государства и общества, а население мелких населенных пунктов более озабочено проблемами личной жизни. «Государственников» больше среди бюрократов, технических специалистов, работников учреждений, а «индивидуалистов» — среди промышленных рабочих, работников транспорта, строителей, в целом — представителей рабочих специальностей.

Таблица 4

Что важнее: государственно-общественные интересы или индивидуальные? (2009, 2010 гг.)*, %

Респонденты	Число ответивших	Важнее интересы государства и общества	Важнее индивидуальные интересы	Трудно сказать определенно	Не знаю
В целом	5 890 (6 214)	56,6 (52,2)	33,5 (33,6)	9,0 (13,0)	0,8 (1,2)
Мужчины	2 746 (2 942)	56,2 (53,2)	34,7 (34,0)	8,5 (12,1)	0,5 (0,7)
Женщины	3 144 (3 272)	57,0 (51,3)	32,5 (33,2)	9,4 (13,8)	1,1 (1,7)
20–29 лет	508 (462)	54,7 (53,5)	40,6 (36,6)	3,7 (8,4)	1,0 (1,5)
30–39 лет	960 (930)	55,1 (54,5)	37,5 (33,7)	6,8 (10,8)	0,6 (1,1)
40–49 лет	1 008 (1 003)	58,2 (51,9)	31,9 (36,4)	9,4 (10,9)	0,4 (0,8)
50–59 лет	1 186 (1 139)	56,2 (52,7)	33,7 (31,3)	9,4 (15,4)	0,6 (0,6)
60–69 лет	1 260 (1 446)	60,1 (52,6)	28,6 (32,7)	11,0 (14,0)	0,4 (0,8)
70 лет и старше	968 (1 234)	53,5 (49,4)	33,8 (33,1)	10,4 (14,7)	2,3 (2,8)

* Составлено по: Найкакуфу дайдин камбо сэйфу кохосицу. Сякай исики-ни кансүру ёрон тэса (Информационное бюро при Канцелярии кабинета министров. Опрос общественного мнения по проблемам общественного сознания). 2009 г. — <http://www8.cao.go.jp/survey/h20/h20-shakai/images/z01.gif>; 2010 г. — <http://www8.cao.go.jp/survey/h21/h21-shakai/1.html>.

Примечание: Цифры в скобках — данные за 2010 г.

Желание служить обществу

Вопрос был поставлен следующим образом: «Думаете ли вы о том, чтобы каким-либо образом быть полезным обществу?». В 2009 г. ответили «да, думаю» 69,3%, а в 2010 г. только 65,2%. И наоборот, доля тех, кто ответил «нет, не думаю», выросла с 28,5 до 32,2%. Наиболее сильное желание служить обществу проявляют возрастные когорты с 40 до 69 лет, а наименее сильное — 20-летние и 70-летние. Если взять комбинированный показатель пола и возраста, то самых видных «общественников» мы находим среди 50-летних мужчин и женщин с 40 до 69 лет. Наименее склонны приносить пользу обществу 20-летние и 70-летние мужчины, а также 70-летние женщины. Быть полезными обществу стремятся в первую очередь наемные работники и самостоятельные хозяева, среди них — бюрократы, технические специалисты, работники сервисной сферы. В наименьшей степени желают служить обществу безработные, а также работники лесного и рыбного хозяйства, промышленные рабочие, транспортники и строители.

Среди тех, кто ответил, что думает о том, чтобы быть полезным обществу, наибольшее число респондентов желают активно способствовать сохранению окружающей среды. Это движение принимает такие совершенно конкретные формы, как, например, тщательная сортировка отходов, агитация за участие в рециклировании пакетов из-под молока и т.п. В 2009 г. свое стремление способствовать улучшению среды обитания

обозначили 41,6%, а в 2010 г. — 37,4%. Опять-таки видим небольшое падение.

Другая сторона природоохранной деятельности — протесты, вызванные острыми проблемами загрязнения окружающей среды. Активисты протестного движения озабочены тем, что строительство новых авто-трасс, плотин, железных дорог, вырубание лесов угрожают остаткам дикой природы в стране. Протестные группы провозглашают цель сохранения Японии для будущих поколений.

На втором месте по частоте ответов стоит деятельность, связанная с благосостоянием общества, т.е. с повышением качества жизни. Сюда входят забота о престарелых и инвалидах, помощь нуждающимся, организация питания (например, школьников, рабочих и служащих по месту работы), воспитание подрастающего поколения. В 2009 г. предпочтение этим видам деятельности отдали 36,4% опрошенных, а в 2010 г. — 35,4%.

На третьем месте по популярности стоит общественная деятельность в муниципальных советах (организация поздравлений по случаю праздников, помощь в связи с печальными поводами, работа в кружках, организация досуга, мероприятия по усилению противопожарной безопасности и т.д.). Муниципальные программы охраны здоровья демонстрируют тотальную заботу о пенсионерах. Здесь цифры практически не изменились — 36,3 и 36,6%. Показательно, что выделившие именно этот вид деятельности проживают в основном в малых городах.

Примечательно и то, что о природоохранной деятельности и социальном благосостоянии в большей мере пекутся женщины, а деятельность в рамках муниципальных советов выделяют в своих ответах мужчины. С точки зрения возраста, охрана окружающей среды является приоритетом для 30- и 40-летних, социальное благосостояние, естественно, приоритетно для когорт 50- и 60-летних, а деятельность в рамках муниципальных советов выделяют в своих ответах 60- и 70-летние. Самые активные поборники охраны природы, по данным опроса 2010 г., — 30- и 40-летние женщины. О социальном благосостоянии наиболее рьяно пекутся 50- и 60-летние женщины. Среди сторонников муниципальной деятельности выделяются когорты 60- и 70-летних мужчин, а также 60-летних женщин.

С точки зрения профессиональной деятельности респондентов, за деятельность в области социального благосостояния преимущественно выступают работники торговли, сферы обслуживания и военнослужащие, а за приложение сил на поприще муниципальных советов — работники сельского, лесного и рыбного хозяйства.

Характер современной эпохи

Если заглянуть в опрос о том, что *положительного* в современной эпохе видят сегодняшние японцы, то самыми примечательными ценностями окажутся мирная обстановка (54,1% в 2009 г. и 57% в 2010 г.)

и стабильность (13,6% за оба года). Число ценящих чувство солидарности в обществе с 2009 по 2010 г. уменьшилось с 5,7 до 4,4%, а число высоко ставящих социальную ответственность — с 11,0 до 9,2%. Оптимистические настроения считали характеристикой нашего времени 6,8% в 2009 г. и 6,2% в 2010 г., мрачные — заметно больше: соответственно 18,7 и 16,8%⁶. Как видим, несмотря на ожидания перемен в связи с приходом к власти демократов, оптимизма в обществе чуть поубавилось, но и пессимистов стало почти на 2% меньше. В целом, что удивительно, ожидания перемен в любом случае не вызвали волны оптимистических настроений в японском обществе.

Среди привлекающих внимание деталей в подробной раскладке отметим следующее. Доля ответивших, что основной чертой современной эпохи является «мирная обстановка», выше в малых городах и в сельской местности, причем это в основном мужская часть населения. С точки зрения совокупного показателя пола и возраста, на «мирную обстановку преимущественно указали 60-летние мужчины, а «стабильность» отметили 60- и 70-летние мужчины.

Посмотрим более внимательно на динамику тех моментов, которые японцы отмечают как негативные отличительные черты эпохи (см. табл. 5).

Таблица 5

Отрицательные характеристики современной эпохи*, %

Год	Усиление тенденции к безответственности	Эгоизм	Отсутствие самоограничений	Инертность, апатия общества	Наращение тревожности и раздражительности	Недостаток чувства солидарности
1998	48,2	42,5	33,9	26,3	27,4	26,3
2000	53,0	46,8	31,1	22,0	27,1	28,2
2002	47,5	40,6	35,8	30,5	28,4	26,0
2004	46,8	42,0	36,0	25,8	29,2	26,2
2005	52,6	45,8	32,6	22,2	30,8	29,3
2006	55,6	47,2	31,6	22,2	30,3	30,5
2007	58,3	51,3	33,7	18,2	30,2	34,4
2008	55,6	47,5	37,3	21,9	29,8	32,6
2009	52,5	45,8	42,9	34,3	33,9	33,1
2010	47,4	42,7	42,0	35,7	30,3	30,3

* Составлено по: Найкакуфу дайdzин камбо сэйфу кохосицу. Сякай исики-ни кансүру ёрон тёса (Информационный отдел при Канцелярии кабинета министров. Опрос общественного мнения по проблемам общественного сознания). — www8.cao.go.jp/survey/h18/h18-shakai/index/html; www8.cao.go.jp/survey/h21/h21-shakai/z15.gif

Если взглянуть ретроспективно, то переломным годом был 2004-й: большинство отрицательных моментов занимают невысокое место по сравнению с другими годами. Это был год, когда обнаружили первые признаки выхода из затяжного кризиса, длившегося с 1991 г. После этого массовое сознание больше фокусируется на негативе. Такие показатели, как «усиление тенденции к безответственности» и «эгоизм», наи-

высших баллов (соответственно 58,3 и 51,3%) достигают в 2007 г., когда общество стало терять веру в реформы. Поражает то, что доля респондентов, назвавших инертность и апатию в качестве характерной черты современной эпохи, выросла по сравнению с опросом 2009 г. (34,3%) и достигла 35,7%! Это напрочь развенчивает утверждения прессы об активизации японского общества.

В актив демократам следует, однако, записать то, что заметно снизилось число респондентов, считающих чертами современной эпохи «усиление тенденции к безответственности» (на 5,1%) и «эгоизм» (на 3,1%). Это резко контрастирует с рекордными показателями 2007 г. (58,3 и 51,3% соответственно). Разница в 10% весьма показательна и говорит об улучшении морального климата в стране.

Из деталей опроса отметим следующие. Мужчины выделяют прежде всего «усиление тенденции к безответственности», а женщины — «вседозволенность». «Безответственность» и «эгоизм» чаще упоминаются в ответах 50- и 60-летних, «вседозволенность» — 40- и 50-летних, а «инертность, апатия» — 30- и 50-летних. Судя по совокупному половозрастному показателю, «безответственность» волнует главным образом 50-летних мужчин, «эгоизм» отмечают в основном 50- и 60-летние мужчины, а также 40- и 50-летние женщины, «вседозволенность» — опять-таки 40- и 50-летние женщины, «апатию» — 30-летние мужчины и 30- и 50-летние женщины.

С точки зрения профессиональной принадлежности, на «безответственность» и «эгоизм» чаще указывают бюрократы, технические специалисты, конторские служащие, на «вседозволенность» — те же группы, а также работники сферы обслуживания, промышленные рабочие и транспортники, на «апатию» — работники торговли, сферы обслуживания, военнослужащие и т.д.

Почему японцы гордятся своей страной

Таблица 6

Основания гордости за Японию*, %

Основание	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Красота природы	37,3	38,5	39,1	41,0	36,5	46,6	50,9	49,4
Долгая история и традиции	37,3	39,7	39,9	42,4	43,6	48,1	47,5	47,9
Выдающиеся культура и искусство	32,6	34,9	38,4	40,4	41,8	44,9	47,2	46,3
Трудолюбие и способности народа	25,3	24,9	25,1	27,9	29,8	28,1	32,9	32,5
Высокий уровень общественной безопасности	26,9	20,0	18,0	20,6	24,0	30,1	36,4	42,5
Мирное и свободное общество	22,0	–	–	–	23,3	27,0	28,4	26,3
Высокий уровень науки и техники	13,5	–	–	–	21,2	22,0	27,4	24,9

Продолжение табл. 6

Основание	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Высокое чувство долга и человечность народа	15,7	–	–	–	19,8	22,2	24,7	22,9
Высокий уровень образования	15,7	–	–	–	12,3	13,4	16,3	16,7
Экономическое преуспевание	8,2	–	–	–	11,5	10,2	9,9	7,4
Стабильность общества	9,4	–	–	–	10,2	10,0	9,7	9,1
Единство, сплоченность народа	3,2	–	–	–	3,1	4,3	4,0	4,3

* Составлено по: Найкакуфу дайзин камбо сэйфу кохосицу. Сякай исики-ни кансүру ёрон тёса (Информационный отдел при Канцелярии кабинета министров. Опрос общественного мнения по проблемам общественного сознания). — www8.cao.go.jp/survey/h18/h18-shakai/index/html; www8.cao.go.jp/survey/h21/h21-shakai/2-2.html.

Как следует из табл. 6, достаточно стабильно первые три места занимают такие ценности, как «красота природы» (в 2010 г. 49,4%), «долгая история и традиции» (47,9%), а также «выдающиеся культура и искусство» (46,3%). А вот «экономическое преуспевание» оказалось на одном из последних мест (7,4%)! Причем по сравнению с предыдущим годом этот показатель снизился на 2,5%, продолжив тенденцию.

Налицо фундаментальная смена парадигмы по сравнению с периодом «экономического чуда». Япония выступает в новой роли «культурной державы», преодолев приписываемый ей комплекс «экономического животного». Тут меркнут все суждения о японце как об «идеальном потребителе». Очевидно, в ретроспективе это самое главное изменение взглядов японцев, формирующих их идентичность.

Каких-либо серьезных изменений в данных показателях за исследуемый период нахождения у власти демократов не обнаруживается, да их и едва ли следовало ожидать в социокультурной сфере, которая демонстрирует завидное постоянство. Отметим разве, что такой показатель, как «высокий уровень общественной безопасности», несколько поднялся: с 36,4% в 2009 г. до 42,5% в 2010 г. Вообще, как свидетельствуют результаты опросов, в последние годы японцы все более гордятся тем, что общественная безопасность в их стране на высоте.

Вдаваясь в детали ответов на вопрос, почему японцы гордятся своей страной, отметим несколько моментов. Гордость за «выдающиеся культуру и искусство» испытывают в наибольшей степени жители средних городов. «Красоту природы» и «выдающиеся культуру и искусство» заметно больше ценят женщины, а «общественную безопасность» — мужчины. «Красотой природы» более гордятся 50- и 60-летние, «выдающимися культурой и искусством» — довольно ровно почти все возрастные когорты — с 20 до 59 лет, «общественной безопасностью» — с 30 до 59 лет. По профессиональной принадлежности респонденты, гордящиеся «длинной историей и традициями», — это преимущественно бюрократы, технические специалисты, конторские служащие, а выделяющие «вы-

дающиеся культуру и искусство» и «общественную безопасность» — торговые служащие, работники сферы обслуживания и пр.

Степень удовлетворенности обществом

Таблица 7

Основания для удовлетворенности состоянием общества*, %

Основание	2009 г.	2010 г.
Хорошо налаженные условия жизни	30,8	29,6
Уровень обеспечения телесного и духовного здоровья	20,6	20,3
Возможности для социальной активности женщин	18,3	15,1
Возможности удовлетворения своих амбиций и развития	18,2	15,5
Возможности установления личных взаимных контактов	14,5	13,3
Возможности установления личных взаимных контактов для людей пожилого возраста	12,4	11,0
Легкость в выборе работы	12,1	9,8
Возможности для самореализации	7,4	5,2
Возможности для молодежи встать на ноги	3,3	2,3
Наличие свободы и перспектив для экономики	3,7	3,2

*Составлено по: Найкакуфу дайdzин камбо сэйфу кохосицу. Сякай исики-ни кансүру ёрон тэса (Информационный отдел при канцелярии кабинета министров. Опрос общественного мнения по проблемам общественного сознания). — www8.cao.go.jp/survey/h21/h21-shakai/images/z19.gif

Как представляется, по данным табл. 6 вполне можно судить об уровне удовлетворенности японцев состоянием общества. Чтобы правильно оценить цифры таблицы, добавим, что «Не могу отдать предпочтение чему-либо» ответили 27,7% в 2009 г. и 32,7% в 2010 г.

Сравнение двух столбцов поражает вот чем: абсолютно по всем позициям удовлетворенность уменьшилась. Особенно «ужалось» число ответивших положительно по пунктам «возможности для общественной активности женщин», «возможности удовлетворения своих амбиций и развития» и «легкость в выборе работы».

Пожилые люди стали более озабочены трудностями установления контактов с окружающими. Возросло недовольство общества тем, что трудно выбрать род деятельности, уменьшились возможности для молодежи встать на ноги, возросло беспокойство по поводу свободы предпринимательства и экономических перспектив, что является закономерной реакцией на затяжной выход из глобального экономического кризиса, который стал наиболее серьезным испытанием для японцев.

Наиболее довольны «налаженными условиями жизни» жители крупных и средних городов. Мужчины чаще отвечают, что удовлетворены «на-

лаженными условиями жизни», тогда как среди женщин наиболее популярны ответы «возможности для социальной активности женщин» и «возможности установления личных взаимных контактов». По половозрастному показателю удовлетворенность условиями жизни характерна для мужчин от 20 до 49 лет и 30- и 40-летних женщин. «Уровень обеспечения духовного и телесного здоровья» удовлетворяет более всего женщин из когорты 20-летних. «Возможности удовлетворения своих амбиций» назвали прежде всего 40-летние мужчины и 50-летние женщины. «Возможности социальной активности женщин» вполне удовлетворяют основные когорты женщин от 20 до 69 лет. А «возможности установления личных взаимных контактов» выделяют 50- и 60-летние женщины.

Но помимо *удовлетворенности* существует и *неудовлетворенность* состоянием общества. Экономическим положением и перспективами экономики в 2010 г. были недовольны 48,1%, возможностями для молодежи встать на ноги — 39,1% (причем этот показатель повысился с 2009 г. на 2,5%), сложностями, сопровождающими выбор работы, — 32,2% (в 2009 г. таких было 28,3%). Экономическими перспективами и трудностями в получении работы не удовлетворены в основном мужчины с 30 до 59 лет. Возможностями для молодежи встать на ноги недовольны в первую очередь 50-летние мужчины и 40- и 50-летние женщины. Короче говоря, число недовольных несколько подросло практически во всех возрастных когортах и социальных группах.

Обществом в целом в той или иной степени удовлетворены 41,2% (лишь 4,2% «полностью» и 37,0% «в определенной мере»). В 2009 г. «полностью» удовлетворенных состоянием общества было 4,4%, а «в определенной мере» — 35,5%. В 2010 г. не удовлетворены состоянием общества 58,0% («в некоторой степени» — 41,9%, «определенно недовольны» — 16,1%). Годом ранее «в некоторой степени» не чувствовали удовлетворенности 42,6%, а об «определенном недовольстве» заявили 17,0%.

С точки зрения профессиональной принадлежности, к разряду недовольных нынешним состоянием общества следует причислить в первую очередь бюрократов, технических специалистов и конторских служащих. Среди недовольных — прежде всего работники торговли и сферы обслуживания, военнослужащие, промышленные рабочие, транспортники, строители и другие рабочие специальности.

Бросается в глаза, что самой неудовлетворенной состоянием общества когортой являются 40-летние японцы: 50,1% «в некоторой степени» не удовлетворены и 15,7% «определенно» не удовлетворены. Самые удовлетворенные обществом японцы входят в возрастную когорту «70 лет и старше», причем 8,2% из них (в два раза больше, чем по стране в среднем!) заявили, что «полностью удовлетворены», и 42,1% — что удовлетворены в «определенной мере». Видимо, социальная модель, в которой беспрецедентное внимание уделяется проблемам пожилых и престарелых, действует вполне успешно.

В общем, как свидетельствует статистика, за первоначальный период правления демократов никаких существенных перемен в удовлетворенности состоянием общества не произошло.

Оценки политики государства

Следующая часть опроса общественного мнения, проведенного в 2010 г. Информационным отделом Канцелярии кабинета министров, посвящена оценкам государственной политики. Выберем наиболее интересные результаты и рассмотрим их поподробнее.

В ходе указанного и аналогичных опросов респондентам задавали вопрос: «Отражает ли политика государства мнение народа?». Вот как распределялись их ответы (%):⁷:

Год	Отражает	Не отражает
2000	15,1	80,3
2001	15,3	79,8
2002	15,0	79,3
2003	17,5	77,4
2004	20,9	73,4
2005	17,9	76,8
2006	24,1	71,2
2007	20,9	75,3
2008	21,8	75,2
2009	16,8	80,7
2010	22,8	73,1

На первый взгляд картина выглядит весьма пессимистически. Доля тех, кто считает, что политика государства отражает мнение народа, в 3–5 раз меньше доли тех, кто отказывает ей в этом. Тем не менее именно после прихода к власти демократов число первых возросло с 16,8 до 22,8%, а вторых снизилось с 80,7 до 73,1%. Несомненно, это отражает итоги выборов августа 2009 г., когда ДПЯ одержала блистательную победу.

Посмотрим на более детальную раскладку результатов анкетирования 2010 г. по половозрастным признакам (табл. 8).

Сразу обратим внимание на то, что самые молодые возрастные когорты с 20 до 49 лет весьма скептически глядят на проблему: тех, кто считают, что политика «полностью отражает» мнение народа, ничтожно мало, от 0,4 до 0,6%, а считающих, что «отражает в некоторой степени» — от 16,5 до 19,5%. Заметный перелом в доверии к политикам начинается после 50 лет, и пика это доверие достигает в возрастной когорте «70 лет и старше» — вкуче 29,2%, а это почти каждый третий престарелый японец.

Мужчины чуть больше верят, что политика отражает чаяния народа, нежели женщины. Если посмотреть по профессиональному признаку, к скептически настроенным японцам следует отнести в первую очередь бюрократов, технических специалистов, конторских служащих, работников торговли и сферы обслуживания, военнослужащих и т.д.

Таблица 8

Отражает ли политика государства мнение народа? (2010 г.)*, %

Респонденты	Полностью отражает	Отражает в некоторой степени	Довольно плохо отражает	Совсем не отражает	Не знаю
Всего	1,6	21,2	55,0	18,0	4,1
Мужчины	1,7	25,8	51,8	18,8	1,9
Женщины	1,5	17,1	57,9	17,4	6,1
20–29 лет	0,4	19,5	53,5	23,4	3,2
30–39 лет	0,6	16,5	60,5	20,8	1,6
40–49 лет	0,4	18,4	60,8	18,8	1,5
50–59 лет	1,2	21,1	55,2	20,3	2,2
60–69 лет	1,4	23,7	55,8	15,8	3,3
70 лет и старше	4,2	25,0	45,7	13,9	11,2

* Составлено по: Найкакуфу дайdzин камбо сэйфу кохосицу. Сякай исики-ни кансүру ёрон тэса (Информационный отдел при Канцелярии кабинета министров. Опрос общественного мнения по проблемам общественного сознания). — www8.cao.go.jp/survey/h21/h21-shakai/images/z25.gif.

Таблица 9

Причины, по которым государство отражает мнение народа в своей политике*, %

Респонденты	Политики прислушиваются к голосу народа	Народ интересуется политикой государства	Расширяется участие народа в политике	Народ делает сознательный выбор, идя голосовать	Правительство учитывает общественное мнение	СМИ хорошо отражают взгляды народа
Всего	26,2	19,7	16,7	15,2	13,8	5,4
Мужчины	23,8	21,3	15,7	16,5	13,3	5,9
Женщины	28,4	17,6	17,6	14,0	14,3	4,9
20–29 лет	29,9	18,7	21,3	9,9	11,9	6,3
30–39 лет	24,0	19,4	25,4	10,3	14,1	4,7
40–49 лет	24,6	22,8	20,5	9,8	15,5	4,7
50–59 лет	23,3	19,5	18,5	16,1	14,6	5,5
60–69 лет	26,2	19,9	12,0	19,2	13,7	6,4
70 и старше	31,1	17,4	7,8	20,8	12,4	4,8

* Составлено по: Найкакуфу дайdzин камбо сэйфу кохосицу. Сякай исики-ни кансүру ёрон тэса (Информационный отдел при Канцелярии кабинета министров. Опрос общественного мнения по проблемам общественного сознания). — www8.cao.go.jp/survey/h21/h21-shakai/images/z27.gif.

Примечание: Учитывались ответы тех, кто считает, что государственная политика отражает мнение народа «в некоторой степени», «довольно плохо отражает», «совсем не отражает».

Как свидетельствуют данные табл. 9, женщины более склонны считать, что «политики прислушиваются к голосу народа», чем мужчины (28,4 против 23,8%). Кроме того, обращает на себя внимание то, что са-

мая молодая когорта (20-летние) считает так же (29,9% — заметно выше средней цифры). Еще более уверены в этом лишь лица 70 лет и старше (31,1%) — т.е. крайние возрастные когорты здесь консолидировались.

В ответе «расширяется участие народа в политике» с заметным отрывом лидирует когорта 30-летних (25,3% при средней величине, напомним, 16,7%)! Менее всего так склонны считать самые старшие — 7,8% (к ним близко примыкают 60- и 50-летние). Дело в том, что старшее поколение японцев не ценит возможность оказывать влияние на политику. Замкнутые в рамках своей профессии и традиционных интересов, они чувствуют себя неуютно, попадая на «чужое поле» профессиональных политиков. Так, в стране издавна сложился своеобразный «фаустовский пакт»: общество доверяет политикам, а политики занимаются своим делом, не испытывая раздражающего бремени бдительного общественного контроля. Но этот традиционный феномен явно не работает, как показывает статистика, для трех самых молодых когорт респондентов. Они всячески приветствуют возможность участвовать тем или иным образом в политических процессах.

Зато, обратите внимание, три самые старшие когорты гораздо больше верят в избирательные процедуры (70-летние — 20,8%), тогда как три молодые когорты, видимо будучи осведомленными об электоральных манипуляциях, не слишком склонны указывать на то, что «народ делает сознательный выбор, идя голосовать» (20-летние — 9,9%, более чем в два раза меньше, чем в когорте пожилых!).

Если сравнить результаты опросов 2009 и 2010 гг., то видны некоторые изменения. Доля выбравших вариант ответа «политики прислушиваются к голосу народа» упала с 27,5 до 26,2%⁸. Зато показатель, характеризующий интерес народа к политике, повысился с 18,8 до 19,7%, что отражает реакцию народа на смену декораций на политической сцене сегодняшней Японии. Другие показатели, наоборот, обнаруживают небольшую тенденцию к снижению, кроме суждения о том, что «СМИ хорошо отражают взгляды народа» (рост с 4,1 до 5,4%). Но тут поражает другое — насколько скептически японцы относятся к этому суждению, оставляя его почти на обочине. Это красноречиво говорит об отношении населения к СМИ в стране с самыми высокотиражными газетами и феноменально развитым телевидением.

Из любопытных статистических данных упомянем еще и то, что ответ «политики прислушиваются к голосу народа» наиболее часто звучал в малых городах и сельской местности. Здесь, видимо, сказывается некоторая патриархальность их населения, склонного в более значительной степени доверять политикам, чем жители крупных городов.

Респондентам в ходе опросов было также предложено выделить те сферы, в которых дела улучшаются, и те, в которых дела идут все хуже. Удивительно, но среди первых респонденты выделяют сферы, далекие от насущных политических проблем, такие как «развитие науки и техники», «медицина и благосостояние», «транспорт и связь» и «противопожарную

безопасность». Отметим лишь пару тенденций. Лидирует по числу ответов категория «развитие науки и техники». Тем не менее, если в 2009 г. считали, что дела в этой сфере шли хорошо, 28,1%, то в 2010 г. — только 20,7%. И это несмотря на то, что новый экономический курс правительства Наото Кан делает упор на внедрение инноваций. Отметим также, что удовлетворенность развитием науки и техники выражают 20- и 30-летние мужчины, а здравоохранением и благосостоянием — 20-летние женщины.

Обратную картину наблюдаем со сферами, в которых, по мнению респондентов, дела продвигаются плохо (%)⁹:

Сфера	2009 г.	2010 г.
Общее положение дел	68,6	63,1
Занятость, условия работы	57,5	56,5
Государственные финансы	42,9	47,6
Экономическая мощь	38,1	39,2
Товары и цены	41,7	32,5
Внешняя политика	20,5	28,3

Из приведенных данных сразу же становится очевидным, что большинство населения весьма пессимистически оценивает общее положение дел, если в 2010 г. 63,1% сочли, что оно обнаруживает негативную тенденцию. Тем не менее пессимистов стало меньше, чем в 2009 г., на 5,5%. Это означает, что с приходом к власти ДПЯ несколько оживились надежды на общее улучшение конъюнктуры.

Заметный рост за последний год обнаружили негативные оценки состояния государственных финансов (на 4,7%) и внешней политики (на 7,8%). Сказалась волатильная конъюнктура финансовых рынков и неудачные переговоры о переносе американской военной базы Футэмма. Зато стало меньше тех, кто недоволен ценовой политикой (на 9,2%).

Состоянием экономики более всего недовольны жители крупных городов. Считают, что негативные тенденции характерны для общего положения дел в первую очередь респонденты от 30 до 59 лет, для государственных финансов и занятости — от 40 до 59 лет, а для экономической мощи — от 20 до 59 лет.

Среди конкретных мер по улучшению экономического положения респонденты назвали, например, «необходимость усиливать меры, в центре которых совершенствование налоговой системы и социальных гарантий». Если в 2009 г. считавших так японцев было 38,7%, то в 2010 г. их стало 31,5%.

«Хорошее общество»: формирование новой национальной идеи

Если суммировать результаты опросов общественного мнения, проведенных Информационным отделом Канцелярии кабинета министров, то мы увидим, что состояние общественного национального сознания не

претерпело каких-либо существенных изменений после прихода к власти ДПЯ. Все основные тенденции сохранились. Правда, обращает на себя внимание тот факт, что доля тех, кто ставит общественные интересы выше личных, за это время снизилась на 4,4%.

Большинство населения Японии полагает, что важнейшим приоритетом общества должно быть не просто экономическое процветание, а стремление обеспечить населению достойную жизнь, иначе говоря, психологически комфортное существование, в котором фрустрирующие факторы и риски сведены до минимума, отсутствуют условия для возникновения социальных и культурных травм (П. Штомпка), а державные амбиции отступают на второй план. Складывается общество, в котором процветание и социальная стабильность обеспечиваются саморегуляцией, в котором люди проявляют друг к другу уважение и внимание, где минимизированы экологические проблемы, где главными ценностями считаются нравственность, умеренность (в смысле — осуждение излишней роскоши и корысти), обеспечена личная безопасность каждого, приветствуется приверженность духовным ценностям. Цели построения «хорошего общества» («good society») были сформулированы еще в период правления либерал-демократов. «Необходимые условия здорового менеджмента японской демократии включают широкое либеральное образование, культивацию „общественного духа“ и повышение профессионализма специалистов в таких сферах, как массмедиа, управление и бизнес»¹⁰, — отмечает профессор Киотского Научно-исследовательского института японской культуры Такэнори Иноки.

«Хорошее общество» — это, судя по результатам опросов общественного мнения, прежде всего моральное общество. Западное общество в основном удовлетворяет насущные материальные потребности человека, но часто не в состоянии обеспечить его безопасность, устранить боязнь потерять работу, дать индивидууму надежные социальные гарантии. Западное общество часто не в состоянии обеспечить безопасность человека, устранить боязнь потерять работу, дать индивидууму надежные социальные гарантии. «Хорошее общество» в японском варианте — это прежде всего общество, построенное на разделяемых большинством его членов ценностях.

Примечания

¹ *Карибэ Ё.* Феномен длительного правления консерваторов в Японии: политические факторы и механизмы. Автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. полит. наук. М., 2007, с. 25.

² <http://slon.ru/blogs/baunov/post/123330/>

³ Найкакуфу дайзин камбо сэйфу кохосицу. Сякай исики-ни кансүру ёрон тэса (Информационный отдел при Канцелярии кабинета министров. Опрос общественного мнения по проблемам общественного сознания). — <http://www8.cao.go.jp/survey/h21/h21-shakai/shakai/images/z32.gif>.

⁴ NHK хосо бунка кэнкюдзё. Сякай я сэйдзи-ни кансуру ёрон тёса (Институт культуры вещания NHK. Опрос общественного мнения об обществе и политике). 2010 г. — www.nhk.or.jp/bunken/research/yoron/shakai/list_shakai1.html.

⁵ <http://slon.ru/blogs/baunov/post/123330/>

⁶ www8.cao.go.jp/survey/h21/h21-shakai/1/html.

⁷ Составлено по: Найкакүфу дайзин камбо сэйфу кохосицу. Сякай исики-ни кансуру ёрон тёса (Информационный отдел при Канцелярии кабинета министров. Опрос общественного мнения по проблемам общественного сознания).— www8.cao.go.jp/survey/h21/h21-shakai/images/z26.gif.

⁸ NHK хосо бунка кэнкюдзё. Нихондзин-но исики-ни кансуру ёрон тёса (Институт культуры вещания NHK. Опрос общественного мнения, посвященный сознанию японцев). Опрос № 37. — www.nhk.or.jp/bunken/research/yoron/shakai/list_shakai1.html.

⁹ Составлено по: Найкакүфу дайзин камбо сэйфу кохосицу. Сякай исики-ни кансуру ёрон тёса (Информационный отдел при Канцелярии кабинета министров. Опрос общественного мнения по проблемам общественного сознания).— www8.cao.go.jp/survey/h21/h21-shakai/images/z32.gif.

¹⁰ *Inoki T.* The Problem of Japanese Democracy. — *Nichibunken Newsletter*. 2007, № 65, January, p. 5–6.

К.О. Саркисов

США ИЛИ КИТАЙ?

ДИЛЕММА СТРАТЕГИЧЕСКОГО ВЫБОРА ДПЯ

Победа Демократической партии Японии (ДПЯ) на выборах в августе 2009 г. и ее поражение в июле 2010 г. позволяют говорить о трансформации политической системы страны. В прошлом бывали случаи, когда монополюльно владевшая властью Либерально-демократическая партия (ЛДП) на короткое время уходила в оппозицию. На этот раз ситуация иная. Партию покинули группы прежде весьма влиятельных политиков, а ее популярность остается низкой, что ставит под сомнение ее быстрое возвращение во власть. Следовательно, есть основания утверждать, что в Японии спустя полвека наконец-то свершился переход от моноцентричной (политической монополии ЛДП) модели власти к полицентричной (многопартийности).

Демократы, пришедшие к власти, попытались сделать то же самое и во внешней политике — перейти от односторонней ориентации на США, к «полицентричности». Но их попытки оказались неудачными. Прочная привязка к США не только сохранилась, но и получила полное «благословение» новой власти. Причина «дихотомии» внутренней и внешней политики прежде всего в различном к ним отношении общества. Безработица, катастрофический по размерам дефицит бюджета, пенсионная реформа, проблемы образования, хроническая дефляция, политическая нестабильность (пять правительств за четыре года) и другие внутренние проблемы волнуют избирателей куда больше, чем отношения с США ли Китаем. Отставка кабинета Юкио Хатояма в июне 2010 г. казалась результатом его неудачной попытки добиться от США согласия на вывод базы морских пехотинцев за пределы Окинавы. На самом же деле сработал внутренний фактор — скандал с манипулированием пожертвованиями в пользу партии, в котором Хатояма был замешан¹. Уход в отставку премьера одновременно с генсеком партии Итиро Одзава, с давних пор имевшего стойкую репутацию коррупционера, поднял рейтинг демократов на десятки процентов. И это несмотря на то, что новый премьер Наото Кан твердо заявил, что он выполнит крайне непопулярное решение о сохранении американской базы.

© Саркисов К.О., 2011

И все же вопросы внешней политики при обострении ситуации в регионе или в мире при их раскручивании средствами массовой информации имеют высокий рейтинговый резонанс, оказывая большое влияние на результаты выборов. В целом приведение внешнеполитической стратегии в соответствие с глобальными сдвигами на международной арене — для общественного мнения Японии вопрос назревший. Но решить эту задачу способна только мощная политическая власть, пользующаяся поддержкой и доверием подавляющего большинства населения. На сегодняшний день такой политической силы нет. Лет двадцать тому назад ЛДП была способна выполнить эту миссию. Сегодняшняя правящая партия была и остается политической силой, с которой связаны лишь *надежды* на коренные перемены. А они пока не оправдываются. Это сказалось на последних выборах в верхнюю палату парламента в июле 2010 г., и теперь демократы утратили способность без серьезных уступок оппозиции проводить через парламент законы. Ожидать от нее смелых шагов во внешней политике не приходится. Новый лидер ДПЯ — Наото Кан, непосредственно виновный в поражении на этих выборах из-за опрометчивого заявления по поводу повышения потребительского налога, не искушен в вопросах внешней политики. В самой партии отсутствует единый центр силы. Очень влиятельна и многочисленна группа депутатов, близких к Одзава. В этих условиях не приходится говорить о политической воле партии, способной формулировать и реализовывать крупные инициативы во внешней политике. Это неизбежно приводит к усилению роли МИД Японии, который, как всякое бюрократическое учреждение, крайне консервативен и не склонен к резким поворотам.

Но рано или поздно демократы или любые другие, которые могут их сменить у руля власти, вынуждены будут решать вопрос о приведении внешней политики в соответствие с радикальными переменами в глобальной политике и в глобальном соотношении сил. И первое с чего нужно будет начинать — это отношения с Соединенными Штатами.

Отношения с США

Уже с начала «нулевых» годов назрела острая необходимость поисков новых подходов, пересмотра концепции японо-американского союза как «краеугольного камня» внешней политики страны. События 9 сентября, войны в Ираке и Афганистане, раскрученный международный террор, тупиковая ситуация на Ближнем Востоке, ядерные проблемы Ирана и Северной Кореи, быстрый рост мощи Китая и остальных стран, не входящих в традиционную орбиту Запада, мировой экономический кризис 2008 г. и другие события изменили соотношение сил на международной арене. В этих условиях сохранение союза с США в тех формах и масштабах, которые сложились в 1960–1980-е годы, стало анахронизмом. Рывавшаяся к власти Демократическая партия Японии стремилась использовать настроения в обществе, и новое осмысление союза

с США сформулировала как свою главную задачу в области внешней политики.

Накануне выборов в нижнюю палату парламента 27 июля 2009 г. штаб партии опубликовал предвыборную программу («Манифест»), в которой делалась заявка на «самостоятельность» и «равноправие» в союзе с США, чего никогда не было до этого: «На основе самостоятельной стратегии внешней политики и в целях созидания тесных равноправных японо-американских отношений — фундамента внешней политики Японии — активно выполнять свою роль, разделяя с США ответственность... приступить к пересмотру вопросов, связанных с передислокацией вооруженных сил США и присутствием военных баз США в Японии»².

Демократы предлагали новый баланс союзнических связей: «тесные» отношения как «фундамент внешней политики» в обмен на признание за Японией равной ответственности и «самостоятельности» в стратегических вопросах. Традиционный курс на «усиление» японо-американского союза демократы после прихода к власти заменили курсом на «углубление», что только на первый взгляд выглядело как одно и то же. В этой семантической уловке проглядывало намерение подвести новый фундамент под двусторонние отношения.

Помимо глобальных перемен действия демократов были стимулированы событиями в самих Соединенных Штатах. Приход к власти президента Обамы под лозунгом «перемен» создавал впечатление, что США могут сочувственно отнестись к стремлению Японии добиться перемен и в двусторонних отношениях. Но эти ожидания не оправдались. Американцы, как оказалось, готовы были к переменам в разных сферах, но только не в сфере двустороннего Договора безопасности. Они однозначно отрицательно расценивали перспективы вывода баз не только за пределы Японии, но и за пределы Окинавы, где была сосредоточена большая часть вооруженных сил США в Японии. На какие-то косметические и частичные сокращения Вашингтон был готов. Но это не касалось главного — в Японии сохранялся основной костяк сил передового базирования США в Азии. Изначально предназначенные для «сдерживания» Китая и участия в операциях в случае военного столкновения в Корее или в районе Тайваньского пролива, они теперь использовались и для военных действий на Ближнем Востоке³.

В «японскую команду» администрации Обамы были назначены те, кто во времена Буша формулировал политику в отношении Японии, и особенно по вопросу о базах на Окинаве. Курт Кембелл, при президенте Буше ответственный за перевод базы Футэмма на север Окинавы, в местечко Хэноко, стал заместителем госсекретаря. Новый руководитель японского отдела Государственного департамента Кевин Маэр работал в те времена генеральным консулом США на Окинаве⁴.

В свой начальный период эта команда имела дело с правительством Асо, что было вполне комфортно. Но по мере того как становилось ясно, что либерал-демократы могут потерпеть поражение на выборах и к вла-

сти придут демократы, администрация Обамы с беспокойством стала следить за их дрейфом к «самостоятельности». Особое беспокойство у них вызывал тогдашний лидер ДПЯ — Итиро Одзава. Старый политический волк, он давно почуял запах перемен и сделал ставку на отход от односторонней ориентации на США. В своих публичных заявлениях он поначалу подверг сомнению законность действий военно-морских Сил самообороны Японии по снабжению топливом военных кораблей, задействованных в войне в Афганистане. Их участие в ISAF (Международные силы содействия безопасности — возглавляемый НАТО международный контингент в Афганистане), по его мнению, было «антиконституционным». В мае 2009 г., во время визита госсекретаря США Хиллари Клинтон, Одзава выделил на встречу с ней всего 30 минут. А позднее, на встрече с китайским представителем, заявил, что «военный союз» с США мог бы ограничиться «присутствием 7-го флота», т.е. военно-морской базой Ёкосука⁵. Спустя некоторое время после этого заявления генеральная прокуратура Японии выдвинула новые обвинения в адрес Одзавы в коррупции, и он вынужден был покинуть пост главы партии, став ее генеральным секретарем. Это было воспринято как «месть» США неуголовному политику⁶.

Но Одзава не сдавался. По его инициативе 10 декабря 2009 г. состоялся визит многочисленной делегации парламентских депутатов от ДПЯ в Пекин. Сцена, когда 600 членов делегации, из которых 146 были депутатами одной из палат японского парламента, по очереди здоровались за руку с председателем КНР Ху Цзиньтао, стала политическим шоу, смысл которого для США был достаточно зловещим.

Но эта демонстрация «особых отношений» с Китаем имела обратный эффект. Общественное мнение, в целом настроенное в пользу перемен в союзе с США и сокращения их военного присутствия, стало опасаться крена в сторону Пекина. Некоторые аналитики, бившие тревогу по поводу «антиамериканизма» Одзавы, писали, что такой поворот в политике напоминает «самоубийственную дипломатию» 30-х годов прошлого столетия, когда Япония от политики сотрудничества с Англией и США повернула в сторону «тройственного союза» с Германией и Италией⁷.

Ненамного лучшим было отношение в Вашингтоне к преемнику Одзавы на посту председателя ДПЯ, позднее премьер-министру Японии — Юкио Хатояма. В США давно обратили внимание на его стремление пересмотреть отношения с США в сторону «равноправия». В конце 1990-х в США была опубликована статья, в которой Хатояма ратовал за «комплексный пересмотр» Договора безопасности с США, а вывод военных баз США из Окинавы к 2010 г. называл первостепенной задачей⁸.

Американцем была не по душе и политическая философия Хатояма — *юай* («братство», один из трех лозунгов Великой французской революции). Хатояма утверждал, что «глобализация», раскрученная Соединенными Штатами после «холодной войны», в действительности не что иное, как «капиталистический фундаментализм», при котором «человеческое

достоинство оказывается попраным, а сам человек не цель, а лишь средство достижения цели»⁹.

В США обратили внимание на то, что своим «наставником» по внешнеполитическим вопросам Хатояма избрал слывущего «антиамериканистом» видного японского политолога Дзицуру Тэрасима. Тэрасима открыто писал, что союз с США — анахронизм и не учитывать радикальные перемены в мире, и прежде всего относительное ослабление США и значительное усиление Китая, нелепо. Японским национальным интересам больше отвечает равносторонность «треугольника» Япония–США–Китай, заявлял Тэрасима¹⁰. Он советовал отказаться от ориентации на США как противоречащей здравому смыслу.

«Спустя 65 лет после окончания войны на Тихом океане и 20 лет после окончания „холодной войны“ 40 тыс. американских военных (50 тыс., вместе с членами семей) располагаются на американских военных базах в Японии площадью в 1010 кв. км (в 1,6 раза больше территории Токио). Четыре из пяти самых крупных американских военных баз за рубежом находятся в Японии (военно-морская база Ёкосука, военно-воздушные базы Кадэна, Мисава и Ёкота). По Соглашению о статусе вооруженных сил США в Японии любая территория в стране может быть отдана под базы, которые создаются исключительно по решению представителей совместной комиссии двух правительств (статья 2), даже без одобрения японского парламента. Базы концентрируются на территории вокруг столицы страны, что беспрецедентно в мировой практике (среди них военно-воздушная база Ёкота, военно-морская база Ёкосука, база сухопутных сил США в городке Дзама, военно-воздушная база ВМС США в городке Ацуги). Семьдесят процентов расходов на содержание баз, по Соглашению, приходится на принимающую сторону, что не имеет аналогов в мире. Статус вооруженных сил США по Соглашению вытекает из Административного соглашения, которое регулировало нахождение баз в период оккупации. В результате не только суверенитет Японии является ущемленным, но и она вынуждена нести расходы на содержание баз, не предусмотренные Соглашением»¹¹.

Из-за чрезмерной чувствительности проблемы Тэрасима не упоминает соглашение о переводе части морских пехотинцев на Гуам. По этому соглашению Япония должна была выплатить США 2,8 млрд. долл. за перевод 8 тыс. морских пехотинцев и 9 тыс. членов их семей, а также построить за свой счет новую базу для той же морской пехоты на севере Окинавы. Финансовые и политические составляющие этого соглашения вызвали большие подозрения в нечистоплотности тех, кто занимался им¹². В Японии активно муссировались слухи о завышенности всех цен на транспортировку и строительство нового жилья на Гуаме. Некоторые не сомневались, что имел место «откат» должностным лицам в США и в Японии. Автору этих строк доводилось слышать из надежных источников, что попытки пересмотра этого соглашения наталкивались на упорное сопротивление бюрократии в обеих странах, которая в разных фор-

мах уже удостоилась «денежных поощрений» от строительных корпораций, получивших подряды на строительство объектов, предусмотренных соглашением.

В своем стремлении к пересмотру союза США в пользу большей самостоятельности и равноправия руководство ДПЯ столкнулось с сопротивлением мощных сил. Это были проамерикански настроенная бюрократия; оппозиционные партии, ставившие палки в колеса; основная масса политологов, обвинявших демократов в «подрыве» союза с США¹³. Но основной причиной неудачи демократов было то, что японское общество не хотело сближения с Китаем в ущерб отношениям с США. Оно еще не созрело для того, чтобы согласиться на «равные отношения» с США и Китаем. Опрос общественного мнения, проведенный кабинетом министров Японии в октябре 2009 г., показал большой разрыв в отношении японцев к США и КНР. На вопрос «считаете ли вы США близкой Японии страной?», однозначно утвердительно ответили 41,0% респондентов, а «в целом считаю» — 37,9% (в сумме — 78,9%). На тот же вопрос в отношении Китая результаты были соответственно 9,2 и 29,3% (в сумме — 38,5%). «Не считаю» ответили 25% респондентов, т.е. каждый четвертый, а «в целом не считаю» — 33,5% (в сумме — 58,5%)¹⁴.

Добиться «равноправия» и «самостоятельности» без кардинального пересмотра основ отношений, которое потребовало бы изменения многих, в том числе и конституционных, параметров послевоенной государственности, было невозможно. А для радикализма у демократов не было ни необходимого политического влияния, ни общественного мандата. Многие из того, что обещали демократы, оказывалось в лучшем случае им не под силу, в худшем — проявлением популизма. Как и многие другие, и не только в Японии, в погоне за голосами ДПЯ строила свою платформу не по идейно-политическому вектору, а по «бухгалтерской» схеме — сколько очков можно заработать при включении того или иного пункта в предвыборные обещания. В результате к половинчатости внутренних реформ добавлялась и непоследовательность во внешней политике, в частности курса на пересмотр отношений с США.

На сегодняшний день японская дипломатия пытается найти такой баланс, который удовлетворял бы в первую очередь Вашингтон и в то же время устраивал и Пекин¹⁵. Сразу после смены власти в Японии США, если это не было «хорошей миной», пытались найти что-то для себя позитивное в стремлении Японии к большей самостоятельности. Некоторые в администрации Обама понимали, что удерживать Японию в «жесткой узде» нереально и даже опасно. Можно было и вовсе потерять ее. «Я полагаю, что для сохранения жизнеспособности и влияния союза в первой половине этого столетия, определенная независимость Японии, как и ее уверенность в своих силах, являются абсолютно необходимыми», — говорил журналистам упоминавшийся Курт Кембелл¹⁶.

Хатояма пытался убедить Обаму в том же самом. Он предлагал сотрудничество в Ираке и Афганистане, поддержал идею включения США

в Восточноазиатское сообщество. Вашингтону предлагали целый набор новых сфер глобального сотрудничества (помощь Африке, нераспространение ядерного оружия, альтернативные источники энергии, охрана окружающей среды)¹⁷. Взамен Хатояма просил «всего лишь» вывода за пределы Окинавы базы Футэмма. Но, как оказалось, для Пентагона эта база была и остается «священной коровой». «Это соглашение не между какими-то политическими силами, а между двумя странами... чтобы быть способными оперативно выполнять наши обязательства по защите Японии и поддержанию мира и стабильности на Дальнем Востоке, нам необходимо сохранить те возможности, которые нам предоставляет база Футэмма», — подчеркивал в одном из своих выступлений Кевин Маэр¹⁸.

В результате Хатояма признал свое поражение и публично покался в том, что «недооценил» сложности проблемы. 28 мая, за несколько дней до своей добровольной отставки, он дал санкцию на подписание соглашения, которое оставляло в силе прежнюю договоренность либерал-демократов с США о переводе базы Футэмма в пределах Окинавы. Ту самую договоренность, которую демократы так яростно критиковали в ходе предвыборной кампании. Горькая пилюля была подслащена обещанием США «изучить» вопрос о частичном перемещении — выводе за пределы Окинавы и, возможно, на Гуам тренировочного комплекса базы морских пехотинцев¹⁹.

Упомянувшийся Тэрасима писал, что ошибка и драма Хатояма состояла в «половинчатости» его политики, в отсутствии «долгосрочной стратегии» в отношении баз. Народ Окинавы понял бы его, подчеркивал Тэрасима, если бы он, сохранив решение прежнего режима о переносе базы в пределах острова, одновременно добился принципиального согласия США на вывод всех баз и пересмотр военного союза в перспективе²⁰. Но это как раз было то, на что ни ДПЯ, ни Хатояма как политик не могли решиться.

Новое правительство ДПЯ отказалось от пересмотра союзнических отношений с США. Курс на «усиление» союза был восстановлен. В пересмотренной политической программе («Манифест» 2010 г.) это звучало так: «Через укрепление отношений в области комплексной безопасности, экономики, культуры добиваться углубления японо-американского союза. По вопросу о переносе военной базы Футэмма на основе двусторонней договоренности прилагать все усилия для сокращения военных баз на Окинаве». В документе сохранилась идея «равноправных» отношений, но исчезло выражение о «самостоятельной» внешней политике. Оно было заменено на ничего не значащее понятие «ответственной внешней политики»²¹.

В возврате к проверенной и надежной формуле «усиления» союзнических отношений с США, помимо шока от неудачных попыток пересмотреть их, сказывалось изменение взгляда на отношения с Китаем. Великий сосед становился все более могущественным, а отставание Японии

все большим, и это не могло не усиливать тревоги в отношении «китайского фактора».

Китайский фактор и «треугольник» Япония–Китай–США

Растущая мощь Китая внушает разные чувства — от уважения до страха, часто представляя собой смесь того и другого. Это особенно заметно у Японии, ближайшего его соседа. С КНР ее связывают огромная по масштабам торговля: 25,8 трлн. иен (300 млрд. долл. по нынешнему курсу, или 16,1% от общего объема внешней торговли) в докризисный 2008 год, 22,7 трлн. иен (21,5%) в кризисном 2009 г. и 12,7 трлн. иен (20,2%) за шесть месяцев текущего года. Это уже намного больше объема торговли со вторым по значению партнером — США (соответственно 22,2 трлн., 14,2 и 8,0 трлн. иен)²². Япония — самый крупный инвестор в китайскую экономику (4,1 млрд. долл. прямых инвестиций в 2009 г.) после стран с превалянием китайского языка (Гонконг, Тайвань, Сингапур), опережая Южную Корею и США²³. Число китайцев, проживающих постоянно в Японии, неотвратимо приближается к одному миллиону.

Вместе с тем между двумя странами существует практически неразрешимый и потенциально взрывоопасный территориальный спор относительно островов Сэнкаку, 200-мильная зона вокруг которых богата минеральными ресурсами. Отношения отягчены их сложной историей и в целом жесткой политикой КПК по вопросам, связанным с нею. Японию серьезно беспокоит наращивание военной мощи Китая. Источники из японского МИДа подчеркивают, что рост военных расходов КНР уже 20 с лишним лет составляет двузначную цифру, и на сегодняшний день ее оборонный бюджет достигает 78 млрд. долл.²⁴. Это второй показатель в мире после США. А по хорошо известным в Японии оценкам Пентагона, реально эта цифра приближается к 150 млрд. долл.²⁵. В Японии многие уверены в том, что военная мощь Китая уже в ближайшем будущем по количественным и качественным параметрам станет доминирующей в регионе. В Японии нервно воспринимают сигналы из Вашингтона о том, что целью Китая являются «достижение военного превосходства над Японией» и сдерживание ее от соблазна быть «угрозой китайским интересам в Восточно-Китайском море»²⁶. Беспокоят серьезные перемены в самой Восточной Азии, где резко усиливается экономическое доминирование КНР, а на этой основе формируется «китаецентристский мир» — мощная экономическая зона, источником роста которой является необъятный китайский рынок. Перед Японией стоит задача не стать «составной частью» этого мира и сохранить свою нишу в регионе, где она была номер один в течение нескольких десятилетий²⁷.

Токио, чтобы найти правильное соотношение сторон в рамках «треугольника» Япония–США–Китай, всегда обращал особое внимание на

трансформацию американо-китайских отношений. Беспокоило то, что в духе традиционной прагматики и предпочтения своих национальных интересов союзническим Вашингтон все больше уделял внимание отношениям с Пекином, а отношения с Токио все больше рассматривал как «японскую карту» в «большой игре» с Китаем. Официальный Вашингтон опровергал эту точку зрения, но в реальности трудно было не заметить смещения акцентов в американской политике. Об этом же свидетельствовал сдвиг в общественном сознании США. Данные опроса, проведенного японским МИД в США, показывали эту динамику. Отвечая на вопрос, какая из стран Азии является наиболее важным партнером США, в 2003 г. 63% респондентов назвали Японию и 25% — Китай, а в 2009 г. — соответственно уже 44 и 42%²⁸.

Признавая неизбежность усиления китайского фактора в американской политике, Токио надеялся, что отправной точкой «китайской политики» Вашингтона будут союзнические отношения с Японией²⁹. Но США давали ясно понять, что отношения с КНР имеют для них самостоятельное значение и выбор своей стратегии будут делать с учетом, но без привязки к какому-либо другому фактору.

Со времен Клинтона и (после некоторого охлаждения) в период Буша США строили свою политику в отношении КНР по «бинарной» схеме: развитие связей по всем направлениям, формирование взаимозависимости и одновременно сохранение всех возможных «элементов» сдерживания Китая для нейтрализации потенциальных и реальных угроз с его стороны американским интересам³⁰. Базы в Японии были одним из таких «элементов». В результате получалось, что Япония «обслуживала» стратегический «проект» США. До тех пор пока для Вашингтона отношения с Японией оставались приоритетными, Токио это устраивало. В обмен Япония получала твердые гарантии своей безопасности и все преимущества хороших отношений с США. Тем более что рост американо-китайских связей позволял и Токио, без оглядки на своего союзника, развивать отношения с Китаем по всем возможным направлениям, чтобы ни в коем случае не отстать от США и Европы³¹. С приходом Обамы к власти в Японии усилились опасения, что в политике Вашингтона может произойти стратегический крен в сторону Китая, особенно после неосторожного высказывания американского президента в июле 2009 г., заявившего, что именно отношения США и Китая «обозначат контуры XXI века»³². Реакция Токио была настолько острой, что Государственный департамент стал тщательно следить за тем, чтобы не производить впечатления, будто США недооценивают отношения с Японией или, того хуже, пытаются играть на японо-китайских противоречиях³³.

Стремление США сохранить старую структуру союзнических связей с Токио, главным элементом которой являются американские базы на Окинаве, расположенные вблизи Китая, Кореи и Тайваня, понять было легко. Китай превращался в соперника номер один, а в перспективе мог достичь и превзойти уровень США по таким важным параметрам, как

ВВП, новые технологии и военный потенциал. В краткосрочной перспективе отношения с КНР оставались в целом конфронтационными. Поэтому с учетом динамики роста китайской мощи насущной становилась задача его сдерживания. И хотя эта задача в США не получала официального оформления, она лежала на поверхности. Для выполнения этой задачи союз с Японией был незаменим. Его ослабление или реформирование в духе идей Хатояма не только грозило потерей важного фактора «сдерживания», но в случае японо-китайского сближения могло обернуться «кошмаром» — рождением центра силы, неподконтрольного США, и с доминирующим китайским влиянием. Именно этим можно объяснить нервную реакцию Вашингтона на процесс экономической интеграции в Восточной Азии, который мог бы завершиться созданием Восточноазиатского сообщества без его участия³⁴.

Но Вашингтону можно было не опасаться быстрого сближения своего союзника с Китаем. В Японии рост КНР воспринимался с еще большим драматизмом. А ощущение «китайской угрозы» было более непосредственным из-за близости к его источнику. Причем если в начале столетия эта «угроза» ассоциировалась с военной мощью, потенциальной агрессивностью и «деструктивностью коммунистического режима», то к концу первого десятилетия нового столетия — с реальным превращением Китая в «суперсилу», способную превзойти США и стать бесспорным лидером не только в регионе, но и во всем мире³⁵.

В 2010 г. КНР обошла Японию по объему ВВП и стала второй экономической державой мира. Страна демонстрировала достижения в технологической сфере, прежде считавшейся японским «коньком». Китай заключил Соглашение о свободной (беспошлинной) торговле со странами Юго-Восточной Азии, становясь мощным региональным центром притяжения и оттесняя Японию на вторые роли. Тайвань на глазах превращался в часть китайского рынка, а воссоединение с материковым Китаем становилось вопросом времени. Росла и военная мощь КНР. При этом шло наращивание качества вооружений, в частности ее ракетно-ядерного потенциала³⁶.

В условиях быстрого превращения Китая в супердержаву союзнические отношения с США вновь стали восприниматься как единственно реальное противодействие этой феноменальной силе и угрозе стать «пешкой» в новом варианте биполярного мира (Китай — США). Любые другие альтернативы (равноудаленность или опора на собственные силы) пока не получают поддержки в обществе, как это уже было сразу после Второй мировой войны при старом биполярном мире (СССР — США).

За короткий период нахождения у власти демократы, поначалу выступавшие за корректировку баланса отношений с США и Китаем, быстро осознали, насколько глубоко и остро в общественном сознании ощущение «китайской угрозы». Ее «сдерживание» стало их главным аргументом против обвинений в нарушении обещаний о выводе американских баз с Окинавы. Если оставить в стороне абстрактную угрозу «терроризма»,

реальными для Японии были только два источника потенциальных «угроз» — Китай и Северная Корея. Упоминание Северной Кореи в этом качестве было политически выигрышно, особенно после инцидента с потоплением южнокорейской канонерки 26 марта 2010 г. Китай публично упоминался значительно реже, но сам Хатояма, критически отзывавшийся в Пекине 10 октября 2009 г. о «чрезмерной зависимости» Японии от США, на встрече с губернатором Окинавы 4 мая 2010 г. признавался, что «недооценивал» важности дислокации американских баз на Окинаве как фактора «сдерживания»³⁷. Тема «китайской угрозы» стала предметом дискуссий во многих комитетах обеих палат японского парламента. Неискушенный в тонкостях дипломатического лексикона Наото Кан в одной из дискуссий в парламенте откровенно признался, что союз с США необходим для «сдерживания» КНР, добавив, что он внимательно следит за растущей как на дрожжах военной мощью Китая и его задача «не упустить это из виду»³⁸.

Заключение

В конце прошлого столетия в одном из исследований Гарвардского университета отношения Японии, США и Китая были названы «золотым треугольником»³⁹. Тогда казалось, что Китай легко инкорпорируется в тройственную структуру, где главную скрипку будут играть США, а консенсус будет легко найти за счет распределения ролей между ними по сценарию, который складывался в ту пору в пользу США. В американском менталитете чувство собственного подавляющего превосходства позволяло думать о возможности такого «треугольника». «Безопасность в мире неизбежно будет зависеть от того, как будут развиваться события на Дальнем Востоке. На них, в свою очередь, будет воздействовать поведение двух ведущих стран Восточной Азии — Китая и Японии. Стабильная Восточная Азия, в основе которой будет постепенно институализирующийся и тщательно сбалансированный стратегический треугольник США–Китай–Япония, станет критически важным восточным рычагом в усилиях по решению сложных проблем нестабильности на евразийском пространстве», — с надеждой писал Бжезинский⁴⁰.

Последние десять лет резко изменили ситуацию. Центральная фигура упомянутого гарвардского исследования, профессор Эзра Вогель, в 1970-е годы прославившийся своим прогнозом о превращении Японии в мирового лидера, в конце 1990-х то же самое стал предрекать Китаю⁴¹. Бжезинский в конце 1990-х ставил под сомнение надежность этих прогнозов, считая, что вряд ли Китай «сможет поддерживать бурные темпы роста в течение ближайших 20 лет»⁴². Стране же понадобилось всего лишь десять с лишним лет, чтобы стать второй экономической державой мира, самодостаточным мощным центром силы, бросающим вызов как США, так и Японии.

Никакой институализации «треугольника» так и не произошло. На сближение США с Китаем Япония реагировала нервно. А когда сама попыталась отношения в рамках «треугольника» сделать «равносторонними», натолкнулась на резкое неприятие США. Китай, в свою очередь, смотрел с подозрением на укрепление военного сотрудничества США и Японии в целях «более эффективной борьбы с терроризмом», считая это предлогом для действий, направленных против КНР⁴³.

Стремление Вашингтона удержать Японию в жесткой упряжке военного союза было связано не только со стратегией «сдерживания» Китая. В США опасались, что мощный военный «кулак» КНР мог заставить Японию пойти на резкое увеличение собственного оборонного потенциала, чтобы противостоять «китайской угрозе» без помощи США или при их ограниченной помощи. В недалеком прошлом, после развала Советского Союза, естественным образом возник вопрос: для чего нужны военные базы США в Японии? СССР лежал «в руинах», а до «мощного Китая» было далеко, и в «сдерживании» их не было острой необходимости. Но именно в это время в США возобладала точка зрения, что союз с Японией нужен для «сдерживания» самой Японии. Генри Стэкпол, в ту пору командующий морской пехотой США в Японии, в интервью ведущей американской газете признавался: «Мы вроде пробки в бутылке, чтобы не выпустить из нее джинна». По его мнению, уход США с Японских островов мог спровоцировать Токио на «усиление и без того мощного военного потенциала»⁴⁴.

И нынешняя ситуация не внушает оптимизма в отношении гармоничных отношений в рамках «треугольника», поскольку сложно найти точки пересечения интересов трех стран. Разумеется, остается широкое поле для сотрудничества в области экологии, борьбы с терроризмом и пр., но в геополитических параметрах мы наблюдаем резкое расхождение интересов. Все та же игра с «нулевым результатом».

Неудачные попытки найти геополитический баланс в рамках «треугольника» японская дипломатия будет пытаться компенсировать развитием отношений с другими региональными силами. Наиболее перспективными для ДПЯ выглядят отношения с Южной Кореей. Полагая, что и Сеул сталкивается с аналогичной неуютной ситуацией бурного роста китайского центра силы, Токио стремится к сближению с ним и для этого пытается максимально снизить уровень двусторонних противоречий. Демократам из-за традиционной репутации части из них, в том числе и Наото Кан, как «левых» проще всего было обратиться к решению вопроса об исторической ответственности за колониальное прошлое. Официальное заявление японского премьер-министра по поводу 100-летия аннексии Японией Кореи останется в истории как образец беспощадной самокритики и беспрецедентного извинения за политику прошлых режимов. «В результате колониального господства против воли корейского народа у него похитили страну и культуру, нанесли глубокие раны его национальной гордости... Я хотел бы честно взглянуть в глаза

истории, мужественно и прямо оценить ошибки прошлого... Хочу выразить чувства искреннего раскаяния и извинения за ущерб и страдания, которые были причинены этому народу в годы колониального господства»⁴⁵.

Теоретически есть еще один вектор усилий Японии по сбалансированию быстро меняющейся геополитической архитектуры — отношения с Россией. Но именно в этом направлении популизм и «левизна» демократов действуют отрицательно, блокируя возможность решения территориального спора через диалог.

Примечания

¹ Из беседы автора статьи с господином Хага, личным секретарем Хатояма.

² Минсюто-но сэйкан сэйсаку манифэсуто (Политический курс Демократической партии. Манифест). — <http://www.dpj.or.jp/special/manifesto2009/txt/manifesto2009.txt>

³ *Shimoji Y.* The Futenma Base and the U.S.–Japan Controversy: an Okinawan Perspective. — *The Asia-Pacific Journal*. 03.05.2010 (http://japanfocus.org/articles/print_article/3321).

⁴ *McCormack G.* Obama vs. Hatoyama: The Making of an Unequal, Unconstitutional, Illegal, Colonial and Deceitful US–Japan Agreement (<http://www.globalresearch.ca>).

⁵ *Яяма Т.* Амакудари сисутэму хокай (Крах системы *амакудари*): «Канрё найкакусэй»-но сюто (Конец «эпохи правления бюрократов»). Токио, 2008, с. 235, 237.

⁶ Из личного общения с политиками, которые пострадали от судебных преследований, у меня сложилось впечатление, что «проамерикански» настроенная бюрократия имеет сильные позиции в генпрокуратуре, действия которой действительно нередко бывают политизированными.

⁷ *Наканиси Т.* Нихон-но хигэки: Оннэн-но сэйдзика — Одзава Итиро рон (Японская трагедия: злобный политик Одзава Итиро). Токио, 2010, с. 70.

⁸ *Howell W.L.* The Alliance and Post-Cold War Political Realignment in Japan. — *Green M.J., Cronin P.M.* The U.S.–Japan Alliance: Past, Present, and Future. Council on Foreign Relations. 1999, p. 222.

⁹ *Christian Science Monitor*. 19.08.2009.

¹⁰ *Тэрасима Д.* Сэкай-о сирү тикара (Способность понимания окружающего мира). Токио, 2009, с. 159.

¹¹ *Terashima J.* The Will and Imagination to Return to Common Sense: Toward a Restructuring of the US–Japan Alliance. — *The Asia-Pacific Journal*. 15.03.2010 (http://japanfocus.org/articles/print_article/3321).

¹² *McCormack G.* Op. cit.

¹³ *Сатоси М.* Нитибэй домэй кикэн суйики-кара дасситэ инай (Японо-американский союз находится пока в зоне риска). — *Дзию минсю*. 2009, № 1, декабрь.

¹⁴ Найкакуфу дайджикамбо сэйфу кохо сицу ёрон тэса хококусё (Доклад социологической службы кабинета министров). 2009, август (<http://www8.cao.go.jp/survey/h21/h21-gaiko/index.html>).

¹⁵ *Tay S.* Asia Alone: The Dangerous Post-Crisis Divide from America. John Wiley and Sons. 2010, p. 62.

¹⁶ *Tandon Sh.* US Says welcomes 'independent' Japan. — AFP. 02.09.2009.

¹⁷ *Wakabayashi H.* The U.S.–Japan Alliance: A New Framework for Enhanced Global Security. CSIS. 2008, p. 4.

¹⁸ *Tandon Sh.* Op. cit.

¹⁹ Joint Statement of the U.S.–Japan Security Consultative Committee by Secretary of State Clinton, Secretary of Defense Gates, Minister for Foreign Affairs Okada, Minister of Defense Kitazawa. May 28, 2010 (<http://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/security/scc/joint1005.html>).

- ²⁰ *Terashima J.* The US–Japan Alliance Must Evolve: The Futenma Flip-Flop, the Hatoyama Failure, and the Future. — *The Asia-Pacific Journal*. 09.08.2010.
- ²¹ Домашняя страница ДПЯ (<http://www.dpj.or.jp/special/manifesto2010/data/manifesto2010.txt>).
- ²² <http://www.stat.go.jp/data/getujidb/index.htm>
- ²³ http://www.uschina.org/statistics/fdi_cumulative.html
- ²⁴ <http://www.mofa.go.jp/mofaj/area/china/pdfs/kankei.pdf#02>;
<http://www.mofa.go.jp/mofaj/area/china/data.html>
- ²⁵ U.S. DOD Annual Report to Congress. 2010, p. 51.
- ²⁶ *Fisher R.D.* China's Military Modernization: Building for Regional and Global Reach. Greenwood Publishing Group. 2008, p. 126.
- ²⁷ *Sutter R.* The Obama Administration and US Policy in Asia. — *Contemporary Southeast Asia*. 2009, vol. 31, № 2, p. 190,191.
- ²⁸ U.S. Image of Japan Study, May 2009. Public Diplomacy Planning Division, Public Diplomacy Department, Ministry of Foreign Affairs (www.mofa.go.jp).
- ²⁹ *Wakabayashi H.* Op. cit., p. 6.
- ³⁰ *Mochizuki M.* China–Japan Relations. A Downward Spiral or a New Equilibrium? — *Power Shift: China and Asia's New Dynamics*. University of California Press. 2005, p. 140.
- ³¹ *Ibid.*, p. 149.
- ³² *Zhiqun Zhu.* China's New Diplomacy: Rationale, Strategies and Significance. Ashgate Publishing, Ltd., 2010, p. 230.
- ³³ *McGiffert C.* Smart Power in U.S.–China Relations: A Report of the CSIS Commission on China. March 2009, p. 5.
- ³⁴ *Dent Ch.M.* China, Japan and Regional Leadership in East Asia. Edward Elgar Publishing. 2008, p. 70.
- ³⁵ *Gertz B.* The China Threat: How the People's Republic Targets America. Regnery Publishing, 2001, p. 199.
- ³⁶ Данные МИД Японии (см.: <http://www.mofa.go.jp/mofaj/area/china/pdfs/kankei.pdf#02>).
- ³⁷ Санкэй симбун. 10.10.2009; Иомиури симбун. 05.05.2010.
- ³⁸ <http://www.zeenews.com/news636276.html>
- ³⁹ The Golden Triangle of the U.S.–China–Japan, 1972–1989. — *China Review International*. 2003, vol. 10.
- ⁴⁰ *Brzezinski Z.* The Choice: Global Domination or Global Leadership. N.Y., 2004, p. 107–108.
- ⁴¹ См.: *Vogel E.* Living with China: U.S.–China Relations in the Twenty-First Century. W.W. Norton, 1997.
- ⁴² *Brzezinski Z.* The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. N.Y., 1997, p. 160.
- ⁴³ *Pollpeter K.* U.S.–China Security Management: Assessing the Military-To-Military Relationship. Santa Monica, CA, 2004, p. 33.
- ⁴⁴ The Washington Post. 27.03.1990.
- ⁴⁵ Найкаку сори дайdzин данва. 10.08.2010 (www.kantei.go.jp).

И.А. Носова

**«АЗИАТСКИЙ РАЗВОРОТ»
ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ КУРСЕ ЯПОНИИ
(2009–2010)**

Победа крупнейшей оппозиционной Демократической партии Японии (ДПЯ) на выборах в палату представителей парламента 30 августа 2009 г. заставила экспертов и сторонних наблюдателей говорить о новой странице в истории страны. Демократы делали все возможное для того, чтобы сохранить за собой имидж реформаторов, максимально дистанцирующихся от курса предшественников. Наиболее показательны были трансформации на внутривнутриполитическом пространстве: пакет ориентированных на простых граждан социальных и экономических мер, кампания по сокращению неоправданных государственных расходов, попытки задать новое направление стагнирующей промышленной и научно-технической политике Японии. Не меньшим корректировкам подверглась и внешнеполитическая линия. За год пребывания ДПЯ у власти дипломатия Токио, без преувеличения, успела пройти полный круг: снятие лозунга проамериканизма и «воссоединение» с азиатскими соседями, балансирование между китайским и американским полюсами, снижение динамики на китайском направлении и латание увеличивающихся «дыр» в альянсе с Вашингтоном, наконец возврат к прагматизму с опорой на блоковые структуры.

Хронология «азиатского разворота»

Об особенностях внешнеполитических установок ДПЯ эксперты говорили еще до выборов 30 августа 2009 г. Пищу для подобных размышлений дал «Манифест» партии, в котором содержался ряд новаторских для японской политической элиты тезисов, затрагивавших основные векторы национальной дипломатии — отношения с Вашингтоном, курс в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), ядерную проблему Корейского полуострова, подходы к тематике разоружения и нераспространения и пр.¹.

Традиционная, казалось бы, постановка на первое место вопросов развития японо-американского военно-политического союза компенсаци-

© Носова И.А., 2011

ровалась у демократов намерением под лозунгом «создания тесного и равноправного альянса» уделить больше внимания выработке стратегии в рамках союза, благодаря которой Япония могла бы самостоятельно участвовать в реализации его главных функций. Конечно, именно к этому — к взятию на себя большей оборонительной ответственности, а также активному привлечению Сил самообороны к зарубежным миссиям — американцы призывали японцев еще с начала 2000-х годов. Однако для ДПЯ, как следовало из «Манифеста», вопросы равенства означали возврат и к пересмотру согласованных при ЛДП параметров пребывания американских вооруженных сил на территории Японии, включая вопросы статуса, передислокации баз на Окинаве и т.п.

С таким подходом к ближайшему союзнику контрастировали японские предложения азиатским соседям. Ключевой задачей в АТР провозглашалось создание в будущем «Восточноазиатского сообщества» (ВАС). Не вдаваясь в детали этой концепции, демократы обозначили основные шаги по ее реализации. С их точки зрения, Токио должен был стать локомотивом движения к формированию в АТР комплексной сети «сообществ по интересам» — функциональных партнерств по отдельным общерегиональным проблемам, в первую очередь в торговле и финансах, энергетике, транспорте, в борьбе с последствиями чрезвычайных ситуаций и эпидемиями. Бросалась в глаза и неожиданная гибкость в вопросах экономического сотрудничества: ДПЯ провозгласила готовность обсуждать с азиатскими странами чувствительную для страны прежде тематику соглашений о свободной торговле и экономическом партнерстве.

Логическое развитие дискуссия о характере внешней политики Токио получила в связи с публикацией в газете *The New York Times* незадолго до выборов статьи председателя ДПЯ, к тому же указанного в издании как наиболее вероятного будущего премьер-министра, Ю. Хатояма. В материале с любопытным названием «Новый путь для Японии»² фактически доказывалась необходимость для потенциального правительства тщательно взвесить все плюсы и минусы односторонней ориентации страны на американского союзника, влияние которого, несомненно, продолжит уменьшаться, и рассмотреть возможность проведения более сбалансированного внешнеполитического курса, адекватно отражающего принадлежность Японии к азиатскому миру. Конкретные предложения Ю. Хатояма азиатским соседям — экономическое взаимодействие с упором на интеграцию, единая валюта в будущем, диалоги в сфере безопасности, решение двусторонних, в том числе территориальных, споров в рамках общерегиональных координационных механизмов — в целом не несли в себе существенного новационного заряда и уже становились так или иначе предметом обсуждения в азиатских форматах (АРФ, «АСЕАН плюс», АзБР). Интересна была сама постановка вопроса как отчасти выбора между двумя внешнеполитическими моделями, из которых азиатская провозглашалась в большей степени соответствующей национальным приоритетам.

Победа ДПЯ на последовавших выборах и начало работы первого в истории страны полностью оппозиционного правительства не замедлили продемонстрировать и свое внешнеполитическое измерение. Произошло это уже в сентябре 2009 г. в рамках мероприятий открытия 64-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке. Представлявший Японию теперь в качестве премьер-министра Ю. Хатояма выступил с программным заявлением, в котором официально объявил построение «Восточноазиатского сообщества» долгосрочным приоритетом японской дипломатии³. Предложение о сотрудничестве в формировании ВАС было немедленно сделано Китаю на отдельной встрече «на полях» сессии.

Нью-йоркские высказывания Ю. Хатояма рисовали довольно аморфный образ ВАС. Япония позиционировалась премьером как «перекидной мостик» между развитыми и развивающимися странами. Используя это преимущество, полагал Ю. Хатояма, Токио может на одном языке говорить и с теми, и с другими, понимать их нужды и интересы, а значит — эффективно продвигать региональную интеграцию и способствовать преодолению разрыва в уровнях развития азиатских соседей. Токио готов был «подать пример», прилагая усилия к преодолению проблем «исторического прошлого», хозяйственных и территориальных споров, которые являются существенным раздражителем в японо-китайских и японо-южнокорейских отношениях, налаживанию многовекторного диалога с регионалами. Японский лидер, по существу, признал совершенные в прошлом ошибки в отношении стран Азии.

Фундамент ВАС, по мнению японцев, может быть экономическим: по модели начального этапа становления Европейского союза после Второй мировой войны в Азии должна начаться практическая кооперация с прицелом на создание единого пространства со свободным перемещением в нем товаров, капиталов и людей. Принципы Сообщества — уважение политического, экономического и культурного многообразия, равноправие, открытый регионализм. Состав, организационные модальности, место и роль уже действующих структур после создания нового формата не были определены (дескать, на таком начальном этапе об этом говорить еще рано), однако примечательно, что участие в ВАС США и центральный статус стран АСЕАН не оговаривались. Инициатива Ю. Хатояма вызвала множество вопросов как со стороны проазиатски настроенных исследователей, так и у ориентирующихся на японо-американскую ось консерваторов.

Несмотря на все «неизвестные», концепция была немедленно запущена в работу и начала проговариваться японским руководством в АТР. Прежде всего ее приблизительное содержание японцы изложили китайцам и южнокорейцам как «центральным игрокам» будущего Сообщества на министерском заседании в сентябре и на саммите «восточноазиатской тройки» (Япония–КНР–Республика Корея) в октябре 2009 г. В итоговом заявлении, посвященном 10-летней годовщине «тройки», были отмечены три ключевых принципа построения Сообщества: прозрачность,

открытость и всеобъемлющий характер. При этом японцы осторожно заговорили о естественности для подобной структуры ядра в составе крупных экономик Северо-Восточной Азии (т.е. самой «тройки»). Усилив параллель с европейским интеграционным опытом, Ю. Хатояма прямо сравнил сегодняшние Японию и Китай — с точки зрения регионального политического и экономического веса, характера взаимоотношений и пр. — с Францией и Германией 50-х годов прошлого века. Подразумевалось, что может быть повторен и пройденный ими путь. С учетом этого японцы были готовы к практическим шагам, включая чувствительный вопрос о разработках ресурсов в Восточно-Китайском море, которое должно было, по мысли японцев, превратиться из «моря вражды» в «море братства»⁴.

В то же время данная интерпретация, очевидно, была не единственной в распоряжении Токио. Так, несколько иной сценарий был предложен партнерам в Юго-Восточной Азии. Реверансом в их сторону стали обозначенные Японией примерные географические рамки ВАС, охватывающие, по сути, уже известный механизм Восточноазиатских саммитов в сочетании с принципом «открытого регионализма». К потенциальному ядру, как это презентовал 7 октября 2009 г. на пресс-конференции в Токио министр иностранных дел К. Окада, были отнесены, помимо Японии, страны АСЕАН, Китай, Республика Корея, Австралия, Индия, Новая Зеландия, а вот Россия и США оставались за скобками⁵. Принципиальный для АСЕАН тезис о сохранении системообразующей роли Ассоциации в интеграционных процессах на начальном этапе японцы пытались замечать максимально предупредительным тоном и формулировками о важности АСЕАН в процессах регионального сближения. Однако столкнувшись с прохладной реакцией, Токио стал делать примирительные заявления и выводить самих асеановцев на дискуссии о лидерстве в ВАС⁶. Тема ВАС инициативно поднималась Японией на министерском совещании Япония — страны бассейна р. Меконг, на саммите «АСЕАН плюс» в Таиланде, в ходе всех последующих двусторонних контактов в ЮВА. Японцы открыто ставили вопрос о поддержке своей инициативы уже на этом, пусть содержательно неполном, этапе. Практиковался торг, при котором с японской стороны делались конкретные предложения об экономическом содействии и реализации проектов в странах-партнерах.

Одновременно Токио продолжал воздерживаться от какой-либо конкретизации американского аспекта концепции. Новое японское руководство не перегружало свои внешнеполитические высказывания традиционными для японских лидеров постулатами о краеугольности альянса Япония–США. Наоборот, эта тематика была максимально приглушена. Ю. Хатояма в «тройке» отметил тезисом о том, что Япония «до настоящего времени слишком полагалась на американского союзника и должна подумать о курсе, который был бы более ориентирован на Азию, неотъемлемой частью которой она является»⁷. Министр иностранных дел Японии К. Окада, заверяя, что союз с Вашингтоном сохранит свое значение

в качестве основы японской внешней политики, уходил тем не менее от какой-либо внятной характеристики места США в ВАС⁸. Японо-американские консультации все больше увязали в частности параметров перемещения находящейся на Окинаве американской базы Футэмма. С этим контрастировало стремительное японо-китайское сближение.

Своеобразным политическим апофеозом в этом плане явилась поездка 10–12 декабря 2009 г. в Пекин внушительной (около 600 человек с учетом сопровождающих) делегации депутатов японского парламента и верхушки ДПЯ во главе с ее генеральным секретарем И. Одзава. Протокольные особенности этого визита привлекли к себе больше внимания, чем ее в целом-то скромное содержание: делегация была принята председателем КНР Ху Цзиньтао, который сфотографировался с каждым из 140 японских депутатов по очереди. На последовавшем приеме И. Одзава отметил себя рассуждениями о целесообразности построения отношений между Японией, Китаем и США в формате «равностороннего треугольника»⁹. Председатель Комитета по вопросам парламентской политики К. Ямаока, выступая на симпозиуме в КНР, подтвердил и развил данную линию: «Японо-американские отношения переживают сейчас сложный период. Наиболее реалистичная стратегия в таких условиях для Японии — укреплять сотрудничество с Китаем и уже с этих новых позиций вернуться к решению проблем на американском направлении»¹⁰.

Изложенная выше позиция вводила ДПЯ от ориентированных на американского союзника внешнеполитических установок предыдущих японских администраций. Вашингтон уже открыто, хотя чаще всего опосредованно, выражал недовольство данными новациями, например, через бывшего госсекретаря Р. Армитэджа, который на публичных мероприятиях в Японии фактически обвинил японцев в непрозрачности процесса принятия дипломатических решений¹¹.

Позитив в японо-китайском взаимодействии, в том числе и по ВАС, был и далее закреплен в ходе визита в Токио 14–16 декабря 2009 г. заместителя председателя КНР Си Цзиньпина. В ходе контактов с японской правящей элитой, включая Ю. Хатояма, С. Эда, Х. Хирано, стороны достаточно откровенно обсудили взаимные подходы к лелеемой японцами концепции. С японской стороны было подтверждено, что «тройка» (Япония–КНР–Республика Корея), с учетом бесспорного экономического и политического веса, должна иметь ключевое значение для построения ВАС. Си Цзиньпин, в свою очередь, впервые официально озвучил позитивное отношение Пекина к предложениям Токио и готовность вести по ним предметный диалог¹².

Вместе с тем в 2010-й год японцы вступили с уже обозначившимся колебанием курса. Первые внешнеполитические сигналы были посланы американцам. 12 января 2010 г. министр иностранных дел К. Окада впервые за продолжительное время встретился с госсекретарем Х. Клинтон. К 19 января (дата подписания японо-американского Договора безопасности 1960 г.) было оперативно сверстано заявление лидеров, акцентированное на

рующее готовность сторон, как и прежде, двигаться в направлении углубления и расширения сотрудничества в рамках союза. А 29 января в парламентском выступлении К. Окада о внешнеполитических приоритетах Токио в 2010 г. США уже были возвращены на пьедестал «основы японской дипломатии и гаранта безопасности» и признаны в качестве «важного фактора мира и процветания в АТР»¹³.

В свою очередь, в формулировках по Азии появились любопытные нюансы. Китаю было предложено уделить больше внимания затянувшимся проблемам Восточно-Китайского моря и продовольственной безопасности, а также озаботиться выработкой ответственного внешнеполитического подхода, адекватного растущему международному влиянию страны. Тема ВАС же не только переместилась в середину перечня дипломатических приоритетов Токио, но и изменилась субстантивно. Реализация Сообщества была отнесена к отдаленному будущему, в то время как на перспективу предлагалось сосредоточиться на практическом сотрудничестве через формирование в регионе сети функциональных и гибких по составу участников партнерств «по интересам» — в торговле и инвестициях, финансах, экологии, энергетике, образовании, борьбе с последствиями чрезвычайных ситуаций и эпидемиями и пр.

Со временем данная обратная тенденция зрительно закреплялась. Внутри страны в практически открытый обиход был вновь запущен термин о «китайской угрозе» в контексте непрозрачного военного строительства в КНР и усиливающейся недружественной военно-морской активности. Одновременно начал резко накапливаться негатив и в вопросах экономического взаимодействия: с нескрываемым раздражением, сопровождающимся обвинениями в адрес Пекина в национализме, здесь восприняли китайские шаги по ограничению экспорта редкоземельных металлов, введению сертификации высокотехнологичной продукции, а также волну забастовок на японских предприятиях в Китае.

Окончательно стороны развел по различным полюсам произошедший в марте 2010 г. инцидент с потоплением в Желтом море южнокорейского корвета «Чхонан», что накалило военно-политическую обстановку в субрегионе. В последующие месяцы Токио, казалось, сосредоточился на восполнении появившихся с осени 2009 г. пробелов в отношениях с американцами (хотя и не без труда, поскольку вопрос о базе Футэмма продолжал во многом определять характер диалога), а также укреплении связи Япония–США–Республика Корея, восстанавливая, таким образом, блоковый каркас своей дипломатии.

Наконец, своеобразную точку в том сценарии «азиатского разворота», который проводился в жизнь с момента прихода ДПЯ к власти в 2009 г., поставил новый премьер-министр Н. Кан. В своей инаугурационной речи 7 июня 2010 г. он провозгласил возврат японской внешней политики к идейно лаконичному идеологизированному реализму. Осевая роль в «старом новом» видении была отдана японо-американскому союзу, который объявлялся общим достоянием для всего АТР. «Азиатское лицо»

Японии, хотя и не было забыто Н. Кан, существенно побледнело — построение ВАС относилось к далекому будущему, а на первый план вышла реализация в двусторонних и многосторонних форматах первоочередных практических национальных интересов.

Таким образом, японская дипломатия менее чем за год, стартовав в противоположном от свойственных ЛДП установок направлении, вернулась в целом к уже привычной (хотя, разумеется, обогатившейся рядом отдельных новых черт) блоковой философии. Вопрос о причинах этого «путешествия по кругу», думается, может стать предметом комплексного анализа.

Механизм «азиатского разворота»

Вопрос о наличии у Японии самостоятельного внешнеполитического курса традиционно остается дискуссионным. И сегодня значительное число экспертов готовы лишь с натяжкой признать за Токио статус активного игрока на международной арене и, анализируя японскую дипломатическую практику, рассматривают ее в основном в контексте американских интересов (М. Грин, К. Калдер, А. Танака и др.). С учетом этого, как представляется, «азиатский разворот» 2009–2010 гг. выглядит еще более любопытно. Предложенная японцами в сентябре 2009 г. идея «Восточноазиатского сообщества», инкорпорированная в стратегию демократов в отношении АТР, сама по себе не была новой. Строить Сообщество в долгосрочной перспективе в формате «АСЕАН плюс шесть» договорились еще в 2005–2006 гг. с оформлением Восточноазиатских саммитов в их современном виде¹⁴. Однако на том этапе идущая от партнеров концепция воспринималась в Токио с осторожностью. Более того, превалировало мнение о Сообществе как красивой, но нереалистичной идее из-за отсутствия в регионе необходимых базисных элементов, в первую очередь экономического союза, содружества в сфере безопасности и в политике¹⁵. Напрашивается вывод о том, что демократическая администрация по каким-то причинам сочла возможным вернуть в региональную повестку дня данную крупную тему, разумеется, отреставрировав и перекроив ее под некие собственные интересы. При этом с определенной долей уверенности, как следует из рассмотренных выше практических шагов по реализации новых установок Токио, можно, видимо, говорить об ограниченном и даже обратно пропорциональном влиянии американского фактора: проазиатский курс Японии усиливался по мере перерастания вопроса о базе Фуэтэмма в более неприятный фундаментальный диалог с Вашингтоном, а возрождение алармистской риторики в адрес Китая совпало по времени с латанием «дыр» в японо-американском альянсе.

Что же произошло? Лежащий на поверхности ответ, объясняющий новую трактовку ВАС необходимостью для ДПЯ предложить избирателям нечто отличное от проводимой администрациями ЛДП линии, думается,

лишь частично соответствует действительности. В конце концов, перед демократами был достаточно широкий набор альтернатив, часть которых дождалась своего часа лишь сегодня (например, укрепление комплексных отношений с Республикой Корея, повышение международного авторитета путем более активного участия в операциях ООН по поддержанию мира, пересмотр принципов Официальной помощи развитию в сторону большего прагматизма, усиление сотрудничества с Европой и НАТО и пр.). Автор предполагает, что за выбором демократического руководства может стоять комплекс объективных и субъективных, имеющих как чисто внутреннее, так и внешнее измерение факторов. С учетом ограниченного формата академической статьи попробуем остановиться на, возможно, наиболее существенных.

I

Прежде всего, очевидно, стоит обратить внимание на изменения в ситуации в Японии и ее мировосприятии в рассматриваемый период. Магистральной тенденцией в 2008–2009 гг. стал глобальный финансово-экономический кризис (ГФК), который имел целый ряд последствий, непосредственно затронувших как азиатский регион в целом, так и Японию в частности. ГФК был воспринят в Японии в качестве наглядного примера несостоятельности поддерживаемой Токио мировой рыночной модели, основанной на фактическом кредитовании избыточного потребления в США и Европе за счет азиатских резервов. Наибольшее падение японского экспорта в 2008–2009 гг. было зафиксировано именно на западном направлении, куда шла наиболее доходная номенклатура товаров — машины и оборудование (64,8% экспорта в целом). Для страны с ее экспортноориентированной экономикой это означало сокращение объемов промышленного производства и инвестиций в основной капитал, снижение уровня занятости, доходов населения и, следовательно, внутреннего потребительского спроса. В 2009 фин.г. реальный ВВП сжался на 5,2% — худший показатель среди крупных развитых экономик¹⁶.

Резкое изменение внешних условий вызвало в стране острую дискуссию об актуальности японских внешнеполитических и внешнеэкономических установок. В некотором смысле нарастало разочарование: несмотря на благополучное по сравнению с США и Европой состояние финансовой системы, Япония оказалась в числе наиболее пострадавших. При этом все показатели свидетельствовали: западные игроки будут долго восстанавливаться после нанесенного кризисом удара по реальному сектору, что не позволяло Японии ориентироваться на них в поиске путей оздоровления собственной экономики. Пределы кооперации с «товарищами по несчастью» были очерчены кампанией в США против «флагманов» японского автопрома «Тойоты» и «Хонды», а также рядом протекционистских действий в ЕС.

Закрепление «Группы двадцати» в качестве основного форума для согласования позиций по финансовым вопросам, а позднее и как конкурента «Группы восьми» с точки зрения влияния в международных делах в целом косвенно подтверждало предположения японцев о том, что ГФК символизирует необратимость процесса выдвижения новых лидеров мировых политических и экономических процессов¹⁷.

В этом контексте вопрос о будущем США приобретал для японцев наиболее болезненный характер. Конечно, утверждать, что японцы при ДПЯ кардинально изменили установки в отношении своего главного союзника, даже с учетом развернутой в парламенте и СМИ масштабной дискуссии на эту тему, было бы преувеличением. Видимые сложности в японо-американском взаимодействии замедлили, но не свели на нет практические усилия по модернизации и расширению сферы действия военно-политического союза. Объективные же оценки «урона» (если о таком в принципе можно говорить), нанесенного сотрудничеству с Вашингтоном в результате внешнеполитических инициатив ДПЯ, очевидно, могут быть даны только в ходе ретроспективного анализа через определенное время. С учетом этого манипуляции с американским фактором, как представляется, имеет смысл рассматривать в контексте первоочередных дипломатических и внутриполитических задач, вставших перед демократической администрацией.

II

Вместе с тем в сложившихся под влиянием ГФК условиях для Японии стремительно повышалось значение АТР. В Токио не преминули отметить укрепление международного политического и экономического статуса региона, прежде всего рост доли в глобальном ВВП (с 2007 г. — второе место после ЕС), расширение внутрирегиональной торговли (57% среди «АСЕАН плюс три»), заметное повышение самостоятельности финансовых рынков, солидные золотовалютные резервы, обретение голоса в главных координационных форматах («Большая двадцатка», МВФ, ВБ и др.).

Тот факт, что Восточная Азия первой преодолела негативное влияние ГФК и уже с июля 2009 г. начала восстанавливаться¹⁸, приводил японцев к мысли о необходимости большего взаимодействия с этим регионом. И в ведомствах, и в экспертной среде были единодушны в том, что именно Восточной Азии отведена роль и наиболее динамично развивающегося рынка на средне-, а может быть, и долгосрочную перспективу, и одного из новых «полюсов силы» в целом. Имеющиеся в АТР проблемы, связанные с наличием разных политических систем, а также большой страновой разницей в уровнях развития и доходов населения, что объективно ослабляло азиатские позиции, предлагалось нивелировать в процессе кооперации, демонстрирующей преимущества компромиссных подходов

и сотрудничества. В качестве магистральной тенденции в Восточной Азии провозглашалась комплексная региональная интеграция.

В этом плане ГФК, по мнению многих специалистов, сыграл определенную положительную роль. Он закрепил уверенность азиатов в правильности выбора сценария тесного сотрудничества, поскольку показал опасность несбалансированной структуры торговли региона, недостаточность предпринятых ранее усилий по повышению экономической независимости АТР, а также необходимость всеобъемлющего подхода к вопросам региональной интеграции на фоне роста протекционизма на внешних рынках, прежде всего в США. Доказывалось, что интеграция сыграет роль катализатора экономического роста стран-участниц, повысит голос Восточной Азии на международном уровне, обеспечит эффективную интеграцию в мировую экономику, предложит «выгодные альтернативы» нынешним многосторонним институтам (МВФ, ВТО и др.)¹⁹.

Вместе с тем именно данный сценарий создавал наибольшее количество проблем для самой Японии. К 2009 г. страна не отличалась особой политической и деловой активностью на азиатском направлении. О недостаточном уровне и плотности политического взаимодействия можно было судить по не слишком содержательным в последнее время встречам в формате «АСЕАН+1», а также, например, не снимаемым с повестки дня вопросам «исторического прошлого». Нереализованный потенциал экономического сотрудничества демонстрировало малое количество заключенных Токио, в том числе с азиатскими партнерами, соглашений о свободной торговле и экономическом партнерстве — 19, тогда как Сингапур заключил 32 таких соглашения, Китай — 23, Республика Корея — 23. Нацеленность АСЕАН на интеграцию в формате «АСЕАН плюс» в контексте инициативы создания к 2015 г. Экономического сообщества АСЕАН в принципе устраивала Китай, который уже отработал механизмы взаимодействия с асеановцами, и совсем не устраивала Японию, которая в таком случае оставалась на вторых ролях и могла концентрироваться только на восточноазиатской «тройке» (Япония–Китай–Республика Корея), участники которой имели слишком много разногласий по практическим вопросам, не говоря уже о политических аспектах.

Закрепление в Японии осознания того, что ГФК дает уникальную, а возможно, и последнюю возможность стране «застолбить» за собой место регионального лидера, обеспечивая развитие восточноазиатских интеграционных процессов в направлении, отвечающем ее интересам, обусловило активизацию японской политики в АТР²⁰. Причем такое движение началось задолго до прихода ДПЯ к власти в сентябре 2009 г. В частности, формирующиеся в Токио подходы уже в конце 2008 г. обрисовал заместитель министра иностранных дел К. Сасаэ²¹. По его словам, Япония не может оставаться в стороне от объективного процесса восточноазиатской консолидации. Более того, без балансирующего японского участия регион не сможет решить главные проблемы на пути к эффективному сотрудничеству — ядерную проблему Корейского полуост-

рова, Тайваньский вопрос и обеспечение «конструктивной роли» КНР. В целом, признавая слабость голоса Японии в Восточной Азии, высокопоставленный функционер предлагал сконцентрировать усилия на блокировании с передовыми игроками с прицелом на постепенное расширение этого круга на принципах открытого регионализма. Примечательно, что в самом примирительном ключе он высказался как по отношению к КНР (фактически пригласив Пекин вместе работать на «благо АТР»), так и относительно перспективы подключения США, которые охарактеризовал в качестве общепризнанного гаранта безопасности.

В этом контексте смена администраций в Японии предоставила хорошую возможность для радикального «переформатирования» японского внешнеполитического профиля, в первую очередь на азиатском направлении. Возможно, правильную расстановку акцентов подсказала и прохладная реакция азиатов на высказанную несколько ранее идею премьер-министра Австралии К. Радда о создании в АТР Азиатско-Тихоокеанского сообщества, в которой были слишком выпячены моменты политического взаимодействия, очевиден австрало-американский угол и недостаточно четко прописан тезис о ведущей роли АСЕАН в будущем процессе. На этом фоне инициатива о создании ВАС, предлагающая азиатским практически преимущества при подчеркиваемом отсутствии четких разъяснений относительно потенциальных участников, организационных модальностей, а также места и роли уже действующих в настоящее время структур, представала в весьма выгодном свете. За фасадом меговекторного функционального сотрудничества (с успокаивающим асеановцев намерением использовать базовые достижения «АСЕАН плюс три» и опыт функционирования Восточноазиатских саммитов) было непросто увидеть контуры подразумеваемого японцами жестко организованного и сплоченного интеграционного объединения, сравнимого по масштабам и задачам с современным Евросоюзом, включая в перспективе и возможность создания единой региональной валюты. Аморфность «находящейся в работе» идеи ВАС служила и средством ее защиты от возможной критики отдельных азиатских партнеров, и попыток перехвата инициативы (как это поначалу сделал Китай).

Наряду с продвижением ВАС на двусторонних и многосторонних площадках Токио форсированно аккумулировал внутренний потенциал для выполнения своих обещаний. Разработанная демократами новая промышленная политика ориентировала государство и бизнес на проведение сплоченной агрессивной линии по реализации в Восточной Азии крупных инфраструктурных и других проектов²². Министр экономики, торговли и промышленности М. Наосима подчеркивал, что в японской стратегии Восточная Азия впредь будет позиционироваться в качестве расширенного внутреннего рынка, а следовательно, административный ресурс (в том числе и значительные финансовые средства) будет оперативно задействоваться в случае запросов не только национальных деловых кругов, но и непосредственно азиатских стран²³. Важно было довести

до азиатов мысль о преимуществах использования японских ноу-хау и средств в целях успешного развития.

Наконец, в анализе «азиатского разворота» нельзя обойти вниманием и такой аспект, как субъективные факторы в принятии демократической администрацией решения о пересмотре внешнеполитических приоритетов. Речь идет прежде всего об антиамериканском и проазиатском настрое лидеров ДПЯ Ю. Хатояма и И. Одзава. Вполне вероятно, что и детально разбираемая японскими экспертами философия «братства», которую Ю. Хатояма предложил азиатским коллегам в сентябре 2009 г., и получивший достаточную известность неприятный опыт общения И. Одзава с американцами (как утверждается, особо генерального секретаря раздражало данное в свое время американскими партнерами прозвище «American boy») сыграли свою роль в том, какой вид в итоге приняла японская дипломатическая линия. И даже с учетом очевидных пределов действия подобных факторов (в конце концов это не помешало японцам сдать при необходимости назад) само их наличие, думается, позволяет по-новому взглянуть на вопрос о пресловутой преемственности японской внешней политики и ее относительной независимости от индивидуальных установок тех или иных лидеров.

III

За год, прошедший с момента объявления премьером Ю. Хатояма нового курса в Азии с акцентом на построение ВАС, японская дипломатия успела продемонстрировать ряд первых результатов. Они дают возможность как оценить реальное содержание и направленность нового внешнеполитического курса, так и сделать некоторые предположения о сценариях поведения страны на перспективу.

По мере фиксации в Японии прогресса в достижении первоочередных целей на азиатском направлении и закрепления концепции ВАС в региональной повестке дня началась «доводка» японской внешнеполитической линии. С одной стороны, поддерживалась динамика дискуссий по Сообществу на рабочем уровне. Смещение в ВАС фокуса на функциональное партнерство позволило японцам использовать провозглашенные ими экономические инициативы в адрес азиатских соседей — содействие в реализации инфраструктурных проектов, создание современной энергетики, внедрение чистых технологий, повышение уровня готовности к чрезвычайным ситуациям и пр. С другой стороны, закрепившись на новых, более прочных позициях в регионе, Токио мог вернуться к вопросу о поддержании разумного баланса в своей линии в отношении Восточной Азии и США. По-видимому, японцы посчитали возможным открыто заговорить об этом уже в начале 2010 г., о чем свидетельствует и содержание программной речи министра иностранных дел К. Окада. К весне 2010 г. «многоликость» ВАС — т.е. различные интерпретации концепции в зависимости от того, с кем она проговаривалась, — стала основным подхо-

дом для Токио. Таким образом, идея Сообщества окончательно сформировалась как удобный инструмент, помогающий японцам «держать руку на пульсе» течений и настроений в АТР, прежде всего имеющих отношение к интеграции, и проводить свою линию, имея неплохую страховку от подозрений в «чужеродности» японского фактора.

Разумеется, особый интерес представляют причины достаточно резких поворотов в японской линии по отношению к Китаю. Действительно, Пекин при его бесспорном экономическом весе в АТР и политической значимости, казалось бы, должен был оставаться объектом японских позитивных усилий. Однако 2010 год проходит под знаком снижения динамики японо-китайских связей сразу по нескольким векторам, включая и экономический. Среди спекуляций на эту тему — от давления Вашингтона до уменьшения влияния И. Одзава, — как представляется, следовало бы обратить внимание на следующие детали. После ГФК экономические императивы в Китае и Японии хотя и остаются преимущественно близкими, уже не столь синхронны по ряду важных направлений. В КНР постепенно реализуется курс на становление собственной модели производств с высокой добавленной стоимостью, который, очевидно, начнет входить в прямую конкуренцию с японскими предложениями. Есть уже и первые примеры — автопром, высокоскоростные железные дороги, связь. Отдельные инициативы в рамках данной промышленной политики непосредственно бьют по японской конкурентоспособности. Речь, в частности, идет о вводимых КНР ограничениях на экспорт редких ресурсов и редкоземельных металлов, широко используемых в гибридных автомобилях и других высокотехнологичных продуктах, на которые Токио делает ставку. Наконец, появляются первые признаки снижения для японцев привлекательности Китая как места размещения производств — именно такой тезис начал закрепляться здесь после волны забастовок на японских предприятиях в КНР, которую местные аналитики единодушно расценили как сигнал о том, что «сэкономить» за счет выноса производств в Китай в будущем будет сложно²⁴.

На этом фоне только возрастает интерес к ЮВА, которая может предложить стагнирующей Японии емкий растущий рынок в сочетании с существенными политическими дивидендами при низком уровне расходов и взаимных претензий. Японские правительственные аналитики уже подсчитывают, что «средний класс», который рассматривается в качестве основного потребителя японской продукции, в странах АСЕАН уже составляет 190 млн. человек, а с учетом темпов его роста и потенциала Индии может в обозримом будущем увеличиться до 880 млн. человек. Токио, по мнению экспертов, может содействовать этому процессу, увеличив и разнообразив помощь партнерам в ЮВА²⁵. По-видимому, начинает «голосовать ногами» и бизнес. Японские инвестиционные компании фиксируют существенное усиление интереса бизнеса к Вьетнаму, Индонезии, Малайзии при одновременном падении интереса к КНР²⁶.

С учетом этого появляется возможность прогнозировать дальнейшие политические и экономические расхождения между Китаем и Японией. Безусловно, Токио не может лишиться себя инструментов прямой работы с Пекином, коими являются двусторонние диалоговые форматы, восточноазиатская «тройка» и в конечном счете «Восточноазиатское сообщество». Однако в реальности японская линия, видимо, будет балансировать на тонкой грани сотрудничества и соперничества. Очевидные области столкновения интересов — Корейский полуостров, акватории в СВА, комплексное влияние в ЮВА. Что касается последнего, внимания, как представляется, заслуживают две тенденции. Во-первых, продолжение укрепления взаимодействия Японии с этим регионом открыто против Китая (например, проекты в зоне реки Меконг, диалоги по обеспечению безопасности морских путей, отдельные совещания по вопросам ядерной безопасности). Во-вторых, усилия самих стран ЮВА в целях обеспечения соответствия региональной интеграции собственным интересам, что зачастую опять же будет идти не совсем в русле китайских ожиданий. Таким образом, забытое в свое время ВАС в японской обработке послужило своеобразным катализатором для выработки линии АСЕАН в отношении региональной интеграции.

Заключение

Выдвинутая администрацией ДПЯ в сентябре 2009 г. инициатива о построении в АТР «Восточноазиатского сообщества» в сочетании с новым, более активным курсом Японии в данном регионе имела в основе целый комплекс факторов как внешнеполитической, так и сугубо внутренней природы. С определенной долей уверенности можно говорить о том, что «азиатский разворот» Токио в 2009–2010 гг., в отличие от наблюдавшейся в 2005–2007 гг. линии в отношении Восточной Азии, был в большей степени связан с принципиальными национальными задачами восстановления экономики после ГФК и определения стратегии развития на средне- и долгосрочную перспективу.

В этом контексте, как представляется, можно предположить, что Япония будет продолжать курс на внедрение в Восточную Азию. Данное стремление будет усиливаться по мере обострения структурных японских политических и социально-экономических проблем. Первоочередные ориентиры с этой точки зрения — дальнейшее сокращение населения, сжатие внутреннего спроса, уменьшение экономического веса (второе место фактически уже уступлено КНР), снижение степени превосходства и уникальности японских технологий, ухудшение конкурентных условий по мере налаживания в развивающихся странах высокотехнологичных производств, необходимость открытия страны для иностранного капитала и рабочих ресурсов при сохранении внутренней оппозиции, сужение поля для внешнеполитических маневров по мере усиления Китая.

Таким образом, «азиатский разворот» может трактоваться в качестве свидетельства набирающего силу в японской внешнеполитической линии реализма. Вопрос о степени превосходства в будущем практических интересов над союзнической лояльностью, по-видимому, пока остается открытым. Вместе с тем уже годичный опыт реализации проекта ВАС показывает, что в японских установках в отношении Вашингтона также могут появляться варианты. А сама перспектива волатильности, очевидно, позволяет расширить границы сценариев поведения Японии в Восточной Азии.

Примечания

¹ Здесь и далее использован текст «Манифеста» ДПЯ «Смена власти 2009», опубликован 27 июля 2009 г.

² The New York Times. 26.08.2009.

³ Нихон кэйдзай симбун. 25.09.2009.

⁴ Нихон кэйдзай симбун. 28.09.2009; 10.10.2009; 11.10.2009; 12.10.2009.

⁵ Иомиури симбун. 08.10.2009.

⁶ Интервью, данное автору сотрудником посольства Республики Индонезия в Японии. 10.12.2009.

⁷ Нихон кэйдзай симбун 11.10.2009.

⁸ Нихон кэйдзай симбун 17.10.2009.

⁹ Нихон кэйдзай симбун. 15.12.2009.

¹⁰ Там же.

¹¹ Иомиури симбун. 16.12.2009.

¹² Нихон кэйдзай симбун. 16.12.2009.

¹³ Foreign Policy Speech by Minister for Foreign Affairs Katsuya Okada to the 174th Session of the Diet. January 29, 2010 (<http://www.mofa.go.jp/announce/fm/okada/speech1001.html>).

¹⁴ Chairman's Statement of the First East Asia Summit. Kuala Lumpur, 14 December 2005; Chairman's Statement of the Third East Asia Summit. Singapore, 21 November 2007.

¹⁵ Стрельцов Д. Япония и «Восточноазиатское сообщество»: взгляд со стороны. — Мировая экономика и международные отношения. 2007, №2, с. 66.

¹⁶ Данные Банка Японии (см.: www.boj.or.jp/en/theme/stat/index.html).

¹⁷ См., например: Нихон кэйдзай 2010 (Экономика Японии 2010). 08.02.2010, с. 66–71.

¹⁸ Данные Азиатского банка развития. Цит. по: Коки хигаси адзиаэн-га сэкай-о кэньин суру (Расширенный регион Восточной Азии станет локомотивом мировой экономики). — Экономисуто. 05.01.2010, с. 32–33.

¹⁹ Материалы международной конференции Азиатского банка развития «Уроки глобального кризиса для Азии». 20–23 июля 2009 г., Токио.

²⁰ Там же.

²¹ Сасаэ К. Сандзюэн о мисуэта гайко сэньяку (Дипломатическая стратегия на 30 лет вперед). — Гайко форуму. 2008, декабрь, с. 14–20.

²² Экономисуто. 16.02.2010, с. 34–35.

²³ Нихон кэйдзай симбун. 09.12.2009.

²⁴ Нихон кэйдзай симбун. 28.08.2010.

²⁵ Экономисуто. 30.03.2010, с. 22–32.

²⁶ Интервью, данное автору представителем японской инвестиционной компании. 25.04.2010.

В.А. Гринюк

**ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВ
ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ЯПОНИИ
В ОТНОШЕНИИ ГОСУДАРСТВ
КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА**

Победа Демократической партии Японии (ДПЯ) на выборах в палату представителей парламента 30 августа 2009 г. и создание правительства во главе с лидером демократов Ю. Хатояма первоначально были восприняты в Японии и в мире как важный поворот в политической жизни страны. Прозвучала даже оценка этих событий как «второй демократизации после поражения Японии во Второй мировой войне». Однако довольно скоро возникли сомнения в том, что демократам удалось создать реальную, содержательную альтернативу правлению Либерально-демократической партии (ЛДП)¹. В частности, не оправдались надежды на то, что правительство Ю. Хатояма выведет из тупика связи с КНДР и решит проблемы в отношениях с Южной Кореей. Такие надежды имелись из-за объявленного руководством ДПЯ курса на укрепление сотрудничества с азиатскими странами, на формирование «Восточно-азиатского сообщества».

Япония не имеет дипломатических отношений с КНДР. Главным препятствием к их налаживанию служит проблема похищенных северокорейскими спецслужбами японских граждан. Хотя речь идет о событиях 1970–1980 гг., японская сторона утверждает, что некоторые японские пленники все еще насильно удерживаются в Северной Корее, и требует от Пхеньяна их возвращения. Жесткая позиция Токио в этом вопросе мешала продвижению шестисторонних переговоров по урегулированию ядерной проблемы на Корейском полуострове.

Что касается японо-южнокорейских связей, то для них характерны взаимодействие и согласование позиций двух стран в противостоянии КНДР, сочетание соперничества и сотрудничества в экономической области, активизация культурных обменов и рост взаимного туризма. Вместе с тем не устранены разногласия Токио и Сеула в оценке исторического прошлого и сохраняет остроту спор по поводу островов Токто (Такэсима).

© Гринюк В.А., 2011

После победы Демократической партии на парламентских выборах 30 августа 2009 г. руководство КНДР выразило желание ускорить нормализацию отношений между двумя странами в духе Пхеньянской декларации 2002 г.². По-видимому, в Пхеньяне надеялись, что новое японское правительство не будет столь враждебным к Северной Корее, как прежние кабинеты ЛДП. 10 сентября 2009 г. председатель Верховного народного собрания КНДР Ким Ён Нам заявил в интервью, что будущее отношений между Токио и Пхеньяном будет зависеть от готовности правительства Ю. Хатояма возместить ущерб, нанесенный Корее японским колониальным господством. Корейский представитель отметил, что связи между Японией и КНДР оставались на низком уровне из-за курса Либерально-демократической партии и правительства Т. Асо. Он указал в качестве примеров враждебных шагов японской стороны в отношении Северной Кореи на предпринятое Токио усиление экономических санкций против Пхеньяна, на обращенную к администрации США просьбу японского правительства не исключать Северную Корею из перечня государств-пособников террористов. Ким Ён Нам припомнил Токио также активную роль Японии в подготовке и принятии Советом Безопасности ООН резолюции № 1874 после проведенного Пхеньяном испытания ядерного устройства в мае 2009 г. 11 сентября 2009 г. посол КНДР по вопросам нормализации отношений с Японией Сон Иль Хо заявил, что Японии и КНДР нужно заключить новое соглашение о проведении северокорейской стороной дополнительного расследования судьбы похищенных японцев в обмен на смягчение экономических санкций против КНДР. По словам Сон Иль Хо, прежняя договоренность на этот счет, достигнутая в 2008 г., потеряла силу из-за непримиримой линии уходящего правительства Т. Асо в отношении Пхеньяна³.

Со своей стороны, Ю. Хатояма и другие представители Демократической партии Японии делали высказывания и предпринимали шаги, которые можно было истолковать как примирительные в отношении северокорейских партнеров. 13 октября 2009 г. премьер-министр объявил о ликвидации Штаба по разрешению проблемы похищенных, созданного в 2006 г. премьер-министром С. Абэ, и учредил взамен его новую структуру. В работе Штаба принимали участие 18 министров кабинета, а во вновь созданную рабочую группу вошли премьер-министр и три члена правительства (правда, при этом был увеличен с 30 до 40 сотрудников штат секретариата). Тем не менее представители Ассоциации родственников похищенных⁴ выразили озабоченность, сочтя, что новое правительство уделяет недостаточно внимания проблеме похищений. Как сообщила 4 ноября 2009 г. южнокорейская газета «Чосон ильбо», во время беседы с бывшим послом Республики Корея в Японии Чой Сан Ёнг премьер-министр Ю. Хатояма высказал мысль, что Японии не обязательно ждать полного разрешения проблемы похищенных, чтобы установить дипломатические отношения с КНДР. Об аналогичных высказываниях генерального секретаря Демократической партии Японии И. Одзава пи-

сала «Иомиури симбун». Эта же газета 16 декабря 2009 г. отмечала, что правительство Ю. Хатояма убрало из программы мер по разрешению проблемы похищенных пункт о передаче северокорейской стороной Японии северокорейских агентов, несущих ответственность за похищение японцев. Это толковалось как серьезная уступка Пхеньяну⁵.

Однако все эти ходы должны были лишь показать новизну и оригинальность внешнеполитической линии ДПЯ, ее отличия от курса ЛДП. Кроме того, руководители правительственной партии были вынуждены учитывать позицию партнера по коалиционному правительству — Социал-демократической партии Японии (СДПЯ), которая настаивала на диалоге с Пхеньяном, считая его необходимым для обеспечения безопасности Японии. Но по существу отношение официального Токио к Северной Корее при правительстве Демократической партии не изменилось. 25 октября 2009 г. заместитель премьер-министра Н. Кан в речи, обращенной к служащим морских Сил самообороны, заявил, что предпринятые Северной Кореей запуск ракеты в апреле и испытание ядерного взрывного устройства в мае 2009 г. «нетерпимы». Он призвал моряков крепить оборону, чтобы противостоять «серьезной угрозе со стороны Северной Кореи». 30 октября 2009 г. правительство представило в парламент проект закона, позволяющего японской Службе безопасности на море досматривать морские суда, перевозящие грузы в КНДР и из этой страны (соответствующий закон был принят парламентом 28 мая 2010 г.). В конце ноября 2009 г. Япония запустила с помощью ракеты Н-2А спутник для сбора разведывательной информации о военной деятельности в КНДР⁶.

Инцидент с потоплением южнокорейского корвета «Чхонан» 26 марта 2010 г. до предела обострил напряженность в отношениях между КНДР и РК. В этой ситуации Токио солидаризовался с Сеулом, поддержав его обвинения в адрес Северной Кореи. В начале апреля 2010 г. правительство Японии приняло решение продлить на один год введенные прежде экономические санкции в отношении Пхеньяна⁷. 24 мая 2010 г. Совет безопасности Японии при участии премьер-министра Ю. Хатояма и ведущих министров кабинета обсуждал возможные ответные меры в связи с «нападением северокорейской подлодки» на корабль южнокорейского ВМФ. Было принято решение об уменьшении с 300 тыс. до 100 тыс. иен (1097 долл.) предельной суммы наличности, которую можно вывозить из Японии в Северную Корею без декларирования на таможне, и о снижении с 300 тыс. до 100 тыс. иен предельной суммы наличности, которую физическое лицо может вывезти в КНДР по декларации⁸. Японские руководители учитывали, что ввоз денег проживающими в Японии гражданами КНДР составлял важный источник поступлений валюты в Северную Корею, и стремились по возможности этот источник ослабить.

Укрепление солидарности японского руководства с правительством Южной Кореи в периоды обострения противостояния между двумя государствами Корейского полуострова уже выглядит как закономерность взаимодействия в «треугольнике» КНДР–РК–Япония. Напротив, потепле-

ния между Сеулом и Пхеньяном по времени совпадали с похолоданиями в политических отношениях между Японией и Южной Кореей. В частности, в период пребывания у власти в Республике Корея предыдущего президента, левоцентристского политика Но Му Хёна (февраль 2003–февраль 2008), постепенно углублялись экономические и гуманитарные связи между Сеулом и Пхеньяном⁹. В этот же отрезок времени, по существу, прервался политический диалог между руководством Японии и Южной Кореи. Кроме прочих моментов, по-видимому, сказывалась политическая и идеологическая несовместимость левоцентристского политика, президента Республики Корея Но Му Хёна и политика правого толка, премьер-министра Японии Д. Коидзуми.

Хотя время показало совпадение в принципиальных вопросах курса правительства Ю. Хатояма в отношении Южной Кореи с линией правительственных кабинетов ЛДП, этот курс имел и отличительные особенности. Демократическая партия позиционирует себя как партия либерального толка, что проявляется в подходе к вопросам исторической ответственности Японии. К. Окада, министр иностранных дел в правительстве Ю. Хатояма, еще в 2005 г. в качестве председателя ДПЯ критиковал премьер-министра Д. Коидзуми за его визиты в святилище Ясукуни. В этом храме наряду с душами других японских военных поклоняются душам главных японских военных преступников, казненных в 1948 г. по приговору Международного военного трибунала для Дальнего Востока. К. Окада указывал, что демонстративные посещения Д. Коидзуми святилища Ясукуни подрывают усилия Токио, направленные на налаживание с государствами Азии тесного сотрудничества для урегулирования проблем, связанных с Северной Кореей, и уменьшают для Японии возможность стать постоянным членом Совета Безопасности ООН. В соответствии с внешнеполитической программой ДПЯ Ю. Хатояма после формирования своего правительства объявил, что не будет посещать Ясукуни и просил членов своего кабинета также воздержаться от визитов в святилище¹⁰.

Во время первой встречи с президентом Южной Кореи Ли Мён Баком 23 сентября 2009 г. во время Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке Ю. Хатояма и его корейский партнер договорились добиваться улучшения отношений между двумя странами, «не обходя сложные вопросы истории, а прокладывая путь через них»¹¹. В начале октября 2009 г. министр иностранных дел Японии К. Окада выдвинул предложение организовать совместную работу историков Японии, Китая и Южной Кореи с целью подготовки общего учебника истории. Эта идея получила положительный отклик в Сеуле. Генеральный секретарь ДПЯ И. Одзава в выступлении в университете Кукмин в Сеуле в декабре 2009 г. принес неофициальные извинения Южной Корее за зло, причиненное Японией в период колониального правления¹². По-видимому, руководители ДПЯ и в этом вопросе учитывали позицию социал-демократов, выступавших за принесение японским правительством официальных извинений за милитаристскую политику Японии до 1945 г.

Вопросы исторического прошлого в отношениях между Японией и государствами Корейского полуострова сегодня особенно актуальны ввиду того, что в конце августа 2010 г. исполнилось 100 лет аннексии Кореи Японией (договор об аннексии был подписан 22 августа и вступил в силу 29 августа 1910 г.). В ходе дискуссии, посвященной проблемам колониального правления Японии в Корее, известный японский историк, почетный профессор Токийского университета Х. Вада изложил перечень шагов, которые, на его взгляд, надлежало сделать правительству Ю. Хатояма в связи с годовщиной аннексии. «Думаю, что правительство, представляющее обновленную Японию, могло бы отметить 100-летие аннексии заявлением, в котором бы отразилось преодоление прежнего исторического сознания... Было бы очень важно обнародовать мнение японского правительства о том, почему возникло колониальное господство Японии в Корее, как была предпринята аннексия и что представлял собой договор об аннексии», — указал историк¹³.

Ученый отметил, что пришло время достичь согласия между позициями Японии и Южной Кореи в отношении статьи 2 заключенного в 1965 г. Договора об основах отношений между Японией и Республикой Корея. Данная статья объявила договор от 22 августа 2010 г. об аннексии Кореи и предшествовавшие ему японо-корейские соглашения «уже утратившими силу». Но корейская сторона истолковывает это положение в смысле изначальной недействительности договора об аннексии, а официальный Токио настаивает, что в свое время договор был заключен равноправными партнерами при свободном волеизъявлении и что этот акт сохранял легитимность до момента образования Корейской Республики.

Кроме того, по мнению Х. Вада, именно сейчас было бы естественным установить дипломатические связи Японии с Корейской Народно-Демократической Республикой и покончить с колониальным прошлым в отношении этого государства.

Помимо этого, полагает авторитетный историк, следовало бы добиваться разрешения существующей между Японией и Южной Кореей проблемы островов Такэсима (Токто) — «внушающего беспокойство вопроса, напрямую связанного с господством Японии в отношении Кореи»¹⁴.

Далее ученый поднимает тему компенсации за ущерб, вызванный колониальным управлением Кореи. В частности, он считает, что правительству, корпорациям и народу Японии едва ли подобает сохранять молчание, когда правительство Южной Кореи начинает по собственной инициативе выплачивать пособия корейцам, насильственно мобилизованным для работ в Японскую империю в период ее колониального господства.

Наконец, Х. Вада высказал соображения по поводу направленного президентом Республики Корея Ли Мён Баком в адрес императора Японии приглашения посетить Страну утренней свежести в связи со 100-летием аннексии. Почетный профессор Токийского университета считал, что в случае принятия приглашения корейской стороны было бы уместно

организовать посещение императором Японии и его супругой могил императора Кореи Кочжона и императрицы Мин¹⁵.

В высказывании Х. Вада систематизированы основные проблемы, разделяющие Японию и государства Корейского полуострова. Поэтому сопоставление реальных шагов правительства Демократической партии Японии с тезисами историка помогло бы прояснить линию демократов в отношении РК и КНДР.

Что касается заявления японского правительства по поводу столетия аннексии Кореи, то до отставки Ю. Хатояма с поста премьер-министра 2 июня 2010 г. оно не прозвучало. Такой документ обнародовал 10 августа 2010 г. новый руководитель правительства Н. Кан, приурочив его к годовщине вступления в силу договора об аннексии (29 августа 1910 г.) и к годовщине провозглашения независимости Кореи (15 августа 1945 г.). В заявлении лидера Японии содержалось признание того, что «осуществлявшееся против воли корейцев колониальное правление лишило их собственного государства и культуры и нанесло глубокие раны национальной гордости». Н. Кан «вновь выразил самокритику и извинения, идущие из глубины души»¹⁶. Кроме того, премьер-министр говорил о намерении продолжать оказание помощи корейцам, проживающим на Сахалине, и содействие в возвращении из Японии на родину останков выходцев с Корейского полуострова. Он также объявил о намерении в ближайшем будущем передать Южной Корее относящиеся к Средним векам исторические материалы корейской королевской династии Чосон, которые были изъяты японской колониальной администрацией и вывезены в Японию¹⁷. Вместе с тем Н. Кан констатировал расширение обменов в различных областях между Японией и Южной Кореей, углубление чувств взаимной близости и дружбы между народами двух государств, развитие двустороннего экономического сотрудничества¹⁸.

Президент Республики Корея Ли Мён Бак положительно воспринял декларацию японского лидера, но указал на важность того, во что выльется японское извинение на практике¹⁹.

Хотя премьер-министр Н. Кан признал, что колониальное господство Японии противоречило воле корейского народа, его заявление не было исчерпывающим. Оно было обращено только к Южной Корее, а КНДР, занимающая северную часть Корейского полуострова, в нем даже не упоминалась. Кроме того, документ не содержал анализа причин установления колониального господства Японии в Корее и хода его осуществления. Такой анализ потребовал бы от официального Токио критического переосмысления истории Японии начиная с эпохи Мэйдзи. В этом случае была бы пересмотрена официальная трактовка статьи 2 Договора об основах отношений между Японией и Республикой Корея.

Но то, чего не сделали политические руководители Японии, еще раньше предприняли видные японские интеллигенты вместе с коллегами из Южной Кореи. 10 мая 2010 г. в Токио и в Сеуле было опубликовано заявление, подписанное 214 представителями японской и южнокорейской

интеллигенции. Документ имеет красноречивый и недвусмысленный заголовок: «Процесс аннексии Кореи был несправедливым и незаконным, договор об аннексии также несправедлив и незаконен». В числе японских авторов заявления лауреат Нобелевской премии писатель К. Оэ, почетные профессора Токийского университета историки Х. Вада и Ё. Сакамото. С корейской стороны декларацию подписали Ён Хо Ким — президент университета Юхан, другие видные ученые, публицисты и издатели. Основным выводом экспертов двух стран свелся к тому, что аннексия Кореи была результатом длительной агрессии и многократных захватов корейской территории японской армией, убийства императрицы, запугивания императора Кореи и руководителей правительства страны, а также жестокого подавления сопротивления корейского народа²⁰.

Рассказывая о подготовке заявления, один из его инициаторов, уже упоминавшийся известный историк Х. Вада, отметил, что после углубленного изучения проблемы статьи 2 Договора об основах отношений между Японией и Республикой Корея специалисты признали верной ту трактовку, которую дает корейская сторона. То есть эксперты пришли к единому мнению, что договор об аннексии Кореи был изначально неправомерен²¹.

Характерно, что, хотя газеты «Асахи симбун», «Токио симбун», «Джэпан таймс» и агентство Киодо цусин опубликовали сообщения о совместном заявлении японских и корейских интеллигентов, в Японии эта тема широкого освещения не получила²².

Следующий пункт тезисов историка Х. Вада, которые мы в данном случае используем в качестве ориентира, — о желательности установления дипломатических отношений между Токио и Пхеньяном спустя 100-летие после начала колониального господства Японии в Корее. Выше было показано, что реальная политика демократов на северокорейском направлении никоим образом не приблизила нормализацию связей Японии с КНДР.

Далее, что касается темы островов Токто (Такэсима), то и в этом вопросе сближения позиций Японии и двух корейских государств не произошло. Корейцы воспринимают выдвижение Японией притязаний на острова как рецидив прежней захватнической политики Токио. С другой стороны, выраженная руководителями ДПЯ готовность честно относиться к истории не подразумевала компромисса с их стороны относительно территорий. В «Манифесте» ДПЯ в связи с выборами в палату советников парламента 30 августа 2009 г. говорилось: «Партия будет упорно вести переговоры, чтобы добиться скорейшего разрешения проблем северных территорий и островов Такэсима, на которые Япония имеет суверенные права»²³. Министр иностранных дел Японии К. Окада в сентябре 2009 г. заявил по поводу изложения в школьных учебниках проблемы островов Такэсима (Токто), что в переговорах с Южной Кореей важно добиваться взаимопонимания. Вместе с тем «не составит большого труда обозначить в учебниках, что острова Такэсима — японская территория, поскольку японское правительство защищает такую точку зрения»²⁴. 25 декабря

2009 г. правительство выпустило новые методические указания по преподаванию в средних школах второй (высшей) ступени. В этом документе острова Такэсима упомянуты как японская территория. В тот же день министр иностранных дел Южной Кореи Ю Мён Хван вызвал японского посла и выразил сожаление в связи с этим шагом Токио²⁵.

Новое обострение территориального спора вызвало утверждение Министерством образования, культуры, спорта, науки и техники Японии 30 марта 2010 г. пяти учебников по истории для начальной школы. В них острова Такэсима обозначены как территория Японии, а их занятие Южной Кореей объявлено «незаконным». В связи с этим министр иностранных дел Республики Корея выразил официальный протест послу Японии. Пресса Южной Кореи подчеркивала, что Токио принял направленное против РК решение в период кризиса, вызванного потоплением корвета «Чхонан», и обвиняла японскую сторону в «бесчувственности». Премьер-министр Республики Корея Чунг Ун Чан выступил с резкой критикой в адрес официального Токио, заявив: «Разве может быть будущее у страны, которая нечестна в отношении истории и не способна учить своих детей правде?»²⁶. Американские исследователи Дэвид Канг и Чжи Янли сообщают, что новое обострение японо-корейского территориального спора вызвало дискуссию в южнокорейском правительстве по поводу отношений с Японией. Некоторые влиятельные законодатели из правящей в Южной Корее Партии великой страны полагают необходимым пересмотреть спокойную дипломатическую линию президента Ли Мён Бака в отношении Японии, считая, что она неэффективна²⁷.

Что касается вопроса о компенсации Японией ущерба, нанесенного Корее в период колониального господства, то и по этому пункту политику правительства Ю. Хатояма нельзя считать успешной. Имущественные претензии Южной Кореи были сняты при подписании 22 июня 1965 г. Договора об основах отношений между Японией и Республикой Корея. Вопрос об удовлетворении материальных требований со стороны КНДР встанет в будущем при нормализации отношений с этим государством. Как отмечал Х. Вада, сегодня возникают проблемы компенсаций гражданам РК за работу на Японию в колониальный период. В декабре 2009 г. стало известно о решении, принятом японскими властями на этот счет. Одиннадцать лет назад семь корейских женщин подали в Японское агентство социального страхования заявления о выплате им выходных пособий, положенных в связи с окончанием работы на японском военном заводе в колониальный период. В наше время им была выплачена ничтожная сумма в 99 иен (около 33 рублей) в порядке доплаты по результатам пересчета государственных пенсий. Японское агентство социального страхования объяснило, что сумма выплат была определена в соответствии с пенсионным законодательством Японии с учетом размера зарплаты, которую женщины получали во время их работы. В Южной Корее это решение японских властей было воспринято с возмущением. Редакционная статья корейской газеты «Джунан дэйли» от 28 декабря 2009 г.

прокомментировала его как «оскорбление человеческого достоинства и злую пощечину»²⁸.

Наконец, о гипотетическом визите императора Японии в РК в связи со 100-летием аннексии Кореи. Президент РК Ли Мён Бак направил приглашение императору Японии посетить страну. Однако это приглашение принято не было, и визит японского монарха в Сеул не состоялся.

Помимо пунктов, приведенных почетным профессором Х. Вада, стоит осветить еще две связанные с колониальным прошлым Японии проблемы, которые возникли во время пребывания у власти правительства Ю. Хатояма.

В конце января 2010 г. правительство представило в парламент законопроект об отмене в Японии платы за обучение в средней школе второй ступени. Закон должен облегчить детям из семей с низкими доходами получение полного среднего образования. Притом прежде Демократическая партия провозглашала, что будет заботиться о возможностях получения образования всеми без исключения людьми, проживающими в Японии. Позднее было объявлено, что закон не будет применяться в отношении учащихся десяти средних школ второй ступени, принадлежащих Сорэн — Генеральной лиге корейских граждан в Японии. Эта организация объединяет от 30 до 40 тыс. проживающих в Японии граждан КНДР — потомков корейцев, ввезенных в Японию в колониальный период. Идея исключения детей граждан КНДР из программы освобождения от платы за обучение в школе принадлежит консервативным членам правительства, в частности государственному министру по делам похищенных японских граждан Х. Накаи. Он утверждал, что выделение государственных субсидий для покрытия расходов на обучение детей северокорейских граждан равнозначно экономической помощи КНДР. Такой дискриминационный подход к корейским школьникам вызвал протесты в Пхеньяне, а также резкую критику со стороны юристов и научного сообщества Японии. 5 марта 2010 г. председатель Союза адвокатов Японии М. Миядзаки подписал заявление с требованием отменить несправедливое решение в отношении учащихся корейских школ²⁹. Свой протест выразили также восемнадцать авторитетных ученых из ведущих университетов Японии. В их заявлении подчеркивалось, что гонения против корейских школьников несправедливо увязаны с проблемой похищений японцев и совпадают с тенденцией ксенофобии в современной Японии, выражающейся в антикорейских высказываниях и действиях³⁰. 13 марта 2010 г. японское правительство приняло решение временно исключить школы Генеральной лиги корейских граждан в Японии из программы отмены платы за обучение. Окончательное решение должен принять специально созданный орган в составе Министерства образования, культуры, спорта, науки и техники, который предварительно проверит, насколько учебные программы корейских школ соответствуют общим требованиям японских средних школ второй ступени. Премьер Ю. Хатояма выступил с разъяснением, что особый подход к корейским школам никак не

связан с проблемой похищений японских граждан. По этому поводу государственный министр Х. Накаи подверг главу правительства критике за то, что он «чересчур беспечен и добродушен» и избегает четкого выражения своей позиции³¹. Проблема приобрела международное звучание, поскольку в марте 2010 г. Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации провел проверку ситуации в связи с корейскими школами в Японии. В документе, опубликованном по ее результатам, комитет выразил беспокойство из-за позиции японских политиков, настаивающих на дискриминационном исключении корейских школ из программы отмены платы за обучение³².

Еще одна серьезная неудача правительства Ю. Хатояма — провал попытки предоставить гражданам КНДР и РК, постоянно проживающим в Японии, право участвовать в выборах органов местного самоуправления. После 1995 г. соответствующие законопроекты выдвигали (правда, безуспешно) находившиеся в то время в оппозиции Демократическая партия Японии, партия Новая Комэйто и Коммунистическая партия Японии. В январе 2010 г. премьер-министр Ю. Хатояма и генеральный секретарь И. Одзава заявили о намерении представить на очередной сессии парламента законопроект о предоставлении проживающим в Японии корейцам избирательного права. Однако этот план вызвал возражения в самой правящей партии: выявились опасения, что корейцы могут голосовать за решения, противоречащие национальным интересам Японии, в частности по территориальному спору с Южной Кореей. Поэтому премьер-министр Ю. Хатояма в марте 2010 г. заявил, что повременил с выдвиганием законопроекта. Это имело прямые дипломатические последствия: правительство Южной Кореи объявило о переносе официального визита президента Ли Мён Бака с 10 апреля на более отдаленный срок³³.

Вместе с тем можно констатировать, что взаимодействие Японии и Южной Кореи в области экономики, сочетающее соперничество и сотрудничество корпораций двух стран, развивается нормально. Растет число южнокорейских туристов, посещающих Японию, и японцев, приезжающих в Южную Корею. Страна восходящего солнца переживает подъем интереса к музыке, эстраде, кино соседнего государства. Одновременно с этим улучшается эмоциональный климат в отношениях японцев и корейцев друг к другу. 1 января 2010 г. были опубликованы результаты опроса, проведенные Корейским исследовательским центром об отношении граждан РК к Японии. 35,9% опрошенных сказали, что недолюбливают Японию, а 10,8% респондентов заявили, что им нравится эта страна. Во время аналогичного опроса, проведенного в 2005 г., об отрицательном отношении к Японии говорили 63,4% опрошенных корейцев — почти в два раза больше³⁴. Растет и число японцев, положительно относящихся к своим ближайшим соседям. Взаимодействие двух государств в экономике, двусторонние научные и культурные связи, общение рядовых граждан компенсируют недоработки официальной дипломатии То-

кио и Сеула. Естественная тенденция углубления взаимного интереса двух народов друг к другу медленно, но верно побеждает.

Что касается отсутствия прорыва в политических отношениях между Японией и государствами Корейского полуострова при правительствах Демократической партии Японии, то причины, очевидно, связаны с характером данной партии. Бросается в глаза непоследовательность линии правительства Ю. Хатояма в отношении КНДР и РК и споры внутри ДПЯ вокруг этой линии. Четких идейных ориентиров у партии нет. В Японии начиная с 80-х годов прошлого века расширяется слой избирателей, не ориентирующихся на какую-то определенную партию. Причем эти люди не отказываются в принципе поддерживать любую из существующих партий, а часто меняют свои политические предпочтения. По мнению японского исследователя Т. Ёсида, в этой ситуации Демократическая партия Японии приспосабливается к настроениям «текучей» части электората. Для нее характерна популистская тенденция «раздавать всем сестрам по серьгам». Действуя как «партия профессионалов избирательных кампаний», ДПЯ не выдвигает политической программы, а оперирует «манифестами»³⁵.

Между тем серьезное изменение политики Японии в отношении КНДР и РК требует пересмотра ряда важных, в том числе идеологических, принципов. Похоже, что ДПЯ к такому пересмотру не готова. Тем более что к этому ее уже не подталкивает и Социал-демократическая партия Японии, которая 30 мая 2010 г. вышла из совместного с ДПЯ коалиционного правительства. Поэтому существенные подвижки в политике правительства демократов в отношении КНДР и РК маловероятны.

Примечания

¹ Ёсида Т. Минсюто сэйкэн ва надзэ дзэйдзюку на но ка (Почему политическая власть Демократической партии так слаба?). — Сэкай. 2010, № 4, с. 94.

² Документ, подписанный председателем Комитета обороны КНДР Ким Чен Иром и премьер-министром Японии Д. Коидзуми во время официального визита японского лидера в Пхеньян в сентябре 2002 г., в ходе которого северокорейский лидер признал факт похищений японцев и принес извинения. В Пхеньянской декларации были сформулированы принципы нормализации японо-северокорейских отношений, она содержала пункты об оказании Японией экономической помощи КНДР и о намерении северокорейской стороны соблюдать временный мораторий на запуски своих ракет.

³ Kang D., Young Lee Ji. Japan–Korea Relations: Japan’s New Government: Hope and Optimism (www.csis.org/media/isis/pubs/0903qjapan_korea.pdf).

⁴ Влиятельная организация, во многом определяющая жесткий настрой японского общества к Северной Корее.

⁵ Kang D., Young Lee Ji. Japan–Korea Relations: Small Signs of Progress? (www.csis.org/media/isis/pubs/0904qjapan_korea.pdf).

⁶ Ibid.

⁷ После проведения Пхеньяном испытания баллистической ракеты в 2006 г. Токио запретил заходы северокорейских судов в японские порты, прекратил импорт товаров из Северной Кореи и экспорт из Японии в КНДР предметов роскоши. В 2009 г. после

второго испытания северокорейского ядерного устройства был введен полный запрет на экспорт товаров из Японии в Северную Корею.

⁸ *Kang D., Young Lee Ji. Japan–Korea Relations: Cheonan Incident Overshadows Everything* (www.csis.org/media/csis/pubs/1002qjapan_korea.pdf).

⁹ Кстати, на том этапе наблюдался серьезный прогресс и на шестисторонних переговорах по регулированию ядерной проблемы на Корейском полуострове.

¹⁰ *Kang D., Young Lee Ji. Japan–Korea Relations: Japan’s New Government.*

¹¹ *Ibid.*

¹² *Kang D., Young Lee Ji. Japan–Korea Relations: Small Signs of Progress?*

¹³ Тёсэн сёкуминти сихай то ва нани датта но ка (Дискуссия. Чем было колониальное господство в Корее?). — Сэкай. 2010, № 1, с. 245.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Императрица Мин, которую власти Японии рассматривали как руководительницу прорусской группировки в корейской элите, в 1895 г. была убита по приказу японского посланника в Корее. Император Кочжон в 1907 г. под давлением японцев уступил трон своему сыну. Корейский монарх был смещен после того, как он направил на Гаагскую мирную конференцию делегацию с посланием, разоблачавшим незаконные действия Японии в Корее (см.: *Шипаев В.И. Колониальное закабаление Кореи японским империализмом (1895–1917)*. М., 1964).

¹⁶ www.kantei.go.jp/jp/kan/statement/201008/10danwa.html

¹⁷ *Ibid.*

¹⁸ *Ibid.*

¹⁹ Время новостей. 12.08.2010.

²⁰ Канкоку хэйго но катэй ва фуги футо дэ ари, хэйго дзёяку мо фуги футо дэ ару. Канкоку хэйго 100 нэн. Никкан тисикидзин кёдо сэймэй (Процесс аннексии Кореи был несправедливым и незаконным, договор об аннексии также несправедлив и незаконен. 100 лет аннексии Кореи. Совместное заявление представителей интеллигенции Японии и Республики Корея). — Сэкай. 2010, № 7, с. 105.

²¹ Вада Х. Никкан тисикидзин сэймэй-но хаппё-ни ататтэ (К опубликованию совместного заявления представителей интеллигенции Японии и Республики Корея). — Сэкай. 2010, № 7, с. 103.

²² Там же, с. 104.

²³ *Kang D., Young Lee Ji. Japan–Korea Relations: Japan’s New Government.*

²⁴ *Ibid.*

²⁵ *Kang D., Young Lee Ji. Japan–Korea Relations: Small Signs of Progress?*

²⁶ *Kang D., Young Lee Ji. Japan–Korea Relations: Same As It Ever Was.* — www.csis.org/media/csis/pubs/1001qjapan_korea.pdf

²⁷ *Ibid.*

²⁸ JoongAng Daily. 28.12.2009.

²⁹ Коко мусёка хоан-но тайсё гакко-ни кансуру нихон бэнгоси рэнгокай кайтё сэймэй (Заявление председателя Союза адвокатов Японии по поводу школ — объектов действия закона об отмене платы за обучение в средней школе второй ступени). — Сэкай. 2010, № 5, с. 51.

³⁰ [Коко мусёка] соти-о тёсэн гакко-ни тэкиё суру кото-о мотомэру дайгаку кёин-но ёсэйсё (Требование преподавателей университетов распространить отмену платы за обучение на корейские школы). — Там же, с. 52.

³¹ *Kang D., Young Lee Ji. Japan–Korea Relations: Same As It Ever Was.*

³² *Ibid.*

³³ *Ibid.*

³⁴ *Ibid.*

³⁵ Ёсида Т. Цит. соч., с. 97–99.

А.В. Шлындов, Н.П. Тебин

**ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПОЛИТИКИ
НОВОЙ АДМИНИСТРАЦИИ
В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ**

Победа на выборах в нижнюю палату парламента Японии в августе 2009 г. оппозиционной Демократической партии Японии (ДПЯ) и формирование ею совместно с двумя миноритарными партиями правительства расценивается японскими политологами как исторический момент во внутриполитической обстановке в стране. В 2010 г. на политической арене страны доминировали две весьма близкие по положениям программных документов партии, относимые японским общественным мнением к лагерю консерваторов. Между тем Либерально-демократическая партия (ЛДП) объявляет себя «прогрессивной», а ДПЯ часто характеризуется как «левоцентристская» партия.

На выборах ДПЯ одержала победу над ЛДП, которая с 1955 по 1993 г. единолично формировала кабинеты и определяла политический курс страны, а с 1993 г. была вынуждена перейти к коалиционным правительствам, подбирая себе удобных по программам «младших» партнеров из миноритарных партий. Некоторые политологи считают, что двухпартийная система в стране уже сложилась. Поскольку правительство ДПЯ действует уже более года, большой интерес представляет вопрос о том, насколько отличается курс демократов в сфере обеспечения безопасности от курса их предшественников, перешедших в оппозицию либерал-демократов.

Десятилетия основные расхождения ЛДП и оппозиционных партий, которыми были левые партии, концентрировались на вопросах оборонной политики. Поэтому в настоящее время большую актуальность приобрел вопрос о том, имеются ли отличия в политике ДПЯ от курса ЛДП по проблемам безопасности и если имеются, то в чем они заключаются.

* * *

ЛДП с первых дней своего формирования, с учредительного съезда 15 ноября 1955 г., позиционировала себя как «народная партия», как партия, стремящаяся к «построению государства всеобщего благосостояния». Решение задачи построения такого государства предлагалось «на

© Шлындов А.В., Тебин Н.П., 2011

основе свободного предпринимательства», при этом отрицались как социалистическая модель построения экономики, так и монополистический капитализм¹. В течение десятилетий нахождения ЛДП у власти социальные обязательства, провозглашенные в ее программных документах, претворялись в жизнь, что обеспечивало партии стабильную поддержку избирателей.

Что касается принципов внешней политики и политики в сфере обороны, то они закладывались руководителями консервативных буржуазных партий, находившихся у власти в стране еще до создания ЛДП, в годы американской оккупации. Упомянутые руководители уже тогда пришли фактически к единому мнению, согласно которому внешняя политика и политика в сфере обороны должны служить прежде всего экономическим интересам нации. Этот курс был положен в основу деятельности ЛДП, которая базировалась, как аргументировано приходит к выводу известный российский японовед-политолог А.И. Сенаторов, на «позиции умеренного, здравомыслящего союзника США» и «члена свободного мира, избегающего прямого участия в острых конфликтных ситуациях, тем более втягивания в вооруженные инциденты»². С этой точки зрения следует рассматривать положения Договоров между Японией и Соединенными Штатами Америки о гарантии безопасности 1951 и 1960 гг.

По Договору безопасности 1951 г. в обмен на согласие Токио разместить американские военные базы на территории Японии США гарантировали ее защиту от вторжения извне, а также подавление возможных антиправительственных выступлений внутри страны. При этом в ходе предварительных переговоров по положениям Договора безопасности именно японская сторона настаивала на размещении на территории Японии американских военных баз. Еще в январе 1951 г. восемь ведущих национальных организаций японской буржуазии вручили специальному советнику президента США Дж. Фостеру Даллесу документ — «Единое мнение деловых кругов Японии», в котором, в частности, говорилось, что японские деловые круги «хотели бы получить твердое обещание, что оборона Японии будет поручена США»³.

В соответствии с Договорами безопасности и 1951, и 1960 г. Япония должна вступать в вооруженный конфликт только в условиях реальной угрозы безопасности собственной территории. Даже во время Корейской войны Япония оставалась лишь тыловой базой американских войск. Вашингтон неукоснительно придерживался своих обязательств, и Япония оставалась в стороне от его военных операций в Восточной Азии. Вместе с тем японо-американский союз в течение десятилетий обеспечивал внешнеполитическую стабильность в регионе, что представляло исключительную важность для экономики Японии, которая ориентирована на экспорт.

В начале 2000-х годов отношение США к военному присутствию на территории Японии и на Корейском полуострове было неодинаково. Вашингтон проявлял несравненно большую заинтересованность в сохране-

нии своих военных баз в Японии, нежели в Южной Корее. Помимо стратегических преимуществ от размещения баз на Японских островах важным фактором являлось то обстоятельство, что на Корейском полуострове выше вероятность втягивания сухопутных сил США в военный конфликт, а это нежелательно для Вашингтона.

Большое значение имело и то, что правительство Японии недвусмысленно выступало за сохранение американских баз в качестве элемента противодействия существующим и перспективным вызовам и угрозам военного характера. Руководство ЛДП и формировавшиеся им правительства исходили из того, что Япония получает большую выгоду от союза с США при незначительных рисках. Японские правящие круги отдавали отчет в том, что японо-американский союз хотя и не дает Японии абсолютных гарантий безопасности в любых обстоятельствах, но потенциальный противник при планировании агрессии против Японии вынужден будет учитывать американский ответ.

В условиях ускорения процесса экономического, политического и военного возвышения Китая, который уже позиционирует себя как новая сверхдержава с соответствующим этому статусу претензиями на лидерство в Восточной Азии, союз с Японией становился для США жизненно необходимым с точки зрения обеспечения американских интересов в регионе в уже начавшейся борьбе двух держав за лидерство. В этих условиях Вашингтон не мог позволить себе даже незначительного ослабления союзнических отношений с Японией. Он делал все возможное, чтобы совершенствовать их, убирая все то, что мешает их позитивному развитию.

Так, еще весной 2003 г., когда Вашингтон только разрабатывал планы перестройки системы базирования своих войск за рубежом, правительства Японии и США выработали порядок проведения регулярных консультаций в рамках Японо-американского консультативного комитета по вопросам безопасности на уровне заместителей министров обороны. Представители МИДа и военных ведомств США и Японии обменивались мнениями во время официальных встреч и в неформальной обстановке, что позволяло избегать конфликтов при подготовке официальных документов⁴. На заседании Комитета в феврале 2005 г. были выработаны общие стратегические задачи двух стран, учитывающие произошедшие изменения во внешнеполитической и военно-стратегической ситуации в мире и в регионах. При этом основное внимание было уделено Восточной Азии⁵.

На следующем заседании Комитета, состоявшемся в октябре того же года, был подписан совместный документ под названием «Трансформация и перестройка для будущего». И наконец, в мае 2006 г. было выработано и подписано новое соглашение «Японо-американская дорожная карта: вехи для перестройки». В указанных документах рассматривались вопросы, касающиеся передислокации американских военных баз на территории Японии. Обе стороны демонстрировали добрую волю и понима-

ние важности сохранения сдерживающего потенциала, размещенного на этих базах контингента американских войск, необходимого для поддержания безопасности и стабильности в Восточной Азии. При этом стороны принимали во внимание согласованный вывод военных специалистов двух стран о том, что оперативная обстановка в регионе диктует необходимость наличия на постоянной основе военных баз США именно на территории Японских островов, а их перевод за пределы субрегиона (предполагаемого театра военных действий) признавался нецелесообразным.

Точка зрения военных экспертов двух стран была выражена в ежегоднике Национального института оборонных исследований Японии, ведущего научно-исследовательского учреждения Министерства обороны Японии. В нем, в частности, отмечалось:

«Если в Восточной Азии возникнет какая-либо кризисная ситуация, определить оптимальное время для принятия решения о переброске американских войск на территорию Японии будет чрезвычайно трудно. В случае если такое решение будет принято преждевременно, это может способствовать эскалации кризиса. И наоборот: если США промедлят с принятием решения о переброске войск на территорию Японии, полагая, что просчет в выборе времени послужит эскалации конфликтной ситуации, последняя выйдет из-под контроля и приобретет необратимый характер.

В связи с этим жизненно важное значение приобретает вопрос: как реализовать то, что в теории „сдерживания“ обозначается термином „кризисная стабильность“? Принимая во внимание изложенные выше факторы, представляется целесообразным сохранять на территории Японии на постоянной основе необходимое для обеспечения сдерживания количество американских войск. В свете формирующейся в настоящее время геополитической и военно-стратегической ситуации в Восточной Азии, характеризующейся появлением новых вызовов и угроз, любая идея, предполагающая отказ от размещения в Японии на постоянной основе контингента американских войск в пользу их переброски и развертывания в кризисной ситуации, на практике окажется контрпродуктивной»⁶.

Однако для Японии наличие большого количества американских баз в префектуре Окинава создавало серьезную проблему. Уменьшение неудобств для населения, связанных с высокой концентрацией военных баз на Окинаве — вопрос, который уже много лет волнует не только Токио, но и Вашингтон. Особняком стоит проблема авиационной базы американского корпуса морской пехоты Футэмма, расположенной в жилом районе г. Гинован.

Предварительно условия перевода базы Футэмма в прибрежную зону вблизи г. Наго были выработаны еще в 1997 г. в рамках специальной двухсторонней комиссии по Окинаве⁷. В период пребывания у власти в США администрации Дж. Буша, а в Японии правительств находившегося сравнительно продолжительный срок на посту премьер-министра Д. Коидзуми (2001–2006) между двумя странами был достигнут ряд но-

вых важных договоренностей, регламентирующих вопросы, связанные с передислокацией американских военных баз на территории Японии.

Первое такое соглашение было подписано в феврале 2002 г. в ходе работы Японо-американского консультативного комитета по вопросам безопасности. Достаточно откровенно заинтересованность США в базах на территории Японии высказал осенью 2003 г. министр обороны США Дональд Рамсфельд. В связи с изменениями геополитической обстановки в мире руководство США тогда начало масштабную реорганизацию глобальной структуры своих военных баз за рубежом с целью создать условия для быстрой мобилизации сил в ответ на появление новых угроз. Для того чтобы определить, что и в какой мере необходимо преобразовать в системе базирования войск США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Д. Рамсфельд совершил инспекционную поездку по ключевым военным базам США в Южной Корее и Японии. В Сеуле он заявил, что важна в первую очередь не численность личного состава в конкретном месте, а «возможность осуществить проекцию силы (где нужно, когда нужно) с большой гибкостью и быстротой»⁸.

В Южной Корее в то время отмечался «рост национализма и антиамериканизма». Дж. Рамсфельд как бы в ответ тем, кто требовал, чтобы «американцы убрались из Кореи», заявил: «Мы хотим, чтобы наши силы размещались там, где население согласно с этим, и не стремимся сохранять военное присутствие там, где нас не желают»⁹. Впоследствии США приступили к сокращению контингента ВС США в Южной Корее.

На очередной японо-американской встрече на рабочем уровне по обсуждению проблем безопасности, прошедшей в Токио в феврале 2004 г., заместитель министра иностранных дел Японии Юкио Такэути изложил заместителю госсекретаря США Ричарду Армитэджу подходы Токио к проблеме размещения американских войск в Японии. Как писала газета «Иомиури», он, в частности, отметил, что руководство Японии придает исключительно важное значение «сохранению и укреплению сдерживающей роли, которую играют размещенные в Японии американские войска». Но также «не может не учитывать те неудобства, которые приходится испытывать жителям Окинавы и других префектур в связи с наличием и функционированием американских военных баз»¹⁰.

О роли американских баз для Японии, как ее видели в руководстве ЛДП, весьма откровенно высказался 23 июня 2004 г. премьер-министр Японии Д. Коидзуми, принимавший участие в 59-й ежегодной церемонии поминовения погибших в боях на Окинаве в конце Второй мировой войны. После окончания церемонии Д. Коидзуми в беседе с журналистами отметил: «В процессе реализации программы перестройки системы базирования американских войск на территории Японии адекватные возможности для сдерживания (возможной агрессии против Японии. — *А.Ш., Н.Т.*) должны быть сохранены». При этом, подчеркнул Д. Коидзуми, «необходимо добиваться баланса между сокращением нагрузки (на Окинаву. — *А.Ш., Н.Т.*) и сохранением сдерживающего фактора»¹¹.

Эта согласованная ранее сторонами позиция была взята за основу всех последующих договоренностей, достигнутых во время нахождения у власти в Японии либерально-демократических администраций. Среди проблем, касающихся перестройки системы базирования американских войск, наиболее остро стоял вопрос о передислокации упомянутой базы Футэмма. В интересах решения двуединой задачи — сохранения сдерживающего потенциала размещенных на Окинаве американских военных баз и снижение их негативного воздействия на население и экосистему, в 2006 г. было принято решение построить морскую платформу с двумя расходящимися взлетно-посадочными полосами в прибрежной зоне, прилегающей к американской военной базе Кэмп Шваб в г. Наго. Высвобождаемые в результате ликвидации базы Футэмма и еще пяти военных объектов совместного использования американских и японских войск земельные участки планировалось передать местным гражданским властям.

Кроме того, штаб и личный состав расквартированного на базе Кадэна формирования морской пехоты США в количестве 8 тыс. человек планировалось перебросить на американскую военную базу на остров Гуам.

После победы на выборах губернатора Окинавы Х. Накаима, который в своей предвыборной платформе не отрицал возможности передислокации базы Футэмма в пределах Окинавы, сложилась благоприятная основа для обсуждения конкретных практических вопросов, связанных с ее переносом. В повестку дня состоявшегося в августе 2006 г. очередного заседания Комитета по специальным действиям на Окинаве (Special Action Committee on Okinawa) были включены вопросы создания инфраструктуры новой базы. В итоге были созданы две комиссии для выработки конкретных предложений по строительству новой базы. В августе 2007 г. ими был представлен единый документ, в котором содержался анализ всей совокупности негативных факторов, связанных со строительством и функционированием базы и способных оказать неблагоприятное воздействие на местных жителей и экосистему. Предлагались меры для их устранения.

Как казалось, был найден путь к решению проблемы базы Футэмма. Кроме того, существенно изменилась обстановка в регионе. Распад Советского Союза, безусловно, снял ряд формальных угроз, а точнее, аргументов в пользу необходимости сохранения в прежнем виде японо-американского военно-политического союза. Но вместе с тем появились новые угрозы, которые требовали разработки новых направлений совместных действий США и Японии. Учитывая это, Токио искал возможность повышения своей роли в союзе посредством разделения функций и сфер ответственности в противодействии этим угрозам. Правда, при этом не ставились под сомнение главная роль США в отражении возможной вооруженной агрессии против Японии и необходимость «ядерного зонтика». Япония на предварительных консультациях обещала расширять и повышать свою роль в других сферах.

Однако после победы ДПЯ на парламентских выборах в Японии 30 августа 2009 г. ситуация по поводу практической реализации ранее достигнутых договоренностей, касающихся передислокации американских военных баз на территории Японии, приобрела неопределенный характер, а напряжение в японо-американских отношениях стало очевидным фактом, констатировали японские СМИ¹².

Вашингтон с некоторой тревогой следил за развитием ситуации, ожидая четкого оформления принципов политики правительства ДПЯ. Предвыборные декларации лидеров ДПЯ значительно отличались от изложенных выше принципов и конкретных мероприятий ЛДП, особенно в сфере оборонной политики.

«Левоецентристский курс» ДПЯ, как его характеризуют американские эксперты, обусловлен тем, что партия сформировалась из выходцев из многих партий, в том числе и выступавших против американского военного присутствия на территории Японии. Единства взглядов на оборонную политику среди депутатов парламента от ДПЯ не было. Кроме того, ДПЯ не имела большинства в верхней палате парламента. При отклонении же законопроекта в этой палате, по процедуре, требуется его повторное принятие в нижней, но уже большинством в две трети голосов, а его у ДПЯ в ней не было. Поэтому демократы начали искать союзников для формирования коалиционного правительства, чтобы получить большинство и в верхней палате.

Если ЛДП подбирала своих союзников по коалициям прежде всего «по близости взглядов» на проблемы, то ДПЯ такой возможности была лишена. В сформированную ДПЯ трехпартийную коалицию согласились войти Социал-демократическая партия Японии (СДПЯ) и Народная новая партия Японии (ННП), у которых взгляды на проблемы безопасности далеко не совпадали с позицией ДПЯ.

Разногласия по проблемам японо-американского Договора безопасности среди членов коалиции проявились уже при работе над соглашением о ее создании. В представленном ДПЯ проекте практически игнорировалась тема договора и связанного с ним соглашения о статусе американских войск на территории Японии. Однако требование удалить американские базы с территории Японии занимало важное место в программных документах СДПЯ. В них содержалось требование как минимум сократить число баз в префектуре Окинава. По настоянию СДПЯ в окончательный вариант коалиционного документа было включено заявление о стремлении пересмотреть соглашение 2006 г.¹³. ДПЯ согласилась с этим ради сохранения коалиции. Позднее, в мае 2010 г., после принятия руководством ДПЯ положений договоренности 2006 г., СДПЯ вышла из коалиции.

Более того, сразу же после формирования правительства в сентябре 2009 г. новоизбранный премьер-министр и председатель ДПЯ Ю. Хатояма инициировал расследование в связи с вопросом о передислокации базы Футэмма. Это решение послужило поводом для активизации

в японском обществе, политическом и военном истеблишменте, а также в экспертных кругах дискуссии о возможности отказа от всех японо-американских соглашений по базам, подписанных администрациями ЛДП, и разработки с чистого листа новых, равноправных соглашений.

Это вызвало жесткую отрицательную реакцию в Вашингтоне. В ноябре 2009 г. на встрече в Токио премьер-министра Японии Ю. Хатояма и президента США Б. Обамы было достигнуто согласие о проведении нового тура ежегодных японо-американских консультаций по поводу расширения сотрудничества сторон в Восточной Азии, в тематику которых будут включены не только военно-стратегические проблемы, но и вопросы совместных действий в условиях природных и техногенных катастроф, налаживания сотрудничества в сферах медицины и охраны здоровья, образования и экологии. Однако консультации не начались из-за отказа ДПЯ признать прежние договоренности по базе Футэмма.

В декабре 2009 г. администрация США уведомила Токио, что не намерена проводить переговоры с целью углубления двусторонних отношений, приуроченные к 50-летию японо-американского Договора безопасности 1960 г. Американская сторона объясняла свою позицию отсутствием прогресса в урегулировании проблемы расхождений в подходах передислокации базы Футэмма¹⁴.

Еще более напряженной ситуация в отношениях между Японией и США стала после выступления Ю. Хатояма во время официальных мероприятий, посвященных 50-летию Договора безопасности. Японский премьер-министр шокировал членов американской делегации своим заявлением о закате эпохи однополярного мира во главе с США¹⁵ и необходимости для Японии выстраивания равноправных отношений с Вашингтоном. Эту напряженность в японо-американских отношениях удалось снять лишь в феврале 2010 г., когда на встрече на Гуаме министра иностранных дел Японии Кацуя Окада и госсекретаря США Хиллари Клинтон была достигнута договоренность о начале консультаций с целью корректировки Договора безопасности.

В конце января газета «Иомиури» опубликовала статью председателя Комитета по международным отношениям Сената США Дж. Керри, информационным поводом для которой явилось 50-летие Договора безопасности. Основной внимание в ней было уделено современному состоянию и перспективам развития отношений между США и Японией. Расценив договор как ключевой элемент обеспечения мира и процветания в Азии, Керри отметил, что «мероприятия по случаю юбилея носили сдержанный и формальный характер». Причина этого в том, что изменения во внутривнутриполитической обстановке в Японии «вызывают серьезные опасения по поводу направленности развития альянса»¹⁶.

В июне 2010 г. Ю. Хатояма на посту главы кабинета сменил Н. Кан. Во внутривнутриполитической сфере новому правительству предстоит принять эффективные меры для преодоления негативных для японской экономики последствий мирового финансово-экономического кризиса, осуществ-

вить реформу политической и административной системы. В сфере внешней политики и обороны страны ему необходимо выправить негативные для японо-американских отношений последствия неуклюжих действий Хатояма, решить целый ряд трудных, но жизненно важных проблем. В их числе выработка алгоритмов адекватного реагирования на изменение глобального баланса сил, связанное с попытками Китая позиционировать себя на мировой арене, и особенно в Восточной Азии, в качестве новой сверхдержавы, имеющей исключительные права и привилегии, вытекающие из этого статуса; внесение соответствующих изменений в «Новые руководящие принципы» и национальную программу в сфере обороны; повышение эффективности мер внешнеполитического и оборонного характера с акцентом на согласованные или совместные с США действия в ответ на создание северокорейским режимом ядерного оружия и средств его доставки, а также в интересах его принуждения к возобновлению шестисторонних переговоров.

У нового премьер-министра Японии довольно высокие шансы на успех в этом направлении. Он имеет положительный имидж в глазах американского руководства, не был замечен в высказываниях, имеющих антиамериканскую подоплеку. И главное — он чувствует нюансы реальной политики, что может позволить ему адекватно реагировать на вызовы, обусловливаемые конкретной внутривнутриполитической и внешнеполитической ситуацией.

* * *

В складывающейся геэкономической, политической и стратегической обстановке, перед лицом стоящих перед Токио и Вашингтоном общих задач, связанных с поиском и реализацией мер по нейтрализации существующих и перспективных вызовов и угроз их интересам в Восточной Азии, США и Япония обречены на взаимовыгодное сотрудничество: без Японии Вашингтону не удержать своих позиций в мире и в АТР перед лицом стремительно набирающего силу Китая, стремящегося оспорить американскую гегемонию в регионе, превратить его в зону своих исключительных интересов. Находясь под защитой американского «ядерного зонтика» и опираясь на американскую военную мощь, Япония может позволить себе сохранять прежний довольно умеренный уровень оборонных расходов, направляя основные ресурсы на развитие своей экономики, серьезно пострадавшей от мирового финансово-экономического кризиса.

Японские правящие круги осознают, что выгоды от союзнических отношений с США намного превосходят негативные моменты. Японии не надо добиваться покровительства США как страховки на случай обострения отношений с Китаем, в том числе и по территориальной проблеме, подобно другим странам Восточной Азии. Японское руководство осознает, что такая страховка на чрезвычайно выгодных для Японии условиях существует в форме японо-американского Договора безопасности и со-

путствующих ему документах. В них содержатся обязательства США обеспечивать территориальную целостность Японии в нынешних границах, а также защищать ее права на установление границы в исключительной экономической зоне, в том числе вокруг группы островов Сэнкаку.

Готовность США к этому подтвердил бывший заместитель госсекретаря США Р. Армитэдж, который в 2010 г. совершал деликатные дипломатические миссии там, где официальные контакты нежелательны. Комментируя в пресс-клубе японских журналистов инцидент с китайским рыболовным судном и кораблем береговой охраны Японии, Р. Армитэдж заявил, что тем самым Китай «проверял Японию». При этом, как пишет газета «Иомиури», он посоветовал послать КНР намек, что «Токио и Вашингтон непоколебимо едины». При этом «нет необходимости что-то говорить о Сэнкаку», лучшим намеком «может стать увеличение оборонных расходов»¹⁷.

Армитэдж предупредил Китай, что вооруженные силы США на основании японо-американского Договора безопасности будут обязаны принять меры, в случае если КНР будет активизировать свою деятельность вокруг островов Сэнкаку¹⁸. Подготовка к возможному развитию такого сценария подтверждается запланированными на конец 2010 г. совместными учениями Сил самообороны Японии и Седьмого флота США, которые пройдут в районе архипелага Нансэй (Рюкю), простирающегося на 1900 км южнее Окинавы, включая острова Сэнкаку, принадлежность которых Японии оспаривается Китаем.

Сообщение о предстоящих учениях в японских СМИ появилось буквально на следующий день после того, как в Токио было заявлено о перспективах совместного с США отпора в случае нападения на японскую территорию. Это, согласно разъяснениям МИД Японии, вытекает из содержания японо-американского Договора безопасности¹⁹. Как подчеркивалось в редакционной статье газеты «Иомиури», «учения должны продемонстрировать Китаю, который наращивает свой военный потенциал и планирует расширить свою сферу влияния, что Силы самообороны Японии совместно с вооруженными силами США создают непроницаемую оборонительную преграду. Это будет служить самым эффективным сдерживающим средством». Кроме того, в статье предлагалось активизировать деятельность Сил самообороны в сфере разведки и оповещения. Такие меры предназначены для того, «чтобы вместо пассивного сдерживания, т.е. только наличия боеготовых сил и средств, перейти к активному сдерживанию, предполагающему их более активное реагирование на действия Китая»²⁰.

Следует подчеркнуть, что в Токио особую значимость придают сохранению американского «ядерного зонтика» над Японией и во время любых совместных мероприятий добиваются подтверждения ядерных гарантий со стороны США. Эти гарантии имеют жизненно важное, основополагающее значение для безопасности страны.

Правительство Ю. Хатояма, как представляется, было вынуждено уйти в отставку во многом вследствие того, что обозначенные в его политическом курсе идеи выравнивания японо-американских отношений в сторону их равноправия диссонировали с представлениями большинства японских политиков относительно важности сохранения американского ядерного прикрытия территории Японии. Независимо от своей партийной принадлежности, японская правящая элита проявляет единодушие в вопросе необходимости развития и совершенствования союзнических связей с США.

Можно предположить, что фаза выработки взаимоприемлемых решений по проблеме реструктуризации системы американских военных баз на территории Японии может продлиться неопределенно долгое время, даже если речь будет идти только о передислокации баз на территории Японии. В этот период они, вероятно, будут продолжать выполнять свои функции по «сдерживанию» КНР, а также по нейтрализации других существующих и перспективных угроз безопасности Японии.

Примечания

¹ Подробнее см.: *Сенаторов А.И.* Политические партии Японии: Сравнительный анализ программ, организации и парламентской деятельности (1945–1992). М., 1995.

² Цит. соч., с. 274.

³ Цит. по: *История Японии (1945–1975)*. М., 1978, с. 83.

⁴ См.: *Иомиури симбун*. 11.06.2004.

⁵ *East Asian Strategic Review-2010*. Tokyo, 2010, p. 254.

⁶ *Ibid.*, p. 268.

⁷ *Асахи симбун*. 26.03.2004.

⁸ *Киодо цусин*. 07.06.2004.

⁹ Там же.

¹⁰ *Иомиури симбун*. 15.03.2004.

¹¹ *Киодо цусин*. 07.06.2004.

¹² *Иомиури симбун*. 19.01.2010.

¹³ *The Japan Times*. 31.12.2009.

¹⁴ *Иомиури симбун*. 19.01.2010.

¹⁵ *Независимая газета*. 21.06.2010.

¹⁶ *Иомиури симбун*. 30.01.2010.

¹⁷ *Иомиури симбун*. 16.09.2010.

¹⁸ *The Japan Times*. 16.09.2010.

¹⁹ *Независимая газета*. 26.08.2010.

²⁰ *Иомиури симбун*. 24.08.2010.

И.П. Лебедева

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА НОВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Правительство во главе с демократами пришло к власти в весьма непростой с экономической точки зрения ситуации. Хотя «дно» рецессии, спровоцированной мировым финансово-экономическим кризисом, японская экономика прошла в первом квартале 2009 г. и к моменту победы Демократической партии Японии (ДПЯ) на выборах положение по многим параметрам улучшилось, тенденции к восстановлению конъюнктуры были слишком хрупки, да и перспективы развития мировой экономики были далеко не однозначны. Поэтому главной задачей экономической политики правительства Ю. Хатояма стало закрепление тех хрупких тенденций к оживлению, которые наметились со второго квартала 2009 г.

Однако едва ли не первым шагом нового правительства стало принятие решения о пересмотре дополнительного бюджета 2009 фин. г. в сумме 14,7 трлн. иен, принятого последним кабинетом либерал-демократов и призванного стимулировать подъем конъюнктуры. Целью этого пересмотра было сокращение части расходов и получение средств, необходимых для выполнения обещаний, данных Демократической партией в ходе предвыборной кампании, прежде всего таких, как выплата всем семьям пособий на детей и компенсаций их расходов на школьное образование. На эти цели правительству требовалось порядка 7,1 трлн. иен, но ревизия дополнительного бюджета принесла в результате лишь около 3 трлн. иен (при этом самым значительным сокращениям подверглись расходы Министерства земель, инфраструктуры, транспорта и туризма — на сумму более 900 млрд. иен)¹.

Иными словами, уже с самых первых шагов нового правительства стало ясно, что выполнение им данных в ходе предвыборной кампании многочисленных обещаний будет наталкиваться на жесткие финансовые ограничения.

Это стало еще более очевидно, когда началась подготовка бюджета на 2010 фин. г. О начале этой процедуры было объявлено в конце сентября 2009 г., т.е. примерно месяц спустя после того, как 31 августа все министерства и ведомства в соответствии с требованиями предыдущего правительства представили сметы своих расходов на 2010 фин. г. Общая

сумма этих расходов составляла 92,1 трлн. иен. Однако правительство призвало министерства пересмотреть свои наметки, особенно в части финансирования общественных работ, заявив устами своего премьера, что в отличие от прежней практики всемерного наращивания расходов теперь они должны, напротив, стремиться к сокращению расточительных трат.

Однако результат пересмотра бюджета оказался прямо противоположным — общая сумма расходов по поступившим к 16 октября министерским заявкам составила 95 трлн. иен, т.е. почти на 3 трлн. иен превысила первоначальные наметки².

Работа над бюджетом на 2010 фин. г., который должен был стать основным инструментом реализации социально-экономической политики нового правительства, была главным направлением его деятельности вплоть до конца 2009 г., когда обществу был представлен проект бюджета. К вопросу о процедуре его составления, воплощенной в нем идеологии и конкретном содержании мы вернемся несколько позже, а сейчас обратимся к тому, какие действия предпринимало правительство для поддержания тенденций к восстановлению конъюнктуры и чем они отличались от действий правительства либерал-демократов.

Первым официальным документом нового правительства, отражающим его представление о положении дел в экономике и мерах, необходимых для улучшения ситуации, стала опубликованная в декабре 2009 г. программа «Экстренные экономические меры для обеспечения роста и безопасности в будущем». Она состояла из шести разделов: «Занятость», «Окружающая среда», «Экономика», «Обеспечение безопасности в повседневной жизни», «Поддержка местных правительств» и «Раскрытие потенциала людей» — и содержала перечень мер, которые правительство было намерено предпринять не только в рамках данной программы, но и в перспективе.

Следует отметить, что и по духу, и по существу она мало чем отличалась от программ антикризисных мер, осуществлявшихся правительством Т. Асо, особенно от последней из них, принятой в апреле 2009 г. и получившей название «Пакет мер по борьбе с кризисом»³. Как известно, на подготовку этого документа помимо непростой экономической ситуации сильное влияние оказали факторы внутривнутриполитического характера, а именно предстоявшие выборы в нижнюю палату японского парламента. Особенно был заметен пропагандистский налет в содержании второй части программы, озаглавленной «Стратегия роста — инвестиции в будущее», где обозначены основные направления развития страны, а также меры, необходимые для продвижения по этим направлениям.

Если сопоставить указанные направления (создание низкоуглеродного общества, ориентированного на рециклирование ресурсов; развитие здравоохранения, сферы ухода за детьми, поддержка пожилых граждан; реализация потенциала роста японской экономики через развитие сельского хозяйства, лесоводства, рыболовства, туризма; создание инфра-

структуры, адекватной требованиям XXI в.) с теми, которые были заявлены в программе нового правительства, то окажется, что при всех различиях в формулировках и структуре этих двух документов с точки зрения видения перспектив развития страны у них есть много общего. Роднит их и обилие мер, намеченных к реализации по каждому из обозначенных направлений.

Что касается текущей экономической политики, то программа нового правительства опиралась, по существу, на те же схемы поддержки частного сектора, что применялись и прежде, но с целью увеличения их положительного эффекта предполагалось расширить круг охватываемых ими предприятий. В частности, она предусматривала облегчение доступа предприятий к системе государственного гарантирования кредитов частных банков, расширение круга компаний, которые смогут воспользоваться льготными кредитами Японской финансовой корпорации, смягчение условий кредитования для мелких и средних предприятий, а также увеличение объема кредитов, предоставляемых по линии Японского банка международного сотрудничества компаниям, занимающимся внешнеэкономической деятельностью.

Определенная преемственность в действиях нового правительства прослеживалась и с точки зрения набора инструментов, направленных на стимулирование потребительского спроса. Так, программа предусматривала продолжение использования (при постоянном совершенствовании) системы экобаллов, побуждающей потребителей приобретать энергоэкономичные технику и оборудование, а также продление срока действия мер, поощряющих покупателей приобретать автомобили, «дружественные окружающей среде».

Однако главное отличие программы нового правительства от ее предшественниц состояло в том, что в ней был существенно усилен акцент на стимулировании спроса. Об этом свидетельствовало значительное расширение набора мер фискального характера, призванных стимулировать потребительский спрос населения. Так, планировалось существенное увеличение объема кредитов, предоставляемых на цели жилищного строительства, а также резкое снижение ставок по кредитам на приобретение домов высшей категории. Кроме того, программа предусматривала увеличение объема средств, направляемых на поддержку безработных, выплату пособий людям, живущим за чертой бедности (в Японии к ним относятся лица, чей годовой доход составляет менее 12,5 тыс. долл.), на развитие сети дошкольных учреждений, выплату детских пособий и т.д., а также на реализацию комплекса мер, направленных на смягчение ситуации на рынке труда (таких как совершенствование работы государственной службы занятости, особенно в сфере трудоустройства выпускников вузов, создание дополнительных рабочих мест, в том числе за счет развития системы оказания разного рода услуг на дому, предоставление особых условий работы для матерей-одиночек и т.д.).

Общая стоимость программы «Экстренные экономические меры» составила 24,4 трлн. иен, в том числе 4,5 трлн. иен было выделено на решение экологических проблем (включая и схемы стимулирования потребителей к приобретению энергоэкономичных и экологически чистых моделей), 8,2 трлн. — на стимулирование частного жилищного строительства, 10,4 трлн. иен — на различные схемы финансовой поддержки бизнеса⁴.

Трудно сказать, в какой степени перенос центра тяжести в текущей экономической политике на стимулирование спроса явился сознательным выбором нового правительства, а в какой — был обусловлен необходимостью выполнения обещаний, данных Демократической партией в ходе предвыборной кампании. Однако именно в этом состоит главное отличие их политики от действий, предпринимавшихся либерал-демократами. Если ЛДП практически всегда (в том числе и в период последней рецессии) направляла усилия прежде всего на стимулирование предложения, полагая, что ситуация в сфере спроса является производной от положения дел в реальной экономике, то демократы, напротив, уделяют основное внимание стимулированию спроса, считая, что именно его восстановление даст импульсы и к развитию экономики.

Этой линии правительство придерживалось и при подготовке бюджета на 2010 фин. г. Представляя бюджет в парламенте, тогдашний премьер-министр Японии Ю. Хатояма назвал его «бюджетом, защищающим жизнь людей». Сама же его подготовка шла под лозунгом «от бетона — к людям».

Процедура подготовки бюджета 2010 фин. г. заслуживает отдельного упоминания. Впервые в истории Японии процесс обсуждения бюджета происходил не за закрытыми дверями, а буквально на глазах всего народа. За девять дней обсуждения зал, где проходили слушания, посетили более 20 тыс. человек, а порядка 2 млн. 700 тыс. человек наблюдали за этой процедурой через Интернет. Хотя некоторые журналисты весьма критично оценили эту инициативу правительства, назвав все происшедшее «театром по сокращению бюджета», многие серьезные аналитики придерживаются другого мнения. Так, например, редактор солидного академического издания *Japan Echo* Сираиси Такаси полагает, что реальное значение этого события состоит не только в том, что впервые широкой общественности было представлено то, что обычно было скрыто от ее глаз, но и в том, что благодаря этому в стране развернулась дискуссия о том, какой должна стать Япония в будущем, каким должно быть ее место в мире⁵.

Одной из целей правительства при организации открытых слушаний по бюджету было выявление и сокращение ненужных трат, однако в этом плане его ожидания не оправдались. Общая сумма сокращений составила всего лишь около 700 млрд. иен, и в результате бюджет 2010 фин. г. достиг рекордной величины — 92 трлн. 300 млрд. долл. Структура расходной и доходной частей бюджета представлена в табл. 1.

Таблица 1
Общий счет бюджета Японии*

Доходы и расходы	2010 фин. г., млрд. иен А	2009 фин. г., млрд. иен Б	А/Б, %
Доходы			
Всего	92299,2	88548,0	+4,2
Налоги и сборы	37396,0	46103,0	-18,9
Неналоговые поступления	10600,2	9151,0	+15,8
Выпуск государственных облигаций	44303,0	33294,0	+13,3
В том числе:			
строительных	6353,0	7579,0	-16,2
для финансирования дефицита	37950,0	25715,0	+47,6
Расходы			
Всего	92299,2	88548,0	+4,2
Обслуживание государственного долга	20649,1	20243,7	+2,0
Гранты местным правительствам	17477,7	16573,3	+5,5
Расходы центрального правительства	53454,2	51731,0	+3,3
В том числе:			
Социальное обеспечение	27268,6	24834,4	+9,8
Наука и образование	5586,0	5310,4	+5,2
Пенсии бывшим военным	714,4	787,2	-9,3
Оборона	4790,3	4774,1	+0,3
Общественные работы	5773,1	7070,1	-18,3
Экономическая помощь зарубежным странам	582,2	629,5	-7,5
Поддержка малого бизнеса	191,1	189,0	+1,1
Энергетика	842,0	856,2	-1,7
Продовольственное обеспечение	1159,9	865,9	+33,9
Прочее	5196,8	5064,2	+2,6

* www.mof.go.jp/

Даже при беглом взгляде на этот документ становится очевидно, что выполнение его расходной части сопряжено с огромным перенапряжением государственных финансов. Так, при снижении на 16,2% выпуска строительных облигаций на 47,6% возрастет выпуск облигаций, предназначенных для финансирования бюджетного дефицита, а общая сумма выпуска государственных облигаций достигнет рекордной величины — 44,3 трлн. иен. Объем налоговых поступлений, напротив, по расчетам правительства, снизится на 8,7 трлн. иен — до 37,4 трлн. иен — и будет почти на 19% меньше, чем в 2009 фин. г. Несколько увеличится объем неналоговых поступлений (на 15,8% — до 10,6 трлн. иен, из которых

4 трлн. 775 млрд. иен составят переводы со спецсчета Программы займов и инвестиций, а 2 трлн. 850,7 млрд. иен — переводы со спецсчета иностранной валюты). В целом же зависимость бюджета от выпуска государственных облигаций составит 48,0%, в то время как в кризисном 2009 фин. г. она находилась на уровне 37,6%⁶.

Что касается расходной части бюджета, то, как видно из приведенных в табл. 1 данных, в ней хорошо просматривается провозглашенный Ю. Хатояма принцип «от бетона — к людям». Так, расходы на социальное обеспечение возрастут на 9,8% (до 27,3 трлн. иен, а их доля в общей структуре расходов — до 29,5%), на образование и науку — на 5,2%, на обеспечение продовольственной безопасности — на 33,9%. В то же время инвестиции в общественные работы сократятся почти на 1,3 трлн. иен, или на 18,3%.

Исходя из необходимости выполнить обещания, содержащиеся в предвыборном «Манифесте» ДПЯ, новое правительство внесло в бюджет 2010 фин. г. такие новшества, как выплата пособий на детей (1,7 трлн. иен); поддержка определенного уровня доходов индивидуальных (семейных) крестьянских хозяйств (0,6 трлн. иен); обеспечение бесплатного обучения в государственных школах высшей ступени (0,4 трлн. иен); отмена временно введенной ставки налога на бензин (0,2 трлн. иен); снижение платы за пользование скоростными автодорогами (0,1 трлн. иен); урегулирование проблемы пенсионных счетов (0,1 трлн. иен); новые меры в области занятости (17 млрд. иен). Общая стоимость всех этих нововведений составила 3,1 трлн. иен⁷.

Среди перечисленных новшеств наиболее важными являются, несомненно, такие меры, как выплата пособий на детей и обеспечение бесплатного школьного образования (включая высшую ступень средней школы), поскольку они касаются миллионов японских граждан. Пособия на детей в размере 13 тыс. иен в месяц (с 2011 фин. г. — 26 тыс. иен) выплачиваются всем семьям независимо от уровня их доходов вплоть до окончания детьми первой ступени средней школы. Что касается обеспечения бесплатного школьного образования, то здесь предусмотрен следующий механизм. В государственных школах плата за обучение в школе высшей ступени отменяется, а в отношении частных школ вводится система компенсаций расходов родителей на обучение (в среднем 120 тыс. иен в год, что примерно соответствует стоимости обучения в государственных школах).

С точки зрения облегчения жизни граждан не вызывает сомнения полезность и всех прочих мер — постепенного снижения (на данном этапе — в выходные дни) платы за пользование скоростными автодорогами, урегулирования проблемы пенсионных счетов (путем перевода всей информации в электронный вид и обеспечения доступа к ней через Интернет), смягчения условий для получения пособия по безработице (сокращения продолжительности минимально необходимого для этого време-

ни работы с 6 месяцев до 31 дня), поддержки фермерских хозяйств путем выплаты им специальных субсидий и т.д.⁸.

Однако главный вопрос состоит в том, смогут ли эти меры и прочие инициативы правящей партии (которые начнут осуществляться с 2011 фин. г.) стимулировать потребительский спрос населения и подтолкнуть развитие японской экономики?

Представляется, что в ближайшие годы результативность этих мер будет весьма незначительна, поскольку в Японии существует целый ряд проблем, угнетающе воздействующих на потребительское поведение граждан и способных заблокировать положительный эффект от усилий правительства.

Как известно, Японию отличает весьма высокая доля сбережений в доходах домашних хозяйств и, соответственно, относительно невысокая склонность граждан к потреблению. Причем с начала 1990-х годов последний показатель (доля потребительских расходов в располагаемом доходе домашних хозяйств) демонстрирует тенденцию к понижению (%)⁹:

Год	Уровень потребления
1975	77,0
1980	77,9
1985	77,5
1990	75,3
1995	72,5
2000	72,1
2002	73,0
2003	74,1
2004	74,3
2005	74,7
2006	72,5
2008	73,3

По данным японской статистики, наиболее высокий уровень сбережений характерен для людей среднего возраста, в то время как пожилые японцы сберегают существенно меньшую долю своих доходов. Так, в 2008 г. в доходах 30- и 40-летних японцев доля сбережений составляла около 30%, в доходах 50-летних — 20–25%, а те, кому перевалило за 60 лет, сберегали лишь около 10% своих доходов¹⁰. В целом же общая сумма сбережений японских граждан составляет астрономическую величину — порядка 1,5 квадриллионов иен.

Очевидно, что определенная часть средств, сберегаемых японцами молодых и средних возрастов, предназначена для финансирования дорогостоящих приобретений, требующих накопления значительных сумм (например, для покупки дома или квартиры). Однако в последние годы среди мотивов сбережения практически всех возрастных групп (за исключением лишь самых молодых возрастов) едва ли не главным стало желание иметь дополнительный доход в старости (в качестве прибавки к пенсии, на случай болезни, необходимости ухода и т.д.).

Иными словами, огромные размеры отложенного спроса в Японии объясняются недостаточным развитием системы социального обеспечения. При этом накопившиеся в этой сфере проблемы (хронический дефицит государственного пенсионного фонда и быстрое возрастание расходов на выплату пенсий, несоответствие существующей системы медицинского обслуживания потребностям стареющего общества, неразвитость системы оказания услуг на дому и т.д.) лишь усугубляют ситуацию.

Наиболее сложным является положение пенсионной системы страны. Хорошо понимая остроту проблемы, Демократическая партия еще в предвыборном «Манифесте» предложила обществу проект пенсионной реформы. Не вдаваясь в подробный его анализ, отметим лишь некоторые наиболее важные моменты.

ДПЯ предлагает объединить существующие сейчас три разрозненные пенсионные системы в одну, состоящую из двух фондов. За счет первого фонда, финансовая база которого будет формироваться за счет потребительского налога, будут выплачиваться гарантированные пенсии (не менее 70 тыс. иен) гражданам, которые по тем или иным причинам не в состоянии делать взносы в систему социального страхования. Второй фонд будет образован путем объединения двух пенсионных систем (взаимопомощи и работников частных компаний), а также включения дополнительно еще одной категории граждан — самозанятых (т.е. владельцев мелких и средних предприятий и лиц свободных профессий). Его финансовая база будет формироваться за счет взносов граждан в определенной пропорции к величине их доходов, при этом получатели одинаковых доходов будут получать и одинаковые пенсии. Главная же цель реформы состоит в том, чтобы перейти от нынешней ситуации, когда содержание пенсионеров происходит за счет взносов их работающих сограждан, к ситуации, когда пенсионеры будут получать пенсии за счет накопленных взносов (и при этом смогут полностью вернуть внесенную сумму)¹¹.

Хотя Демократическая партия предполагает уже к 2013 г. представить пакет законов, необходимых для осуществления пенсионной реформы, нельзя сказать, что ознакомление с ее проектом внесло успокоение в японское общество. Во-первых, необходимое для осуществления реформы повышение потребительского налога, которое и прежде выглядело весьма проблематичным, после неудачи ДПЯ на последних выборах в палату советников стало вообще маловероятным (по меньшей мере, до следующих выборов в нижнюю палату). Во-вторых, пока неясен механизм и не определены временные рамки перехода от нынешней системы, когда работающие поколения содержат неработающие, к системе, основанной на накопленных самими пенсионерами взносах. В-третьих, неясен вопрос о том, какими будут выгоды и потери от реформы для различных категорий граждан. В частности, вряд ли те граждане, которые аккуратно платили взносы в государственную пенсионную систему, будут

удовлетворены, если их пенсии окажутся такими же, как и у тех, кто от этого увиливал. И наконец, в-четвертых, само состояние государственных финансов, которое еще больше осложнилось с принятием последнего бюджета, вызывает у населения определенные сомнения в реальности планов нового правительства¹².

Помимо недостаточного уровня развития системы социального обеспечения сдерживающее влияние на восстановление потребительского спроса оказывают и те изменения, которые происходят в последние годы в демографической структуре населения Японии и в сфере занятости.

Как известно, в Японии происходит быстрое старение населения, причем наиболее высокими среди развитых стран темпами. В 2007 г. доля лиц в возрасте старше 65 лет составила уже треть населения, что также является самым высоким среди развитых стран показателем. Между тем в силу известных причин доходы, а следовательно и расходы пожилых японцев существенно ниже, чем у лиц более молодых возрастов (средний размер пенсии составляет порядка 40% от среднего уровня зарплаты). Это означает, что в результате старения населения происходит постепенное нарастание в его структуре доли граждан с невысокими доходами, и соответственно — снижение доли получателей более высоких доходов, что не может не оказывать отрицательного воздействия на динамику общего объема потребительских расходов.

В таком же направлении действуют и те изменения, которые наблюдаются на рынке труда.

Во-первых, в стране сохраняется весьма высокий уровень безработицы (5,3% в июле 2010 г.), а это означает, что сотни тысяч людей (сами безработные и члены их семей) вынуждены существенно ограничивать размеры потребления.

Во-вторых, с начала 1990-х годов в структуре занятости происходит быстрое нарастание доли непостоянных работников (т.е. работающих на условиях неполной занятости или по временным контрактам). К середине 2010 г. доля лиц этой категории возросла до 34,3% от общей численности рабочей силы (в начале 1990-х годов она составляла порядка 20%). Поскольку доходы непостоянно занятых примерно в 2–3 раза ниже доходов постоянных работников (соответственно 2–3 млн. и 6 млн. иен в год), понятно, что такие сдвиги в структуре рабочей силы не могут не оказывать сдерживающего влияния на потребительский спрос населения¹³.

И наконец, с середины первого десятилетия 2000-х годов в Японии происходит практически непрерывное снижение реальной заработной платы постоянных работников (в том числе и в докризисные годы, так как из-за обострения глобальной конкуренции компании стремились всемерно сократить издержки на труд). Так, с 2005 по 2009 г. реальная среднемесячная заработная плата сократилась с 322,8 тыс. до 315,3 тыс. иен¹⁴.

В результате всех этих изменений происходит сокращение общей суммы доходов занятых (включая и работников некорпорированных предприятий), а следовательно, и сужение финансовой базы для роста

потребительского спроса. Так, общая сумма доходов занятых составила: в 1998 г. — 274,1 трлн. иен, в 2000 г. — 271,3 трлн., в 2004 г. — 256,1 трлн., в 2006 г. — 264,3 трлн., в 2008 г. — 262,4 трлн. иен¹⁵.

Конечно, отмеченные выше тенденции формируют не самый благоприятный фон для проведения курса нового правительства на стимулирование спроса. Кроме того, как справедливо указывают японские специалисты, одними фискальными мерами «раскачать» потребительский спрос невозможно. Они обязательно должны быть дополнены целым рядом других мер, таких как расширение возможностей для трудоустройства молодежи, создание условий для работы лиц старших возрастных групп, расширение социальных гарантий для лиц, работающих на условиях временной или неполной занятости, развитие сети дошкольных учреждений и домов для престарелых граждан, предоставление особых условий работы для матерей-одиночек, осуществление реформы системы медицинского обслуживания и т.д.

Перенос центра тяжести в текущей экономической политике на стимулирование потребления не означает, что новое правительство не предпринимает никаких усилий по поддержке производства (т.е. по расширению предложения). Как отмечалось выше, еще в принятой в декабре 2009 г. программе «Экстренные экономические меры» содержался пакет мер по стимулированию бизнеса на сумму 10,4 трлн. иен. Хотя в бюджете на 2010 фин. г. предусмотрено значительное сокращение расходов по статье «общественные работы» (на 18,3%), правительство продолжает поддерживать частный сектор путем предоставления предприятиям государственных гарантий по кредитам частных банков, расширения объемов льготного кредитования по линии Японской финансовой корпорации, смягчения условий кредитования для мелких и средних предприятий и т.д. Более того, оно предполагает в ближайшее время снизить с 18 до 11% ставку корпоративного налога для мелких и средних предприятий.

Однако, по мнению японских специалистов, существует целый ряд моментов в деятельности нового правительства, которые могут оказать отрицательное воздействие на ситуацию в экономике и подавить и без того пока весьма вялые стимулы к расширению предпринимательства в японском деловом сообществе.

Как известно, одной из наиболее ярких инициатив нового правительства стали принятие обязательства снизить к 2020 г. на 25% (по отношению к уровню 1990 г.) выбросы парниковых газов (об этом Ю. Хатояма заявил на Саммите по проблемам изменения климата, прошедшем 22 сентября 2009 г. в Нью-Йорке), а также предложение об ужесточении стандартов на энергопотребление путем внесения соответствующих поправок в Закон об энергосбережении¹⁶. Между тем очевидно, что реализация этих обязательств потребует от компаний осуществления дополнительных расходов, а следовательно, может еще больше обострить проблему высоких издержек производства в ряде отраслей и секторов

японской экономики и тем самым вынудить компании искать объекты для приложения капитала за рубежом.

Далее, на ситуацию в реальном секторе экономики, и прежде всего промышленности, угнетающее воздействие оказывает продолжающееся повышение курса иены по отношению к доллару и другим мировым валютам (так, относительно доллара курс иены поднялся со 103,87 иен в 2008 г. до 93,54 иен в 2009 г. и 87,72 иен в июле 2010 г.). Между тем существует прямая связь между ростом государственных расходов и курсом национальной валюты. Как пишет профессор университета Кэйтаку О. Нариаи, согласно модели Мюнделла–Флеминга в условиях свободного перемещения капиталов и плавающих курсов валют рост государственных расходов приводит к повышению ставки процента и укреплению национальной валюты. В этой ситуации обычно применяется такая мера, как ослабление кредитно-денежной политики, но в условиях дефляции, которая стала следствием рецессии, такая политика оказывается малоэффективной¹⁷. Иными словами, происшедшее при новом правительстве существенное наращивание государственных расходов стало одним из факторов повышения курса иены, что подрывает конкурентоспособность японского экспорта и подавляет стимулы к восстановлению в японской промышленности¹⁸.

И наконец, деловое сообщество не может не беспокоить ситуация, сложившаяся в сфере государственных финансов, и отсутствие у правительства четкой программы действий по ее урегулированию. Речь идет прежде всего об огромных размерах государственного долга, в 2009 г. достигшего суммы, эквивалентной 189,3% ВВП. И хотя дефолт Японии не грозит (поскольку, во-первых, почти все долговые обязательства размещены на внутреннем рынке и, во-вторых, лишь пятая часть долга представлена краткосрочными казначейскими обязательствами со сроком погашения до одного года, а половина — облигациями со сроками погашения 10, 20, 30 и 50 лет), сложившаяся ситуация существенно ограничивает возможности государства по стимулированию конъюнктуры, реализации социальных и экономических программ, а значит — ухудшает качество среды, в которой оперирует японский бизнес.

Если у либерал-демократов была программа урегулирования проблемы государственного долга (в частности, планировалось в 2011 фин. г. сбалансировать доходы и расходы первичного бюджета, но этому помешал мировой кризис), то демократы не спешат с определением временного горизонта и конкретных мер по решению этой проблемы. Между тем, как подчеркивают японские специалисты, единственным способом урегулирования проблемы государственного долга является сокращение государственных расходов и рост доходов за счет повышения налогов. И хотя это не может не вызвать недовольства населения, чем раньше новое правительство проведет переоценку своих обещаний и возможностей их финансирования, тем быстрее будет восстановлено доверие

к его экономической политике со стороны как бизнес-сообщества, так и рядовых граждан страны¹⁹.

Известно, что текущая экономическая политика не может быть успешной, если она не встроена в стратегию социально-экономического развития, которая дает обществу представление о том, какими будут основные направления развития страны в перспективе. Разработкой стратегии социально-экономического развития правительство демократов начало заниматься с первых же дней своей работы, опубликовав в декабре 2009 г. промежуточный вариант этого документа, а в июне 2010 г. — его окончательную версию.

Нетерпение, с которым японское общество ожидало выхода этого документа, «подогревалось» следующими обстоятельствами.

С начала 2009 г. в Японии стал все активнее обсуждаться вопрос о том, что, возможно, уже в 2010 г. она утратит свой статус второй по экономической мощи державы мира, уступив его Китаю. И хотя из-за высокого курса иены, с одной стороны, и явно заниженного курса юаня — с другой, а также ввиду неопределенности их будущей динамики определить точную дату этого события весьма сложно, вопрос об утрате страной прежнего статуса и последующих за этим политических и экономических изменениях продолжает оставаться в центре внимания как специалистов, так и широкой общественности.

На наш взгляд, не следует преувеличивать значимость этого события и тем более драматизировать его. Ведь совершенно очевидно, что, уступив Китаю второе место по масштабам экономики, Япония на долгие годы сохранит свое превосходство над ним по многим составляющим экономического потенциала, таким как уровень материально-технической базы промышленности, транспорта, связи, уровень научно-технического развития, степень инновационности экономики, отраслевая структура производства, качество и номенклатура производимых товаров и услуг, уровень и качество жизни населения и т.д. Иными словами, даже утратив статус второй по экономической мощи державы мира, Япония по-прежнему будет восприниматься как крупная высокоразвитая страна, обладающая огромным научно-техническим потенциалом, передовой промышленностью, современной инфраструктурой, мощной финансовой системой.

Однако в Японии смотрят на этот вопрос иначе. Ведь на протяжении последних 40 лет статус второй по экономической мощи державы мира был не только предметом национальной гордости японцев, символом их экономических достижений, но и одним из ключевых элементов, формировавших их национальное самосознание. Поэтому для японцев переход их страны на третье место в мировой экономике, по сути, равносильно перемещению в другую систему координат, требующему переосмысления многих привычных представлений о своей стране и окружающем мире.

Это означает, что, вырабатывая стратегию социально-экономического развития Японии, демократы должны были представить обществу не просто программу развития, а программу, которая была бы достаточно амбициозной и могла бы смягчить травматический эффект от утраты прежнего статуса второй по экономической мощи державы мира.

Этого же требовали и те неблагоприятные тенденции в экономическом развитии страны, которые стали нарастать с начала 1990-х годов и привели к ослаблению ее позиций в мире и ухудшению ряда качественных характеристик японской экономики.

В феврале 2010 г. Министерство экономики, торговли и промышленности (МЭТП) опубликовало доклад, подготовленный экспертами Комитета по конкурентоспособности производства, под названием «Современное положение и проблемы, стоящие перед японским производством»²⁰. Этот документ носит весьма алармистский характер. Он содержит значительное число таблиц, схем и диаграмм, которые дают наглядное представление о «болевых точках» японской экономики, и прежде всего промышленности, приведших к ослаблению позиций страны по ряду направлений.

Так, за период с 1990 по 2008 г. доля Японии в мировом ВВП сократилась с 14,3 до 8,9%, а по размерам ВВП на душу населения она опустилась с 3-го места в мире в 2000 г. на 23-е место в 2008 г. Более того, обладая огромным научно-техническим потенциалом, по индексу глобальной конкурентоспособности (рассчитываемому швейцарским Институтом развития управления) она опустилась с 1-го места в мире в 1990 г. на 22-е в 2008 г. При этом за последнее десятилетие заметно снизилась доля японских компаний на мировом рынке по таким репрезентативным продуктам, как навигационные системы для автомобилей, литиево-ионные батареи, DVD-проигрыватели, панели на жидких кристаллах, элементы памяти DRAM²¹.

Оказалось также, что Япония уступает крупнейшим развитым странам по таким показателям, как уровень производительности труда и размеры заработной платы работников. Так, в 2007 г. среди пяти крупнейших экономик мира (США, Япония, Германия, Франция, Великобритания) по первому показателю Япония занимала четвертое место, а по второму — последнее. При этом авторы доклада отмечают целый ряд узких мест в развитии японской промышленности, которые в совокупности и приводят к ослаблению ее позиций на мировых рынках. Среди них — углубляющийся разрыв в уровне производительности труда (добавленная стоимость на одного занятого) между крупными корпорациями, оперирующими в глобальных масштабах, и национальными мелкими и средними предприятиями; более низкая прибыльность национальных компаний по сравнению с оперирующими в Японии иностранными фирмами; наличие большого числа фирм, конкурирующих за долю на внутреннем рынке (и как следствие — снижение эффекта экономии на масштабах); низкая предпринимательская активность (измеряемая коэффициентами

открытия и закрытия бизнеса); высокие издержки производства и высокие налоги на прибыль корпораций; застой в динамике инвестиций в оборудование; отставание японских компаний от западных фирм в выстраивании эффективных моделей глобализации бизнеса и т.д.

Общий смысл доклада заключается в том, что нужно не только вдохнуть свежую струю в развитие промышленности, но и найти новые источники роста как в национальном хозяйстве, так и в глобальной экономике. При этом Японии следует изменить прежнюю модель экономического развития, когда основные импульсы роста исходили от обрабатывающей промышленности (а в последние годы — от узкого круга экспортноориентированных отраслей), и перейти к новой, более сбалансированной модели с широко диверсифицированной базой роста.

Вскоре, в мае 2010 г., появился еще один подготовленный МЭТП документ²², в котором были определены стратегические направления развития японской экономики на период до 2020 г., а также названы конкретные меры, которые следует предпринять бизнесу и правительству для продвижения по этим направлениям. Поскольку представленные в нем материалы и выкладки легли в основу опубликованной правительством месяц спустя «Новой стратегии роста», не останавливаясь на анализе этого документа, перейдем к рассмотрению основных положений «Новой стратегии».

В ней определены основные параметры развития японской экономики на период до 2020 г. Его основной целью провозглашается создание «сильной экономики», опирающейся на «здоровую систему государственных финансов» и «крепкую систему социального обеспечения». Среднегодовые темпы роста в этот период составят порядка 2% в реальном исчислении и около 3% — в номинальном. При этом предполагается, что уже в 2011–2012 гг. с дефляцией будет покончено и в последующие годы будет происходить незначительный рост цен на уровне 1% в год.

Со стороны спроса экономический рост будут поддерживать расширение спроса населения на медицинские услуги, услуги по уходу за престарелыми и детьми, а также общий рост потребления товаров и услуг, который станет результатом создания системы социального обеспечения, удовлетворяющей потребности граждан и снимающей их тревоги относительно проблем, с которыми они могут столкнуться в старости. (Предполагается, что благодаря этому ежегодно на расширение потребления будет направляться от 4 до 10 трлн. иен из сбережений населения.) Экономический рост будут также поддерживать частные инвестиции в оборудование, существенного расширения которых потребует реализация мер, намеченных в области экологии и энергосбережения.

Со стороны предложения поддержать экономический рост предполагается за счет расширения занятости пожилых граждан, женщин и молодежи (и снятия тем самым отрицательных последствий быстрого сокращения числа лиц трудоспособного возраста), за счет облегчения условий для открытия дела как для отечественных, так и для иностранных пред-

принимателей, а также путем принятия целого комплекса мер, направленных на усиление творческого потенциала нации (начиная с принятия Плана по трудоустройству выпускников вузов и кончая введением разного рода схем, поощряющих научно-исследовательскую деятельность).

От модели экономического роста с упором на ведущие отрасли обрабатывающей промышленности предлагается перейти к более диверсифицированной и устойчивой модели, основанной на преимущественном развитии семи стратегических областей: 1) энергосбережение и защита окружающей среды; 2) система здравоохранения; 3) экономическое сотрудничество с Азией; 4) туризм и развитие местных экономик; 5) сфера НИОКР, информации и связи; 6) обеспечение занятости и развитие человеческих ресурсов; 7) финансовая система.

За счет развития только первых четырех сфер предполагается увеличить объем спроса на 123 трлн. иен и создать дополнительно 4 млн. 990 тыс. рабочих мест. При этом за счет развития сферы, связанной с энергосбережением и защитой окружающей среды, будет создано 1 млн. 400 тыс. рабочих мест и увеличен спрос на 50 трлн. иен. Развитие системы здравоохранения позволит создать дополнительно 2 млн. 840 тыс. рабочих мест и увеличить спрос также примерно на 50 трлн. иен, а объем экспорта в Азию и другие страны оборудования для объектов инфраструктуры оценивается в 19,7 трлн. иен.

Авторы «Новой стратегии» рассчитывают также, что за счет реализации мер, направленных на активизацию предпринимательства (в том числе снижения с нынешних 40 до 25% ставки корпоративного налога), в стране до 2020 г. будет создано около 1 млн. новых предприятий, а это должно привести к расширению инвестиционного спроса и росту вклада в экономический рост TFP («фактора общей эффективности», который также называют «остаточным фактором» или «фактором научно-технического прогресса»).

Среди других весьма амбициозных проектов «Стратегии» можно отметить, например, идею о создании «комплексной биржи», т.е. высокотехнологического рынка, на котором будут осуществляться операции с ценными бумагами, финансовыми инструментами и товарами, или проект создания в Японии более 100 научных центров и учебных заведений мирового уровня, где будут изучаться и развиваться прежде всего те области знаний, в которых Япония превосходит другие страны, и готовиться кадры, способные осуществить прорыв на новых направлениях науки и техники²³.

На наш взгляд, в целом «Новая стратегия роста» выполнила свое предназначение — она представила японскому обществу в общих чертах будущий образ страны (такой, какой ее хотели бы видеть демократы) и определила основные направления, по которым нужно продвигаться, чтобы достичь поставленных целей.

Основные ее достоинства состоят в следующем. Во-первых, она выстроена с учетом тех внутренних и внешних вызовов, с которыми сталки-

ваются сейчас Япония (таких как крупные структурные сдвиги в мировом хозяйстве, существенное повышение роли Китая в мировой экономике и политике, глобальное потепление, обострение проблемы загрязнения окружающей среды, быстрое старение японского населения и снижение уровня рождаемости, ослабление позиций страны в мировой экономике по ряду направлений, застой в развитии местных экономик, недостаточный уровень развития сферы социального обеспечения и медицинского обслуживания и т.д.).

Во-вторых, она действительно предлагает новую модель экономического роста, которая в отличие от прежней модели, основанной на импульсах, исходящих от обрабатывающей промышленности, будет ориентироваться на широкий круг сфер и отраслей, опережающее развитие которых должно обеспечить устойчивый рост экономики с упором на внутренний спрос.

В-третьих, она содержит широкий перечень конкретных мер (около 330), которые правительство намерено предпринять для достижения обозначенных стратегических целей.

В-четвертых, предлагаемые «Стратегией» количественные и качественные ориентиры экономического развития представляются достаточно взвешенными и обоснованными, учитывающими необходимость соблюдения баланса между внутренним и внешним спросом и сочетания мер, стимулирующих как спрос, так и предложение.

Таким образом, по замыслу разработчиков «Стратегии», Японии предстоит коренным образом изменить свой имидж на мировой арене. Из страны, производящей высококачественную промышленную продукцию и насаждающей свои промышленные филиалы по всему миру, она должна превратиться в страну, которая, во-первых, будет являться образцом с точки зрения обеспечения качества окружающей среды и достижений в области энергосбережения и, во-вторых, предложит эффективную модель решения проблемы старения населения и связанных с этим социальных вопросов (что становится актуальным для все большего числа государств).

Поскольку развитие японской экономики основано на частных инициативах и частных интересах, очевидно, что реализация «Стратегии» будет зависеть прежде всего от того, насколько привлекательной она окажется для делового сообщества страны. В этой связи следует отметить два основных недостатка этого документа, на которые указывает и японская пресса. Во-первых, в нем недостаточно четко обозначены стимулирующие инструменты, которые должны побудить частные предприятия развиваться в предусмотренных правительством направлениях. Во-вторых, в нем не указаны ни суммы затрат на те многочисленные меры, которые должны быть реализованы до 2020 г., ни источники их финансирования, что с учетом нынешнего состояния государственных финансов не может не вызывать вопросов как стороны деловых кругов, так и рядовых граждан²⁴.

Очевидно также, что многое будет зависеть и от того, насколько успешной будет текущая экономическая политика правительства. Ведь в 2011 фин. г. для выполнения содержащихся в «Манифесте» ДПЯ обещаний потребуется уже 12,1 трлн. иен, что может привести к возрастанию размеров государственного долга до суммы, более чем в 2 раза превышающей годовой объем ВВП.

Однако, судя по последним правительственным документам, правительство (теперь уже во главе с новым премьером) оценивает ситуацию довольно оптимистически. Так, в опубликованных в конце июня 2010 г. предварительных оценках итогов 2010 фин. г. практически по всем экономическим показателям прогнозируются более высокие темпы роста, чем те, которые содержались в январском прогнозе (см. табл. 2). При этом подчеркивается, что наряду с восстановлением мировой экономики положительное влияние на экономическую ситуацию оказали меры, осуществлявшиеся правительством сначала в рамках программы «Экстренные экономические меры», а затем — в рамках бюджета 2010 фин. г.

Таблица 2

**Динамика основных экономических показателей Японии
(по сравнению с предыдущим годом)*, %**

	2009 фин. г.	2010 фин. г.	
		январский прогноз	июньский прогноз
Реальный ВВП	-2,0	1,4	2,6
Частный потребительский спрос	0,6	1,0	1,5
Частные инвестиции	-18,5	4,4	4,7
Расходы правительства	2,9	-0,8	-0,7
В том числе:			
конечное потребление	1,6	1,4	1,6
инвестиции в общественный капитал	9,3	-9,5	-11,4
Экспорт товаров и услуг	-9,6	8,3	16,5
Импорт товаров и услуг	-11,8	5,2	8,7
Вклад внутреннего спроса	-2,4	1,1	1,5
В том числе:			
вклад частного спроса	-3,0	1,3	1,7
вклад государственного спроса	0,7	-0,2	-0,2
Вклад внешнего спроса	0,4	0,4	1,1
Номинальный ВВП	-3,7	0,4	1,6
Уровень безработицы	5,2	5,3	4,8
Промышленное производство	-8,9	8,0	13,8
Дефлятор ВВП	-1,7	-1,0	-1,0

* Mid-Year Economic Projection for FY 2010. June 22, 2010. Cabinet Office.

Отмечая положительные тенденции в развитии японской экономики и признавая определенный вклад в улучшение ситуации действий, принятых новым правительством, нельзя обойти вниманием и тот факт, что деловое сообщество пока слабо реагирует на эти импульсы и не вполне готово взяться за реализацию новой стратегии роста. Так, индекс Никкэй 225, чутко улавливающий настроения, царящие в деловых кругах страны, опустился в конце августа до отметки ниже 9 тыс. иен, что является самым низким с начала года показателем. Что же касается простых граждан, то можно полагать, что и значительное падение популярности бывшего премьер-министра Ю. Хатояма, приведшее к его отставке, и потеря ДПЯ значительного числа мест в палате советников в результате выборов, прошедших в июле этого года, отражают, в числе прочего, и оценку гражданами действий правительства в сфере экономики.

Однако справедливости ради следует отметить, что год — слишком малый срок для выставления каких-либо оценок и напомнить, что новое правительство начало свою работу в крайне жестких и неблагоприятных условиях.

Примечания

¹ Japan Echo. 2009, vol. 36, № 6, December, p. 1.

² Ibid.

³ См.: Лебедева И.П. Кризис и государство. — Мировой кризис и Япония. М., 2009.

⁴ Emergency Economic Countermeasures for Future Growth and Security. December 08. 12.2009 (www.cao.go.jp/).

⁵ Japan Echo. 2010, vol. 37, № 1, February.

⁶ Highlights of the Budget for FY 2010. December 2009, p. 1 (www.mof.go.jp/).

⁷ Ibid., p. 9.

⁸ Ibid., p. 5–8. Крестьянским хозяйствам, занимающимся производством риса, будут выплачиваться по 15 тыс. иен на 1 акр земли (в случае если они выдерживают заданные объемы производства и не ухудшают соотношение между издержками и продажной ценой). Кроме того, хозяйствам, которые выращивают рис, соевые бобы и пшеницу, идущие на производство кормов или муки, будут выплачиваться субсидии, которые позволят поднять их доходы до уровня доходов тех, кто производит рис для непосредственного потребления.

⁹ Токэй-дэ миру Нихон (Япония в статистических данных). Токио, 2008, с. 55.

¹⁰ Annual Report on the Japanese Economy and Public Finance. 2009, p. 25 (www.cao.go.jp/).

¹¹ Нихон кэйдзай-но асахи-о ёму (Заглядывая в будущее японской экономики). Токио, 2010, с. 164–166.

¹² Подробно см.: *Nariai O.* Social Security Reform — Japan Echo. 2010, vol. 37, № 1, February.

¹³ www.jil.go.jp/english/estatis/201008

¹⁴ Ibid.

¹⁵ National accounts (см.: www.esri.cao.go.jp/sua).

¹⁶ Этот закон был принят в 1979 г. и санкционировал введение жестких норм на расходование тепла и энергии на всех видах производства, а также предоставил государству право контроля за соблюдением этих норм на частных предприятиях.

¹⁷ См.: *Nariai O.* Short-Comings in the DPJ's Economic Policy. — Japan Echo. 2009, vol. 36, № 6, December.

¹⁸ К концу августа 2010 г. курс иены по отношению к доллару вплотную приблизился к отметке 85 иен за 1 долл., однако Банк Японии пока не намерен прибегать к такой мере, как валютные интервенции (по сообщениям СМИ он начнет валютные интервенции, если курс иены поднимется до 83 иен за 1 долл.).

¹⁹ Нихон кэйдзай-но асахи-о ёму, с. 173–176.

²⁰ Current Status and Issues Facing Japanese Industries. February, 2010. Ministry of Economy, Trade and Industry.

²¹ Ibid., p. 5, 26.

²² См.: The Industrial Structure Vision 2010 (Outline). May, 2010. Ministry of Economy, Trade and Industry.

²³ См.: Ibid.; New Growth Strategy. June 18, 2010. Cabinet Office; Japan Brief/FPCJ. 22.06.2010, № 1020.

²⁴ См.: Japan Brief/FPCJ. 22.06.2010, № 1020.

Е.Л. Леонтьева

**ЯПОНСКАЯ ЭКОНОМИКА:
ПОСЛЕ КРИЗИСА, ПОСЛЕ СМЕНЫ ВЛАСТИ**

В 2002–2007 гг. в Японии была полоса невысоких темпов экономического роста: прирост ВВП в реальном выражении составлял в среднем около 2% в год. В 2008–2009 гг. мировой финансово-экономический кризис положил конец этому подъему. Япония пострадала от кризиса сильнее, чем большинство развитых стран: мировая рецессия в реальной экономике привела к сокращению спроса на промышленные товары — основу японского экспорта. В 2009 г. в Японии падение ВВП составило 5,2%, в Великобритании — 4,9%, в США — 2,4%, в странах еврозоны (в целом) — 4,1%¹.

Низшая точка кризиса в Японии была пройдена в первом квартале 2009 г., когда ВВП в реальном выражении составлял 89,1%² от докризисного уровня, инвестиции (четверть внутреннего спроса) — 60,1%, а потребительские расходы населения (более половины внутреннего спроса) — 89,2% максимального значения этих показателей в конце 2007 — начале 2008 г. Объем промышленного производства сократился на 31,5%, стоимость экспорта — почти наполовину, а валовые прибыли компаний — до четверти докризисного «пика».

Послекризисное восстановление в Японии пошло быстрее, чем во многих развитых странах. По оценке Международного валютного фонда, в 2010 г. ВВП Японии возрастет на 2,4%, стран Еврозоны — на 1, Великобритании на 2,1% и только в США ожидается более высокий темп — 3,3%³. По расчетам Японского центра экономических исследований (одного из ведущих аналитических центров страны), даже если экономика будет расти медленнее (на 2%), на конец 2010 г. предкризисный уровень ВВП будет достигнут⁴.

Внешние вызовы

Японский центр экономических исследований весной 2010 г. объявил, что в мировой экономике «штормовая погода сменилась дождем», а над Японией уже светит солнце⁵. Но погода в экономике Японии неустойчива.

© Леонтьева Е.Л., 2011

К середине 2010 г. показатели совокупного спроса были близки к докризисному максимуму: ВВП — 94,9%, промышленное производство — 87,8, потребительские расходы населения — 91%. Движущей силой стал экспорт товаров — он восстановился до 77% от докризисного максимума. Обычно главной движущей силой в фазе восстановления деловой активности были частные капиталовложения. Но они остались на низшей точке спада. Объем инвестиций в строительные работы снизился до уровня 1977 г. Обновление промышленного оборудования задерживается — его средний возраст поднялся до 13,7 года против 12 лет в 2001 г. и 10 лет в 1990 г.

Экономическое восстановление без прироста капиталовложений, спрос, перекошенный в сторону внешнего рынка, — это необычно для Японии. Рост прибылей корпораций не привел к увеличению инвестиций и созданию новых рабочих мест и поэтому не обещает повышения доходов населения.

При этом география внешнеэкономических связей Японии изменилась. Экспорт японских промышленных товаров, рассчитанных на квалифицированный спрос в США и Европе, переключился на рынки растущих стран Восточной Азии. В 2010 г. торговля со странами Азии впервые превысила половину всего внешнеторгового оборота Японии, в то время как на торговлю с США и Евросоюзом пришлось соответственно 13,2 и 11,2%⁶.

В международном разделении труда Япония — один из крупнейших поставщиков оборудования и технологий. Статус второй в мире промышленной державы принадлежал Японии с конца 1980-х годов. Этот статус пошатнулся из-за «потерянного десятилетия», глобального экономического кризиса и стремительного взлета китайской экономики. Удельный вес Японии в мировом ВВП сократился с 14,3% в 1990 г. до 8,8% в 2008 г., а уже в середине 2010 г. на место второй промышленной державы выдвинулся Китай.

Большее половины прибылей, заработанных на экспорте товаров и в зарубежных филиалах, корпорации направляют на дальнейшее развитие производственных и сбытовых сетей за рубежом. Разделяя свои инвестиции между внутренним и внешним рынком, они предпочитают внешний. По данным опроса газеты «Никкэй», у 660 крупных компаний 34% всех накопленных активов находилось за рубежом, в том числе у 45 из них — больше половины⁷. Побудительный мотив для ухода капитала за границу — высокий уровень фискальной нагрузки на прибыли. Сумма налогов и отчислений на социальное страхование составляет 50,4% валовой прибыли компаний — против 42,8% в Соединенных Штатах, 41,6% в Великобритании и 31% в Нидерландах. Один лишь налог на прибыль, поступающий в бюджет центрального правительства, отнимает около 40%⁸.

До последних лет японские компании перемещали в КНР свои сборочные заводы, а готовая продукция поставлялась на китайский рынок

и на рынки других стран. В Китае инвестиционный бум, здесь ведется огромное дорожное строительство и идет становление современного потребительского рынка. Спрос китайского населения переключается на готовую продукцию промышленности развитых стран. Телевизоры, холодильники, стиральные машины, автомобили покупаются так же активно, как это было в Японии в 1960–1970-х годах. В 2009 г. более 10% японского экспорта в КНР составили легковые автомобили, грузовики и прочее транспортное оборудование, а продажи аудио- и видеоаппаратуры увеличились на 60% по сравнению с 2008 г.

Но Китай быстро развивает собственное производство электроники, средств связи и автомобилей, создает свои товарные стандарты, модели и торговые марки и начинает конкурировать с японскими компаниями на их традиционных рынках в Европе и Северной Америке. Китайская промышленность встраивается в международное разделение труда уже не только по вертикали, т.е. по стадиям переработки, но и по горизонтали, конкурируя на одних и тех же рынках.

В Японии профицит по товарной торговле «встроен» в макроэкономическую структуру еще с 1970-х годов. Чтобы его поддерживать (внешняя торговля — главное условие прибыльности частного предпринимательского сектора), Япония должна будет удерживать позиции лидера и мирового донора в разработке и применении высоких технологий. Это самый конкурентный эшелон, связанный с высокими рисками в мировом разделении труда.

Конкуренция ведется агрессивно и подчас без правил. Японским компаниям все труднее выбирать, какие технологии надлежит охранять от хищения и какие виды деятельности следует оставлять внутри своей страны. Так, директор ведущей машиностроительной компании *Mitsubishi Heavy Industries* увидел в Китае контрафактную копию своего листопркатного стана: китайцы не стесняются копировать самую сложную технологию⁹. Они видят в покупке западных фирм возможность выйти сразу на самый высокий технический уровень. Покупка китайским холдингом *Zhejiang Geely* компании *Volvo* у американского концерна *Ford Motor Co.* вызвала нешуточную тревогу в японских деловых кругах.

Не только КНР, но и другие конкуренты дышат в затылок японским компаниям. Кризис сделал свое дело — в 2009 г. выпуск автомобилей в Японии сократился на 31,5% — до 7 млн. 930 тыс. машин, и первое место в мировом производстве автомобилей, которое Япония держала с 2006 г., перешло к Китаю, где было выпущено 13 млн. 790 тыс. машин¹⁰. Японцы уступили лидерство в производстве жидкокристаллических панелей южнокорейским фирмам *Samsung Electronics* и *LG Display Co.* Японская *Nichia Corp.* еще держит первенство по производству светоизлучающих диодов, но ее нагоняет южнокорейская *Seoul Semiconductor Co.* Японские компании потеряли первое место в мире по производству металлорежущих станков, которое он держали 27 лет, в пользу Китая и Германии. Мировое лидерство пока сохраняется в производстве циф-

ровых видеокамер, плат флэш-памяти, солнечных батарей, плазменных панелей, медицинских приборов.

В Японии этот внешний вызов воспринят с большим беспокойством, особенно после того, как аналитики швейцарской бизнес-школы IMD опубликовали очередной рейтинг конкурентоспособности 58 мировых экономик — *IMD Competitiveness Yearbook*. В нем Япония оказалась на 27-м месте, позади Китая, Южной Кореи и Тайваня¹¹. В 1989–1993 гг. Япония была первой в этом списке, в 2002 г. — семнадцатой. К числу показателей, которые «потянули» Японию вниз, относятся низкая рождаемость, старение населения, самые высокие налоги на прибыль и огромный бюджетный дефицит. Несмотря на низкое место в указанном рейтинге, Япония остается в ряду экономических держав первого ряда, подобно Великобритании, Германии и Франции, по уровню производительности труда и уровню жизни.

«Перекося» в сторону внешнего спроса питает не только неопределенная ситуация в США и странах Евросоюза, но и удорожание японской иены.

Ревальвация иены началась в марте 2008 г., когда финансовые учреждения многих стран раскрутили спекуляции на разнице процентных ставок в Японии, США и странах еврозоны (*yen carry trade*). Иену покупали, пользуясь тем, что стоимость заимствования в Японии была близка к нулю. Со временем разница между ставками стала незаметной, так как денежные власти США и стран Европы снизили свои процентные ставки, однако иена осталась наиболее привлекательной из мировых валют не только для международных спекулянтов, но и для правительств. Не доверяя доллару США, центральные банки, в особенности Банк Китая, покупают долгосрочные облигации японского правительства. Япония кажется экономически сильной, поскольку она тесно связана с рынками Азии и пользуется перспективами роста этих рынков. Иена стала своего рода «островом стабильности» на мировом валютном рынке.

В результате курс иены к доллару поднялся со 108,13 за доллар в июле 2008 г. до 95,6 в июле 2009 г. и 86,4–84,2 в августе–сентябре 2010 г. Удорожание иены, как всегда, затрудняет жизнь японским экспортерам и стимулирует «исход» японской промышленности за границу. Промышленники потребовали от правительства провести валютные интервенции, чтобы снизить этот курс. По оценке полугосударственной организация ДЖЕТРО, точка безубыточности для японских компаний может быть обеспечена курсом в 93,4 иены за доллар¹². Масштабы мирового валютного рынка настолько огромны, что Банк Японии считал продажу иены и покупку долларов безнадежным делом, но после того, как курс поднялся выше 84 иен за доллар, уступил давлению деловых кругов и 15 сентября начал продавать иеновые активы — впервые с 2004 г.

Высокий курс иены по отношению к доллару не только тормозит экспорт, но и снижает цены на импортные товары, способствуя дефляции цен на внутреннем рынке Японии. Периодически «высокая иена» в XX в.

вызывала снижение темпов роста (в 1985–1986 и 1993–1995 г.). Возвращение доллара на прежние позиции в мировом платежном обороте не слишком вероятно, как и расширение участия иены в обслуживании региональных расчетов. Японской промышленности придется адаптироваться к новому уровню курса иены, который значительно выше паритета ее покупательной силы в долларах (117 иен за доллар в 2008 г. по оценке ОЭСР).

Внутренние проблемы

Вялый спрос на внутреннем рынке может только ускорить перевод производственных мощностей за границу. Важнейшей проблемой для Японии является возвращение к экономическому росту на основе внутреннего спроса. Обычный прием стимулирования внутреннего спроса — увеличение бюджетных расходов — был применен для выхода из кризиса. Резерва для стимулирования роста практически не осталось.

Антикризисная политика правительства и Банка Японии действовала по трем направлениям: расширение спроса на внутреннем рынке, предотвращение крупных банкротств и поддержание ликвидности в финансовой системе.

Правительство приняло программы («пакеты») бюджетных расходов. Они были проведены через парламент как дополнительные бюджеты на 2008/09 и 2009/10 фин. гг. либо были включены в основной бюджет на 2009/10 фин. г.

Средства этих программ были использованы:

- на помощь малым и средним предприятиям в виде гарантирования банковских кредитов и моратория по долгам мелких и средних предприятий под гарантии правительства (август 2008 — март 2011 г.);

- на прямые денежные дотации потребителям. Программа раздачи живых денег населению (Cash Benefit Program) на общую сумму в 2 трлн. иен (200 млрд. долл.) по 12 тыс. иен (120 долл.) на душу была выполнена весной 2009 г.;

- на поддержку рынка труда. Увеличены пособия по безработице, компаниям положены субсидии для найма постоянных работников, местным органам власти предоставлены гранты на создание новых рабочих мест, система страхования по безработице распространена на временных работников;

- на льготы по налогам на наследование и дарение, по страхованию жилых домов, купленных на вторичном рынке, на снижение тарифов на проезд по платным скоростным автомобильным дорогам;

- на стимулирование покупок товаров длительного пользования. По программе стимулирования продажи энергосберегающих холодильников, кондиционеров, телевизоров с ЖК- и плазменными панелями розничные продавцы начисляют покупателям «экобаллы» (eco-points), а при покупке экономичных моделей холодильников, кондиционеров, телеви-

зоров и другой бытовой техники часть цены товара возвращается покупателю в виде этих баллов. Программа «эко-баллов», запущенная 15 мая 2009 г., продлена до начала 2011 г., в 2010 г. в нее включена покупка новых домов;

— на избавление от автомобильной рухляди. Отбраковка «старья» производится в принудительном порядке во время техосмотров. Владельцам машин, возраст которых превышает 13 лет, при покупке новой машины предусмотрена государственная субсидия в 250 тыс. иен (\$2 600). К апрелю 2010 г. в утиль было отправлено 3 млн. 700 тыс. старых машин и продано 3 млн. 128 тыс. новых. Программа субсидий и налоговых льгот для покупки экологически чистых «гибридных» машин и электромобилей оказалась настолько популярной, что ассигнованные на нее деньги закончились досрочно, и она закрылась в начале сентября 2010 г.;

— на увеличение на 20% расходов на инфраструктурное строительство (шоссе, мосты и путепроводы, школьные здания и пр.) для ускоренного создания рабочих мест и спроса на товары и услуги.

Во избежание цепного банкротства крупных компаний была запущена программа экстренных займов (41,8 трлн. иен). Экстренными кредитами (свыше 15 трлн. иен) из ресурсов государственного Японского банка развития воспользовались автомобильные компании *Nissan Motor Co.* и *Mitsubishi Motors Corp.* и производитель электронных компонентов *Elpida Memory Inc.* Им не дали попасть в положение большой «детройтской тройки».

Чтобы стабилизировать рынок акций и увеличить приток ликвидности на рынок ценных бумаг, были освобождены от налога дивиденды, переводимые в Японию из зарубежных филиалов компаний. Налоги на реализованную курсовую прибыль и дивиденды были уменьшены наполовину.

По инициативе организаций бизнеса (Федерации предпринимательских организаций, Японской ассоциации дилеров рынка ценных бумаг и др.) правительство и Банк Японии выкупили у банков и нефинансовых компаний принадлежавшие им акции для поддержания спроса на рынке ценных бумаг.

Общие масштабы поддержки производственных предприятий, потребительских расходов и финансового сектора трудно поддаются оценке. На одни лишь субсидии покупки экологически чистых бытовой техники и жилых домов израсходовано 1250 трлн. иен (примерно 14 трлн. 700 млрд. долл. по курсу середины 2010 г.). Бюджетные стимулы, которые ввели в действие предыдущие правительства, сильно увеличили государственный долг. К середине 2010 г. накопленный долг был равен 191% ВВП. В бюджете на 2010/11 фин. г. на обслуживание долга предусмотрено 24,9% расходной части центрального бюджета, т.е. почти столько же, сколько на все социальные цели. Бюджетный дефицит равен 8,6% ВВП, заимствования правительства составляют 48% всех поступлений.

Вместе с обязательствами региональных властей (префектур) долг равен 218,6% ВВП. Долговые кризисы — явление глобального масштаба. Но суверенный долг Японии значительно больше, чем аналогичные долги США (84,8%) и Великобритании (68,7%)¹³.

Правда, долговой кризис европейского типа Японии не угрожает, так как иностранным держателям принадлежит всего 4,6% облигаций. Ее долговой кризис — практически внутренний. Япония не несет обязательств по оздоровлению бюджета, подобных маастрихтским критериям, принятым для вступления в Еврозону¹⁴. Здесь маловероятна такая ситуация, как, например, в Греции. При этом есть свои риски и свои преимущества.

С одной стороны, долг вполне безопасно структурирован по времени: он всего на 20,9% состоит из краткосрочных казначейских обязательств, заменяемых новыми выпусками. Больше половины эмиссии составляют 5- и 10-летние облигации, но есть бумаги со сроками погашения и в 40, и в 50 лет. Поэтому в Японии невозможен суверенный дефолт — отказ от текущего обслуживания долга.

С другой стороны, долговые обязательства размещены у держателей в частном финансовом секторе, у которого правительство надолго изымает ликвидные средства. Населению Японии продано только 2,3% облигаций. Около 70% облигаций госдолга держат банки, страховые компании. Финансовые учреждения страны несут главный риск по обязательствам государства. Банки, не находя достаточно надежных заемщиков, охотно покупают государственные бумаги. Доходность облигаций со сроком в 5 и 10 лет — это верхний предел для ставок по долгосрочным кредитам. Она держится на уровне ниже 2%. Но если финансовые учреждения откажутся их покупать, Министерству финансов придется повышать доходность своих бумаг, и тогда поднимутся и «длинные» банковские ставки, а это затормозит инвестиционный процесс.

Кроме того, бюджетный дефицит ставит под угрозу финансирование социальных расходов, в первую очередь государственных пенсий¹⁵. С предложением повысить 5%-ную ставку налога на продажи, который входит в цену для конечных потребителей, выступали все последние правительства либерал-демократов. Но этот вариант налоговой реформы был непопулярен и так и не дошел до парламента.

Еще кабинет Дзюньитиро Коидзуми (2001–2006) поставил цель восстановить бюджетную дисциплину и свести первичный баланс (добиться равновесия поступлений и расходов за вычетом выпуска государственных облигаций и обслуживания госдолга) к 2010 г. Эта цель была отодвинута на неопределенный срок

Рынок труда в Японии не пережил такого падения, как промышленное производство. Безработица держится на уровне в 5,1–5,3% экономически активного населения. Это больше, чем в благополучные годы (3,9–4%), но немного по меркам США и стран Евросоюза. В тяжелое время работодатели старались не увольнять постоянных работников,

которых сами же обучили. Массовые увольнения коснулись работающих по срочным контрактам и нанятых на неполный рабочий день.

В социальной структуре населения наблюдается вымывание среднего класса. К нему относятся семьи с годовым доходом в 8–9 млн. иен. Их спрос формирует 40% всех потребительских расходов в стране. Число таких семей сократилось на 18%. Напротив, число семей с низкими доходами (меньше 4 млн. иен в год) увеличилось на 50%¹⁶. Доходы семей снизились в среднем на 4,6%. Отсюда вялая динамика потребительского спроса.

Во всех развитых странах кризис выразился в сокращении спроса на внутреннем рынке и, соответственно, уменьшении темпов инфляции до низких значений: в США — 1,2%, в Еврозоне — 1,1%¹⁷. В Японии цены снижаются темпом в 0,9–1% на годовом уровне. Страна вернулась к дефляции, которую переживала в течение «потерянного десятилетия», которое на самом деле продолжалось 12 лет: застой в 1990–1997 гг. и спад в 1998–2002 гг.

Дефляция цен, если она станет хронической, будет серьезным ограничителем роста, так как порождает избыток ликвидности у предприятий и домохозяйств и ожидание дальнейшего падения цен, подавляя стимулы к инвестированию.

Спад 2009 г. сопровождался падением курсов японских акций. Хотя Япония не была эпицентром мирового финансово-экономического кризиса, акции японских компаний обесценились больше, чем акции компаний Европы и США. Из листинга Токийской фондовой биржи ушли 114 компаний, из них 18 обанкротились. Общее же число банкротств (14 732) сократилось на 8,7%, а совокупная задолженность банкротов оказалась на 49% меньше, чем в 2008 г.¹⁸ Кроме того, среди них не было крупнейших компаний такого ранга, как американские инвестиционные банки *Lehman Brothers*, *Bear Stearns* и *Merrill Lynch* или автомобильные концерны *General Motors* и *Chrysler*. Лишь одно громкое банкротство случилось в январе 2010 г. Главный международный авиаперевозчик *Japan Airlines* понес тяжелые потери из-за уменьшения загрузки дальних рейсов. Процедура банкротства JAL, рассчитанная на три года, идет под наблюдением Министерства транспорта, и компания будет реабилитирована на деньги Японского банка развития.

За 2009 г. оборот Токийского рынка ценных бумаг сократился на 35,1% — меньше, чем у Нью-Йоркской фондовой биржи *NYSE-Euronext* (47,1%), но больше, чем у *Nasdaq Stock Market* (20,6%). По этому показателю Токийский рынок впервые уступил первенство Шанхайской бирже¹⁹. Токийская фондовая биржа отложила до 2012 г. организацию торговли многими финансовыми продуктами, отставая в этом отношении от *NYSE-Euronext*, *Nasdaq Stock Market* и других основных бирж мира.

В Японии, как и в других развитых странах, финансовый сектор является наиболее жестко регулируемой сферой экономики. Между тем ни в одной стране регулирование не смогло предотвратить финансовый

кризис 2007–2008 гг. По инициативе «Большой двадцатки»²⁰ в 2009 г. была начата работа по унификации и повышению эффективности регулирования финансовых рынков.

Выдвинутое «Большой двадцаткой» предложение улучшить качество капиталов банков для защиты от возможных потрясений не вызывало сомнения у японских властей. Но поручение Базельскому банку международных расчетов разработать новые нормативы достаточности капитала банков с тем, чтобы ввести их в действие к концу 2012 г.²¹, данное на совещании министров финансов 20 стран в Питтсбурге, в Японии было встречено негативно. Базельский банк предложил, чтобы для банков, ведущих международные операции, уровень достаточности капитала был поднят с нынешних 8% до 12% активов. Собственный капитал — «подушка» на случай кризиса ликвидности, если банки теряют активы и должны гасить «плохие долги». В Японии сочли, что это может спровоцировать сжатие кредита и затормозить восстановление экономической конъюнктуры. Чтобы уложиться в новые нормативы, банки должны будут прибегнуть к новой эмиссии обыкновенных акций, что трудно будет сделать при волатильности фондового рынка.

Правда, в 2007–2009 гг. не было ни одного банкротства банков, а в 2010 г. разорился только один небольшой банк «Инкубатор», кредитовавший малые фирмы. Положение банков в Японии несравненно легче, чем в США и странах Европы. Японская банковская система пережила свой тяжелый кризис в 1991–2002 гг. В 1991 г. была введена процедура принудительного банкротства. Ее прошло 181 финансовое учреждение. Теперь финансовые власти Японии не позволяют банкам доходить до неплатежеспособности.

В Японии была положительно принята рекомендация саммита в Питтсбурге правительствам не закрывать бюджетные программы стимулирования, пока не наступит восстановление экономик. Но для Японии совершенно нереально участие в предложенной в Питтсбурге схеме, согласно которой странам следует ограничить свои бюджетные дефициты 3% ВВП.

Обновление политической системы

Кризис в экономике вызвал глубокое потрясение в политической жизни Японии. Либерально-демократическая партия (ЛДП), которая провела у власти почти непрерывно 54 года, потеряла доверие избирателей. За долгие годы экономического процветания с политической сцены ушла левая оппозиция. Многие недостатки в деятельности ЛДП вызывали в стране массовое недовольство. Особенно раздражало общественное мнение слияние интересов руководителей фракций, верхушки правительственной и местной бюрократии и лидеров бизнеса — «железный треугольник».

30 августа 2009 г. на выборах в нижнюю палату парламента большинство мест получила Демократическая партия Японии (ДПЯ), и 16 сентября ее председатель Юкио Хатояма стал премьер-министром. Руководство ДПЯ состоит из «диссидентов» ЛДП, которые вышли из ее состава во время «потерянного десятилетия». При отсутствии левых оппозиционных сил ДПЯ аккумулировала настроения социального недовольства, совершенно естественные для экономического кризиса. В парламент были избраны новые люди — почти половина депутатов от ДПЯ была избрана впервые. Потерпевшая поражение партия либерал-демократов стала распадаться, покидающие ее политики начали формировать новые группы и квазипартии. Смена партии у власти поначалу выглядела обновлением политической элиты и возбудила надежды на то, что в стране наконец-то сложится двухпартийная система.

В своей предвыборной кампании Хатояма использовал беспримысленный лозунг борьбы с бюрократией. Он предложил ограничить право законодательной инициативы, фактически принадлежащее бюрократии, и усилить законотворчество депутатов парламента. И не только это. В предвыборных обещаниях Хатояма было сказано: «Наш кабинет введет в действие новую систему, в которой ответственность за работу каждого министерства и ведомства будут нести, номинально и реально, политики, избранные народом»²². Эти предложения получили мощную поддержку электората.

Сразу после прихода к власти ДПЯ начала пересматривать действия своих предшественников и готовить свой «пакет» бюджетных стимулов для восстановления экономики.

Бюджетная реформа в Японии давно назрела. Однако изменение структуры поступлений и расходов бюджета не может быть проведено в условиях кризиса. ДПЯ начала действовать с пересмотра бюджетной процедуры. Обычный порядок отводил пять месяцев (с 1 августа до 31 декабря) на составление бюджета и согласование расходов по его статьям внутри правительства. Затем бюджет проходил парламентскую процедуру и вступал в силу 1 марта, с начала нового финансового года. Руководство ДПЯ потребовало сократить процедуру до трех месяцев и отменило основные установки для составления бюджета, однако новые установки были выработаны только в ноябре.

Кабинет Хатояма провел «чистку» исполнения бюджета по министерствам и ведомствам и по бюджетам префектур. Ранее проверка исполнения бюджета проводилась раз в квартал, а неиспользованные средства списывались. Теперь от министерств потребовали ежемесячной информации, чтобы исключить расточительство, и разрешить перенос неиспользованных денег на другие сроки. Эти новации вызвали сопротивление чиновников и дезорганизацию бюджетного процесса. Межминистерское согласование бюджетных заявок обычно проводил аппарат правительства. Теперь его взял в свои руки Итиро Одзава, генеральный секретарь ДПЯ и ее признанный «серый кардинал».

Для «чистки» бюджета был создан Совет по административному обновлению при Канцелярии премьер-министра, которому была поставлена задача провести реформу государственного управления, включая бюджет и административную структуру центрального правительства. Коидзуми еще в 2000–2001 гг. провел реорганизацию правительства, пересмотрел принципы финансирования бюджета и закрыл ряд расточительных и провальных инфраструктурных проектов. Не все ему удалось. В частности, он не смог искоренить весьма непопулярную в японском обществе практику перехода чиновников на руководящие посты в компаниях, с которыми они имели служебные контакты (*амакудари*, букв. «нисхождение с небес»).

Хатояма ограничился ревизией расходов ради выполнения предвыборных обещаний ДПЯ, обещаний явно популистского характера. Программа восстановления экономики была сведена к стимулированию потребительского спроса. В бюджет 2010/11 фин. г. были внесены предложения выплачивать семьям пособия на детей до 12 лет независимо от семейных доходов, ввести бесплатное обучение в средней школе второй ступени (для 15–18-летних), отменить плату за проезд по скоростным шоссе и покончить с практикой *амакудари*. Ревизия исполнения бюджета дала только 969 млрд. иен. Второй раунд проверки бюджетных расходов в апреле 2010 г. принес еще 1,8 трлн. иен — всего 2% расходной части бюджета²³. Поэтому некоторые предвыборные обещания пришлось сократить.

В коалиционный кабинет ДПЯ вошли небольшие партии — Социал-демократическая и Новая народная. Лидер Новой народной партии Сидзука Камэи, противник реформ Коидзуми, открыто действовал вразрез с линией премьера. Став главой Управления финансовых услуг, Камэи, ответственный по должности за приватизацию системы почтово-сберегательных касс (начатой в 2007 г. и намеченной к завершению в 2017 г.), остановил эту реформу. Он уступил давлению банковских и страховых лоббистов, которым не нужны новые конкуренты. Продажа акций Почтового банка и Почтовой страховой компании, намеченная на 2010 г., была отменена, а это значит, что бюджет не получит поступлений от их приватизации. Банк, страховая компания и сберегательный фонд бывшего Почтового ведомства объединены в холдинг, 30% акций которого принадлежат государству.

Деловые круги выразили недовольство экономической политикой кабинета Хатояма, слишком, по их мнению, популистской и мешающей возобновлению экономического роста. Ниппон Кэйданрэн, главная лоббистская организация бизнеса, потребовала повысить налог на продажи и снизить налог на прибыль. Открытая борьба участников коалиционного кабинета по поводу приватизации почтово-страховой службы, пособий на детей, платы за проезд по хайвеям, отказ Хатояма от некоторых предвыборных обещаний — все это раздражало деловое сообщество, так как это противоречило национальным традициям. Скандалы вокруг финан-

сирования избирательной кампании 2009 г. не добавили популярности ДПЯ. Ближайший соратник Хатояма, генеральный секретарь ДПЯ Одзава, был уличен в том, что его помощники (якобы без его ведома) купили участок земли в Токио на неучтенные деньги избирательного фонда. Это являлось нарушением закона о контроле над политическими фондами. Расследованием дела Одзава занялась Токийская окружная прокуратура. А широкая публика увидела, что ДПЯ, по существу, есть плоть от плоти ЛДП, на счету которой тоже бывали такие грехи.

Конфликт Хатояма с Соединенными Штатами по поводу авиабазы Футэмма на острове Окинава, которую местное население категорически потребовало убрать, стал последней каплей в чаше терпения избирателей. Хатояма ушел в отставку, чтобы спасти свою партию от поражения на выборах в верхнюю палату парламента, состоявшихся 11 июля 2010 г. Пост главы нового коалиционного кабинета занял Наото Кан. Однако ДПЯ не смогла добиться лидерства в верхней палате, и ее положение осталось шатким.

В своей декларации Кан поставил две главные цели экономической политики: добиться устойчивого экономического роста и сбалансировать первичный государственный бюджет. Обе цели рассчитаны на десять лет — Кан реально оценивает сложность этой работы.

Чтобы высвободить силы частного предпринимательства и сократить отток инвестиций за рубеж, Кан предложил снизить налог на прибыль с нынешних 40 до 26%, т.е. до среднего уровня для 30 стран Организации экономического сотрудничества и развития. Эту меру поддержали более 70% крупных компаний.

Кан реорганизовал кабинет министров и избавился от одиозных соратников своего предшественника — Одзава и Камэи. Трудной проблемой для Кана стало неизбежное, но крайне непопулярное у населения повышение налога на продажи потребительских товаров и услуг.

Во всех бюджетах центрального правительства, начиная с 1999 г., поступления налога на продажи предназначались для финансирования базовых пенсий, медицинского обслуживания и ухода за престарелыми. В 2010 г. налог на продажи уже не покрывал расходы по этим программам. Население стареет, и такие расходы будут расти. Чтобы компенсировать текущий дефицит, пришлось бы поднять ставку этого налога до 9%. Между тем ДПЯ запланировала создание к 2014 г. новой, единой пенсионной системы с гарантированным минимумом пенсий в 70 тыс. иен (примерно 750 долл.). Повышение налога стало неизбежностью, и дебаты идут вокруг новой ставки. Федерация предпринимательских организаций предложила поднять ставку налога на продажи до 10% и одновременно снизить ставку налога на прибыль с 40 до 30%, ссылаясь на то, что в Китае, Южной Корее и России эта ставка ниже на 10–15%. Кан поддержал 10%-ную ставку налога на продажи, но при этом рейтинг его кабинета упал до 36%.

Выборы руководства ДПЯ 14 сентября 2010 г. стали настоящим экзаменом на прочность позиции Наото Кан как премьер-министра. В борьбу за руководящий пост вступил Итиро Одзава, прозванный «теневым сёгун» Японии. В его поддержку выступил Юкио Хатояма.

Позиции претендентов были настолько различными, что ДПЯ оказалась на грани раскола. Одзава и Кан разошлись по поводу того, должна ли партия жестко выполнять предвыборные обещания, данные Хатояма. Кан настаивал на их ревизии, Одзава — на полном выполнении. Кан — сторонник сокращения всех бюджетных расходов на 10%, Одзава защищал полный пересмотр структуры бюджета. Кан выступил в поддержку повышения налога на продажи, Одзава — против.

Исход их поединка решился благодаря поддержке широкой публики, которая не доверяет Одзава с его репутацией мастера закулисных сделок и разрушителя политических коалиций. А также благодаря позиции делового мира. Большие банки сбросили часть купленных ими государственных облигаций, как только Одзава вступил в борьбу за пост председателя ДПЯ. Наото Кан выиграл партийные выборы и остался на посту премьер-министра.

Перед его кабинетом стоят неотложные задачи не допустить замедления темпов экономического роста из-за высокого курса иены и выработать новую долгосрочную экономическую стратегию. Если его партия удержится у власти, можно будет с уверенностью сказать, что в Японии сформировалась двухпартийная система.

Примечания

¹ IMF World Economic Outlook Update. Restoring Confidence without Harming Recovery. 07.07.2010, p. 2.

² Здесь и дальше статистические данные приведены по: Japan Monthly Statistics. Statistics Bureau. Tokyo, September 2010 (www.stat.go.jp). Предкризисный максимум для ВВП, капиталовложений, потребительских расходов населения и экспорта был достигнут в четвертом квартале 2007 г., для промышленного производства и прибылей — в первом квартале 2008 г.

³ IMF World Economic Outlook Update, p. 2.

⁴ Japan Center for Economic Research. The 143rd Quarterly Forecast of Japanese Economy. August 2010, p. 7.

⁵ Japan Center for Economic Research. World has Gone Out of Storm in February. April 2010.

⁶ The Nikkei. 23.04.2010.

⁷ The Nikkei Weekly. 09.08.2010.

⁸ The Nikkei. 08.06.2010.

⁹ The Nikkei Weekly. 03.05.2010.

¹⁰ The Nikkei 30.01.2010.

¹¹ The Nikkei. 20.05.2010. International Institute for Management Development — бизнес-школа, расположенная в Лозанне, Швейцария. См. также: Коммерсантъ. 20.05.2010, № 88 (4388).

¹² The Nikkei. 18.09.2010. ДЖЕТРО (Japan External Trade Organization) ведет исследование рынков и оказывает помощь японским экспортерам.

¹³ Данные Международного валютного фонда (цит. по: The Nikkei. 11.05.2010).

¹⁴ По условиям Маастрихтского договора дефицит правительственного сектора бюджета должен быть менее 3% от ВВП, а долг этого сектора — менее 60% от ВВП или приближаться к этому умеренным темпом.

¹⁵ В Японии сложная пенсионная система, в которой базовые пенсии для всех граждан, финансируемые налогами и взносами работодателей, дополняются частными накопительными пенсионными программами.

¹⁶ Данные Министерства внутренних дел. См.: 2009 Results of Family Income and Expenditure Survey (Total Households) — www.stat.go.jp

¹⁷ World Economic Outlook. Rebalancing Growth IMF. Wash., April 2010, p. 163.

¹⁸ The Nikkei. 08.04.2010.

¹⁹ Данные Всемирной федерации фондовых бирж (см.: www.world-exchanges.org).

²⁰ «Большая двадцатка» была создана 25 сентября 1999 г. В нее входят члены «Большой восьмерки» (США, Япония, Германия, Великобритания, Франция, Италия, Канада и Россия), а также Китай, Аргентина, Австралия, Бразилия, Индия, Индонезия, Мексика, Саудовская Аравия, ЮАР, РК, Турция и ЕС.

²¹ Leaders' Statement: The Pittsburgh Summit. September 24–25, 2009.

²² Basic Principles of the Hatoyama Government. 16.09.2009, p. 2 (www.kantei.go.jp).

²³ The Yomiuri Shimbun. 29.04.2010.

Научное издание

Япония после смены власти

Редактор *М.А. Унке*
Художник *Э.Л. Эрман*
Технический редактор *О.В. Волкова*
Корректор *И.И. Чернышева*
Компьютерная верстка *Н.А. Важенкова*

Подписано к печати 23.11.10
Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная
Усл. п. л. 12,5. Усл. кр.-отт. 12,7. Уч.-изд. л. 15,0
Тираж 500 экз. Изд. № 8452. Зак. №

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
127051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21. www.vostlit.ru

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6